

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6 руб. 50 коп.**
За границу **7 руб.**

Подписка преимущественно принимается
въ **ВОРОНЕЖѢ** въ Редакціи Филол.
Записокъ; также въ извѣстныхъ столич.
магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи также можно получать:

Годовое изданіе «**ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ**
за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отд.
а именно:

О происхожденіи языка, Э. Ренан
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. А.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній
ра.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев.
режка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заклк
последнія шесть лекцій Макса-Мюллера
съ Ант. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. с

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Сборникъ классическихъ иностранн
въ переводахъ русскихъ писателей, I том
ляютъ **Образцовыя произведенія Сканд**
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 187

Редакторъ-Издатель А.

**ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ.**

ЖУРНАЛЬ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ VI.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. И. Исаева.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ VI ВЫПУСКА.

Чествованіе 50-лѣтія служенія Академика и заслуженнаго Профессора, почетнаго члена разныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ Федора Ивановича Буслая. О. Н.

О мѣрахъ къ усиѣшному преподаванію древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. IV. (Продолженіе). А. И. Ляловъ.

Русское слогуудареніе. Гл. 10-я Семазіологическое удареніе. Гл. 11-я Двойное и аналогическое удареніе. (Продолженіе). I. Θ. Шарловскаго.

Задача и направленія романа въ историческомъ его развитіи. Д. Н. Рисова.

Грамматическія замѣтки:

1) По поводу замѣтки И. Желтова о видахъ русскихъ глаголовъ. С. Н. Воскресенскаго.

2) Къ вопросу правописанія: аго или ого? М. Θ. Петропавловскаго.

Нѣсколько словъ объ ученой дѣятельности Дюканжа по поводу 200-лѣтней годовщины со дня его смерти.

М. Г. Попруженко.

Наши письменные источники о языческихъ богахъ русской мифологіи. Д. О. Шеннига.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Вслѣдъ за этой книжкой выйдутъ отдѣльными выпусками изданія: 1) Чествованіе 50-лѣтія служенія Академика и профессора Θ. И. Буслая; 2) Задача и направленія романа въ историческомъ его развитіи; 3) Наши письменные источники о языческихъ богахъ русской мифологіи.

Въ непродолжительномъ времени также выйдутъ капитальныя изслѣдованія—«Къ ученію о русскомъ глаголѣ», 2-й томъ; «Основные элементы языка и начала его развитія»; «Русское слогуудареніе», 3-й вып.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СЛУЖЕНІЯ АКАДЕМИКА И ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА, ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА РАЗНЫХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ И УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА БУСЛАЕВА *).

Еще до нынѣшней учебной вакаціи т. е. въ маѣ мѣсяцѣ 1888 года въ московскихъ и петербургскихъ газетахъ (Русскія Вѣдомости, Новое Время, Свѣтъ) появились справки о днѣ 50-лѣтія службы Ѳ. И. Буслаева. „Словарь профессоровъ Московскаго университета“ показывалъ—18 августа, потому что 18 августа 1838 года Ѳ. И. избралъ педагогическое поприще и сталъ учителемъ русскаго языка и словесности.

Очевидно, эту справку хотѣли вызвать образованіе комитета для устройства юбилея. Прошли даже слухи, что

*) Помѣщая привѣтственные телеграммы, письма и другія сообщенія, заимствованныя изъ массы полученныхъ Ѳ. И. привѣтствій и собранныя специально для насъ однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ, по поводу чествованія знаменитаго маститаго юбиляра, Редакторъ «Фил. Зап.» считаетъ себя счастливымъ, что на долю его выпало такое пріятное удовольствіе—передать своимъ читателямъ выраженія глубокихъ чувствъ высокопоставленныхъ лицъ и обществъ, какъ представителей науки, и другихъ почитателей полувѣковой славной и многоплодной педагогической и ученой дѣятельности Ѳ. И. Буслаева, посвященной имъ на пользу русскаго слова, русскаго искусства, и то глубокое уваженіе, какое высказалось къ нему, какъ къ преподавателю и какъ къ Профессору и Академику. Мы рады, что имѣемъ случай съ одной стороны—воспроизведеніемъ всего изложеннаго воздать должное заслугамъ нашего Великаго учителя, а съ другой—выразить глубочайшую благодарность нашу за драгоцѣнный научный вкладъ его и въ наше изданіе.

Ред.

1

50555959

Ворожская областная
научная библиотека
имени А. С. Пушкина

~~Ворожский филиал
научной областной
библиотеки
имени А. С. Пушкина~~

Общество исторіи и древностей и Общество любителей словесности зондировали почву, но что юбиларъ рѣшительно отклонилъ предложеніе, отчасти дорожа своимъ здоровьемъ, отчасти выразивъ мысль, что чествованіе въ принятой формѣ (подписка на обѣдъ) не соотвѣтствуетъ его представленію о чествованіи. Тѣмъ не менѣе, петербургскія газеты настойчиво утверждали, въ теченіе всего лѣта, что юбилей состоится.

Юбилей не состоялся, но совершилось то, что въ собственномъ смыслѣ можно назвать „чествованіемъ“, что продолжается еще и доселѣ и кончится, вѣроятно, съ празднованіемъ Татианина дня 12 января 1889 года, праздника Московскаго Университета, такъ какъ имя *Θ. И.* всего болѣе приурочивается къ Московскому университету эпохи его процвѣтанія при гр. С. Г. Строгановѣ.

Московская и петербургская пресса за двѣ недѣли до юбилейнаго дня въ рядѣ статей помѣстила перечень ученыхъ и педагогическихъ трудовъ профессора и академика, но никто не зналъ и не упомянулъ до сихъ поръ, что *Θ. И.* у насъ родоначальникъ не только, такъ называемаго, объяснительнаго чтенія, но и звуковаго метода. Года три тому назадъ Русскій Курьеръ просилъ доставить въ редакцію свѣдѣнія объ А. Г. Гуслистомъ, первомъ преподавателѣ по звуковому методу, очевидно, не зная, что въ 1842 году по порученію графа Строганова *Θ. И.* составилъ руководство для преподаванія по звуковому методу для начальныхъ школъ. Очевидно, этого не зналъ и составитель отчета 2-й гражд. гимназіи *) (гдѣ началъ службу *Θ. И.*), который съ подлинной записки *Θ. И.* упоминаетъ о 2-хъ критическихъ статьяхъ **), какъ первомъ литературномъ трудѣ *Θ. И.*

Повторимъ этотъ перечень. Одна за другой слѣдовали

*) По случаю ея 50-лѣтія.

**) Въ Москвитянинѣ и Отеч. Запискахъ.

крупныя работы Ѳ. И., словно крупныя жемчужины на ожерельѣ. Первой крупной работой въ этомъ ряду жемчужинъ было сочиненіе: „О преподаваніи отечественнаго языка“, которое надолго установило методъ объяснительнаго чтенія и разбора, имѣло, сверхъ того, вліяніе на преподаваніе классическихъ и иностранныхъ языковъ.

Далѣе идетъ диссертация „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, какъ основной мотивъ, разработанный потомъ въ Историческую Грамматику и Историческую Христоматию. Все это время идетъ кипучая профессорская и журнальная дѣятельность на ряду съ дѣятельностію Грановскаго, Кудрявцева и другихъ *), и Ѳ. И. стоитъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ разнымъ редакціямъ—Москвитянина (особенно къ молодой редакціи П. В. Кирѣвскаго), Отечественныхъ Записокъ, Библіотеки для чтенія, Русскаго Вѣстника, гдѣ, на ряду съ Кудрявцевымъ, онъ общается о всемъ выдающемся въ сферѣ своей спеціальности.

Отчасти результатомъ этой дѣятельности являются два огромныхъ тома (съ приложеніемъ 3 тома рисунковъ) „Историческихъ Очерковъ“. Давно извѣстно, что литература есть отраженіе началъ и хода развитія извѣстнаго народа. Своими Историческими Очерками Ѳ. И. открылъ русскому обществу основныя начала русскаго народа и сдѣлалъ это безъ всякой тенденціозности славянофильства или западничества,—въ этомъ его огромная заслуга. Позднѣйшія литературныя произведенія разнаго рода народниковъ: Глѣба Успенскаго и пр. и пр. были только не всегда удачными иллюстраціями къ тому, что въ самомъ основаніи и во всей полнотѣ представлено было въ Историческихъ Очеркахъ духа и жизни русскаго народа. Въ то время Ѳ. И. „достойно“ **) занималъ мѣсто преподавателя при

*) По году рожденія—1818—Ѳ. И. сверстникъ Государя Александра II и Тургенева, родившихся въ томъ же 1818 году.

**) См. Высочайшую грамату.

Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николаѣ Александровичѣ, на котораго тогда устремлены были взоры всѣхъ.

Въ то же время, при завѣдываніи Военно-учебнымъ вѣдомствомъ Я. И. Ростовцевымъ, вышли—Историческая Грамматика, предназначенная для учителей и Историческая Христоматія,—которыми окончательно отрѣзывался путь къ прежнимъ системамъ Грека и др. Трудно и представить, сколько начитавности и эрудиціи въ профессорѣ-педагогѣ обнаруживали эти труды.

Тогда же, продолжая журнальную дѣятельность, О. И. напечаталъ, единственное и до сихъ поръ у насъ, изслѣдованіе по иконописи, въ Сборникѣ при Румянцевскомъ Музеѣ 1866 г. Искусство всегда занимало О. И., потому что въ немъ онъ находилъ образное воплощеніе литературныхъ идей, которыя характеризуютъ историческое, постепенное развитіе народа; иконопись слагалась, конечно, тѣмъ же историческимъ путемъ. Нельзя не припомнить здѣсь, что когда иностранцу (Виоле ле Дюку) поручено было изслѣдованіе русскаго искусства, единственно О. И. поднялъ голосъ и авторитетно указалъ, сколько Виоле ле Дюкъ въ своемъ изслѣдованіи ошибался.

Быстрое и необыкновенное развитіе естественныхъ наукъ дало О. И. поводъ къ широкимъ обобщеніямъ и подкрѣпленію добытыхъ ими фактовъ, наблюденіями въ области „народнаго быта и словесности“. Рядъ статей по этимъ наблюденіямъ закончился статьею: „Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣкѣ“.

Наконецъ вышелъ и необычайный по своей эрудиціи трудъ—изслѣдованіе объ Апокалипсисѣ. Работа это была бы подъ силу только развѣ нѣсколькимъ ученымъ вмѣстѣ. Довольно указать, что одинъ объяснительный текстъ занялъ слишкомъ 900 страницъ съ обзорѣніемъ рукописей Апокалипсиса, миниатюръ и изображеній. Апокалипсическія изображенія давали особенно обильный матеріалъ для характеристики развитія въ области религіозныхъ идей. Трудъ этотъ удостоился Высочайшаго обзорѣнія; изданіе труда было подѣ

силу только Обществу древней письменности. Въ продажѣ экземпляръ съ рисунками, кажется, и не появлялся и только текстъ былъ достояніемъ ограниченаго кружка публики.

Въ только что полученной здѣсь брошюрѣ Martinov'a объ этой знаменитой книгѣ говорится слѣдующее:

«Une place à part doit être accordée à l'Apocalypse russe figurée, oeuvre magistrale de Bous-laiev, académicien, auteur de tant d'autres écrits justement estimés sur la littérature et l'art russe. Fruit de longues études, cette magnifique monographie débrouille le chaos qui couvraient les monuments indigènes de l'iconographie apocalyptique, en fait connaître pour la première fois et en détails les diverses rédactions, lui assigne sa place parmi les anciennes apocalypses d'Occident, avec lesquelles elle a, malgré son âge relativement récent (XVI-e s.), d'étonnantes ressemblances. La richesse des données nouvelles, l'érudition du meilleur aloi, la méthode critique, le mérite littéraire, sans parler de la splendeur de l'exécution typographique, assurent, au travail du modeste académicien une place d'honneur dans la littérature du dernier décennat, et le ferait envier à la science occidentale».

Послѣ такого труда можно было и опочить на лаврахъ. Но Ѳ. И. мимоходомъ, по просьбѣ Московскаго дворянства, въ лицѣ его представителя, написалъ предварительную записку, а потомъ планы программъ для предполагаемаго дворянскаго института для дочерей Московскаго дворянства. По свѣтлому взгляду на образованіе, по ясности постановки предметовъ, по указанію методовъ—это драгоцѣнная вещь. Чтеніе нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нея, случайно вошедшихъ въ рефератъ одного изъ членовъ отдѣленія русскаго языка при О. Р. Т. Знаній, возбудило общее любопытство (программы въ продажѣ не появлялись)*).

*) Мы слышали, что общая часть ихъ появится въ Пантеонѣ изящной литературы.

Также „мимоходомъ“ *Θ. И.* издалъ два тома своихъ „Досуговъ“ (о которыхъ проф. Александръ Веселовскій жѣтко выразился, что эти „Досуги“ замѣнили бы для другого нѣсколько ученыхъ диссертаций). Въ нихъ *Θ. И.* собралъ рядъ своихъ статей, вышедшихъ послѣ „Историческихъ Очерковъ“.

Академія Наукъ почтила *Θ. И.* изданіемъ его сочиненій на свой счетъ. *Θ. И.* потрудился и надъ этимъ изданіемъ, которое служить прямымъ продолженіемъ историческихъ очерковъ и называется „Народная поэзія“.

Ко дню юбилея вышли—седьмое изданіе (седьмой десятокъ тысячъ) Грамматики и четвертое изданіе Хрестоматіи по древней русской словесности. Относительно той и другой книги мы имѣемъ въ виду дать отдѣльный отчетъ. Таковы ученые и педагогическіе труды глубокоуважаемаго профессора, давшіе ему право на имя „европейскаго“ ученаго.

Почитая, что все, относящееся къ имени такого ученаго, имѣетъ значеніе для общества, я постарался собрать все, касающееся юбилейнаго чествованія *Θ. И.*, насколько позволили единоличныя усилія. *Feci, quod potui; faciant meliora potentes.*

Какъ выше упомянуто, официальнаго празднованія юбилея не было, но было нѣчто гораздо болѣе торжественное.

Маститый юбиляръ удостоенъ былъ Царской милости при слѣдующемъ Высочайшемъ Рескриптѣ, въ коемъ съ высоты Царскаго Престола съ необыкновенною ясностію и теплотою указаны особенныя заслуги *Θ. И.* предъ Престоломъ и Отечествомъ:

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

Нашему тайному совѣтнику ординарному академику Императорской Академіи Наукъ и заслуженному профессору Федору Буслаеву.

Въ настоящее время исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей полезной и плодотворной службы Отечеству и наукъ. Многочисленные труды ваши по изслѣдованію законовъ роднаго слова и въ обширной области нашей древней письменности и народнаго искусства, въ которой вамъ нерѣдко приходилось прокладывать первые пути, снискали вамъ въ Россіи и за предѣлами ея почетную извѣстность. Какъ въ званіи преподавателя гимназіи и Александровскаго корпуса, такъ и на профессорской каѳедрѣ старѣйшаго нашего университета, вы неизмѣнно оставались вѣрными возвышенному идеалу наставника, который не только сообщаетъ знанія юношеству, но и укореняетъ въ немъ любовь къ родинѣ, уваженіе къ завѣтамъ ея исторіи, вѣрность и преданность Престолу. Качества эти обратили на васъ вниманіе Моего Родителя, и вы были приглашены преподавать исторію отечественной словесности въ Бозѣ почившему Брату Моему, Цесаревичу Николаю Александровичу, всегда сохранявшему о васъ признательное воспоминаніе. И нынѣ, въ званіи академика, вы продолжаете обогащать науку новыми взглядами и данными, споспѣшествующими изученію роднаго языка. Все вами совершенное на пользу юношества, науки и просвѣщенія даетъ вамъ право на особое Наше благоволеніе, въ ознаменованіе коего пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего *Вълаго Орла*, коего знаки, при семъ препровождая,

повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

С. Ильинское,
21 августа 1888 года.

«Слова Рескрипта, гдѣ говорится, что Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ всегда сохранялъ о Θ. И. признательное воспоминаніе, были самымъ дорогимъ подаркомъ ко дню юбилея Θ. И.»

Замѣчательно, что Грамота эта дана въ с. Ильинскомъ, когда Государь Императоръ пользовался здѣсь отдыхомъ у Царственнаго Брата.

Грамота эта воспроизведена во многихъ иностранныхъ газетахъ французскихъ, нѣмецкихъ и др.

По своему желанію, безъ всякихъ приглашеній юбилейнаго комитета, посыпались со всѣхъ концовъ Россіи сердечныя поздравленія и пожеланія. Многія изъ нихъ шли на Университетъ, гдѣ ужъ не служилъ Θ. И., многія на московскій адресъ, многія на дачу, гдѣ тогда и жилъ Θ. И. Невозможно не только привести, но и перечислить всѣхъ поздравительныхъ телеграммъ и привѣтствій отъ университетовъ, ученыхъ обществъ, учениковъ, ученицъ и почитателей ученыхъ заслугъ и таланта Θ. И. Они единогласно свидѣтельствовали, какимъ громаднымъ уваженіемъ и любовью пользуется глубокоуважаемый профессоръ во всѣхъ краяхъ и всѣхъ Россіи. Нужно жалѣть, что и фотографіи нашихъ профессоровъ и ученыхъ такъ рѣдки, что иллюстрированныя изданія не могутъ своевременно воспроизводить ихъ, а иногда и вовсе не воспроизводятъ. Такъ довольно неудачный портретъ Θ. И. былъ воспроизведенъ только въ „Нивѣ“ *).

*) Въ последнее время въ газетѣ Гатцука и въ Крестовомъ календарѣ.

Вопреки изреченію: „нѣсть пророка во отечествіи своемъ“, родина О. И. первая съ гордостію признала его заслуги и постановила украсить актовъ залъ гимназіи портретомъ бывшаго своего питомца.

Поздравленія ученыхъ обществъ, съ Академіею Наукъ во главѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что ученые заслуги О. И. были бы украшеніемъ любой изъ европейскихъ странъ.

Академія Наукъ привѣтствовала своего достойнаго члена слѣдующей телеграммой:

„Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, въ день исполнившагося 50-лѣтія педагогической и учено-литературной дѣятельности своего знаменитаго члена, сердечно привѣтствуетъ Васъ, вспоминая Ваши великія заслуги въ дѣлѣ преподаванія роднаго слова и изслѣдованія древней нашей письменности и русскаго искусства. Вооруженный талантомъ и знаніемъ, Вы въ той и другой области проложили новые пути, признанные единственно вѣрными и обязательными для всѣхъ вступающихъ на тоже поприще. Ваши превосходные труды, основанные на сравнительно-историческомъ методѣ, впервые приложенномъ Вами къ русской филологіи, давно оцѣнены по достоинству и навсегда останутся образцами глубокаго изученія, тонкаго эстетическаго чувства и мастерскаго изложенія. Дорогой товарищъ! Живите и дѣйствуйте еще долго на пользу и славу отечественной науки“.

Гротъ, Бычковъ, Сухомлиновъ, Веселовскій и Ягичъ.

Вотъ что отвѣчалъ О. И. этому высокому учрежденію:

Глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ!

„Приношу мою искреннюю благодарность въ Вашемъ лицѣ Господамъ членамъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за высокую честь, которой они меня удостоили товарищескимъ привѣтствіемъ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія моей дѣятельности.“

„Неумѣстною скромностію я не хочу умалить чувства моей признательности за лестныя для меня выраженія этого привѣтствія и вполнѣ покоряюсь похвальному приговору, въ которомъ самыя преувеличенія принимаю съ радостію, какъ залогъ дружескаго ко мнѣ расположенія“.

С.-Петербургскій Университетъ прислалъ слѣдующій печатный дипломъ:

Многоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичь!

„Не многимъ, какъ Вамъ, даны были и успѣхъ много-обѣщающаго почина и торжество неустаннаго исполненія. Полвѣка тому назадъ, Вы совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ начинали свое служеніе наукъ, которое послѣ того ни на минуту не прекращалось и, надѣмся, еще долго не прекратится.“

„Заслуги Ваши, въ научной разработкѣ исторіи русскаго языка, словесности и искусства, быстро сдѣлавшіяся извѣстными всей учащей и учащейся Россіи, давно создали Вамъ славу первокласснаго ученаго и, избравъ васъ въ 1881 году въ свои почетные члены, С.-Петербургскій Университетъ уже выразилъ этимъ уваженіе ко всей Вашей предыдущей дѣятельности. Послѣдовавшіе за тѣмъ труды Ваши по изученію русской старины и народности сами по себѣ могли-бы быть украшеніемъ любой ученой жизни, и въ нихъ мы почерпаемъ надежду, что подарите намъ еще новыми и новыми трудами, которые будутъ имѣть столь-же дѣльное значеніе для науки, какъ все, что было Вами доселѣ написано. Съ этою надеждою и съ искреннимъ желаніемъ Вамъ еще многихъ лѣтъ здравія и силъ, необходимыхъ для Вашей любимой дѣятельности, и привѣтствуетъ Васъ С.-Петербургскій Университетъ въ знаменательный день, когда исполнилось пятьдесятъ лѣтъ плодотворному служенію Вашему на пользу и во славу родной наукѣ“.

Ѳеодоръ Ивановичь устно передалъ свою благодарность представителю Университета.

Сердечнѣе всего отнесся къ юбилею О. И. Одесскій Учебный Округъ съ Университетомъ во главѣ. Вотъ его привѣтствіе:

Высокоуважаемый Академикъ и Профессоръ
Федоръ Ивановичъ!

„Привѣтствуя славную полувѣковую дѣятельность Вашего Превосходительства на полѣ отечественнаго языка и литературы, выразившуюся въ столь многихъ и разнообразныхъ трудахъ, мы, настоящіе и бывшіе преподаватели русскаго языка Одесскихъ учебныхъ заведеній, шлемъ Вамъ свои почтительныя поздравленія и вмѣстѣ глубокодушевную признательность, какъ люди, выросшіе на трудахъ Вашихъ, вскормленные ихъ высокими мыслями,—искренно исповѣдуюсь, что внѣ знакомства съ полувѣковою дѣятельностію Вашею едва ли кто либо изъ учителей отечественнаго языка возьмется когда либо за дѣло преподаванія. Да продлитъ же Господь Богъ лѣта Ваши на пользу русскаго языка, русскаго искусства, русскаго образованности. Подписи: Профессоръ Иванъ Некрасовъ. Профессоръ А. Кочубинскій. Профессоръ А. Кирпичниковъ. Окружной Инспекторъ бывшій Вашъ ученикъ Ив. Соловьевъ. Бывшій слушатель Вашъ Окружной Инспекторъ Валентинъ Филоматитскій. Директоръ 2-й гимназіи Охрѣшенко. Инспекторъ Искра. И. д. Инспектора Ришельевской гимназіи Муратовъ. Далѣе слѣдуютъ подписи преподавателей—всего 23 подписи.

Отвѣтная телеграмма О. И. сейчасъ же была сообщена всѣми одесскими газетами:

„Сердечно благодарю преподавателей русскаго языка и словесности въ Одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ за дружескія привѣтствія, которыми они порадовали меня въ день исполнившагося пятидесятилѣтія моей дѣятельности.

„Полагаю себя счастливымъ, что выпало мнѣ на долю—въ этихъ симпатическихъ привѣтствіяхъ сосредоточить на себѣ и какъ бы олицетворить любовь и удивленіе преподавателей къ такому великому сокровищу русскаго народа, какъ его могучій языкъ“. Москва 28 сентября 1888 года.
Федоръ Буслаевъ.

Не менѣе сердечною телеграммою почтилъ юбиляра Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь Графъ И. Д. Деляновъ:

„Привѣтствую стараго друга, товарища и знаменитаго ученаго! Да продолжитъ Вамъ Господь Свою милость и да послужите еще долго свѣточемъ для молодыхъ поколѣній“.

Особенно дороги должны были быть поздравленія съ далекой родины. „Они были дороги для юбиляра не менѣе привѣтствій академиковъ“ (См. Пенз. Губ. Вѣст. № 213). Вотъ они:

„Пензенская гимназія, первоначальная Ваша *alma mater*, помнитъ своего старѣйшаго ученика и гордится тѣмъ, что она имѣла Васъ своимъ питомцемъ. Совѣтъ гимназіи, почитая Вашу полувѣковую и многотрудную службу на пользу отечественной науки и російскаго просвѣщенія, единогласно ходатайствуетъ передъ высшимъ начальствомъ о постановкѣ Вашего портрета въ актовомъ залѣ гимназіи въ примѣръ и назиданіе какъ современному поколѣнію, пребывающему въ гимназіи, такъ и будущимъ ея питомцамъ. Горячо желаемъ Вамъ, Достославный и Глубокоуважаемый Федоръ Ивановичъ, много лѣтъ здравствовать во славу Россійской науки“. Директоръ Соловьевъ.

Отъ Пензенскаго Статистическаго Комитета:

„Пензенскій губернский статистическій комитетъ, имѣя въ виду, что 18 сего августа исполнится 50-лѣтіе Вашей служебной дѣятельности на учебномъ поприщѣ, журнальнымъ своимъ постановленіемъ, состоявшимся 9 сего августа, избралъ Васъ, какъ уроженца Пензенской губерніи, за Ваши неоцннимыя заслуги по изслѣдованію народнаго эпоса и языка въ свои почетные члены. Сообщая объ этомъ, имѣю честь просить, Ваше Превосходительство, принять въ знакъ глубочайшаго уваженія къ Вашей 50-лѣтней просвѣщенной дѣятельности прилагаемый при этомъ дипломъ на званіе почетнаго члена Пензенскаго губернскаго статистическаго комитета. Примите Ваше Превосходительство увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности“. Губернаторъ А. Волковъ.

Московскій Учебный Округъ отъ лица Попечителя и его помощника принесъ слѣдующія пожеланія:

„Московскій Учебный Округъ въ день пятидесятилѣтія научной Вашей дѣятельности, ознаменованной незабвенными заслугами Вашими относительно русскаго слова и русской науки, памятуя такъ же, какъ много учащееся юношество обязано блестящимъ Вашимъ научнымъ изслѣдованіямъ и педагогическимъ воззрѣніямъ, касательно преподаванія важнѣйшаго предмета въ русской школѣ, шлетъ Вамъ искреннія свои пожеланія, чтобы научная Ваша дѣятельность продолжалась еще многіе годы“. Попечитель Графъ Капнистъ. П. попечителя Садоковъ.

Наконецъ и та гимназія (Московская 2-я), которая имѣетъ честь гордиться тѣмъ, что въ своей корпораціи заключала нѣкогда и знаменитаго теперь ученаго Профессора и Академика, адресовала **Ө. И.** слѣдующую телеграмму:

„Московская 2-я гимназія, въ которой Вы сего числа начали свою блестящую научно-педагогическую дѣятельность, считаетъ своимъ долгомъ сердечно привѣтствовать Васъ сегодня и пожелать Вамъ продолженія на многія лѣта Вашихъ плодотворныхъ трудовъ на пользу науки и школы». Директоръ С. Гулевичъ.

Ө. И. отвѣчалъ слѣдующее:

Милостивый Государь, **Сергій Викентьевичъ!**

„Искренно благодарю Васъ за сердечное привѣтствіе, которымъ порадовала меня 2-я Московская гимназія въ день исполнившагося 50-тилѣтія моей дѣятельности“.

„Ваше привѣтствіе, полученное мною одновременно съ поздравленіемъ Московскаго Учебнаго Округа и съ адресомъ отъ Академіи Наукъ, имѣетъ для меня одинаково высокую цѣну вмѣстѣ съ этими обоими документами.

„Если бы я не избралъ себѣ педагогическаго поприща и въ 1838 году 18 августа не поступилъ учителемъ русскаго языка во 2-ю Московскую гимназію, то въ 1888 году, 18-го же августа члены 2-го Отдѣленія Императорской Ака-

деміи Наукъ не привѣтствовали бы меня, какъ одного изъ достойныхъ своихъ товарищей.

„Соединяя въ своемъ умѣ и сердцѣ давно прошедшее съ настоящимъ, я не могу иначе отнестись и къ преподавателямъ 2-й Московской гимназіи, какъ въ качествѣ старшаго между ними товарища, учителя русскаго языка, и посылаю имъ мою товарищескую благодарность“.

Совершенно инымъ характеромъ отличается адресъ 3-й Московской гимназіи, подписанный не однимъ директоромъ, но и корпораціей преподавателей. Съ величайшимъ сочувствіемъ воспроизводитъ онъ характеръ 5-лѣтняго служенія *Θ. И.* въ этой гимназіи. Вотъ онъ дословно:

Ваше Превосходительство,
Высокочтимый и незабвенный Профессоръ, *Θедоръ Ивановичъ!*

„Въ текущемъ году исполнилось 50-лѣтіе Вашей педагогической и ученой дѣятельности. Полувѣковые труды и великія заслуги Ваши признаны Университетами и Академіей, сознаются всею просвѣщенной Россіей; увѣнчаны они съ высоты Царскаго Престола. Московская 3-я гимназія, бывшая нѣкогда мѣстомъ Вашего служенія, считаетъ для себя долгомъ привѣтствовать Васъ, какъ юбиляра, и просить принять это сильное выраженіе благодарности за оказанныя ей услуги.“

„Года Вашего служенія въ 3-й гимназіи относятся къ тому времени, когда Вы только что возвратились изъ поѣздки за границу въ 1841 году.“

„Полный свѣтлыхъ впечатлѣній отъ ученой и художественной жизни Запада, знакомый съ постановкой преподаванія отечественнаго языка у первыхъ авторитетовъ тогдашней европейской школы, Вы внесли новую жизнь въ дѣло обученія русскому языку.“

„Ваши уроки возбуждали живой интересъ къ родному слову во всѣхъ, кто имѣлъ счастье быть тогда Вашимъ ученикомъ, и многіе, подъ обаяніемъ Вашего преподаванія, посвятили потомъ свои силы изученію тайнъ русскои рѣчи и

стали видными дѣятелями на педагогическомъ или ученомъ поприщѣ *).

„Метода преподаванія, Вами впервые примѣненная тогда въ русской школѣ, увѣковѣчена въ Вашей знаменитой книгѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“. 3-я гимназія всегда съ гордостью будетъ вспоминать, что выходъ въ свѣтъ этой книги, которая и теперь должна служить настольной книгой учителя русскаго языка, относится ко времени Вашего служенія въ этой гимназіи (1844 г.).

„Послѣ 5 лѣтъ преподаванія въ 3 гимназіи (въ 1846 г.) высшіе интересы науки отозвали Васъ въ университетъ. Но съ удаленіемъ Вашимъ изъ гимназіи духовныя связи ея съ Вами не были порваны. Позднѣйшія поколѣнія воспитанниковъ 3-й гимназіи учились по Вашей методѣ и преимущественно по Вашимъ руководствамъ: по „Русской Грамматикѣ“ они изучали законы русскаго языка, по „Русской Христоматіи“ знакомились съ памятниками народной и древне-русской словесности. При этомъ руководства Ваши являлись лучшими руководителями и самихъ преподавателей.

„Духовную связь свою съ Вами, *Θ. И.*, 3-я гимназія видитъ и въ тѣхъ своихъ преподавателяхъ, которые, бывъ Вашими учениками въ университетѣ, работали потомъ и теперь продолжаютъ работать на педагогическомъ поприщѣ. Эти ученики Ваши всегда будутъ соединять съ Вашею личностью, *Θеодоръ Ивановичъ*, самыя свѣтлыя воспоминанія. Они не забудутъ, съ какимъ живымъ участіемъ относились Вы къ ихъ университетскимъ занятіямъ. Стоило Вамъ убѣдиться, что молодой человѣкъ интересуется дѣломъ—и онъ уже былъ принятъ въ Вашемъ домѣ: Вашъ кабинетъ, Ваша библіотека были къ его услугамъ. Вы сами ревниво слѣдили за его занятіями, направляя, поощряя его и радуясь вмѣстѣ съ нимъ при малѣйшемъ проблескѣ успѣха. Вы не потворствовали ошибкамъ, Вы всегда умѣли мѣтко, хотя въ тоже время

* *Тихонравовъ Н. С.*, *Любимовъ Н. А.*, *Маракуевъ, П. Н.* *Рыбниковъ*, собиратель пѣсенъ русскаго народа, *Ляпинъ*, устроившій въ Москвѣ безмездныя квартиры для бѣдныхъ студентовъ.

мягко, по-отечески указать допущенный промахъ. Эти сердечныя отношенія, эта гуманность Ваша, а рядомъ съ ними Ваша беззапятная преданность своему дѣлу, Ваше тонкое чутье истины, красоты и добра, отвращеніе отъ всего грубаго, фальшиваго—будутъ всегда для Вашихъ воспитанниковъ путеводною звѣздою въ жизни.

„Живите же, Глубокоуважаемый Ѳедоръ Ивановичъ, на радость своимъ ученикамъ, своимъ близкимъ; будьте и въ наступившемъ 50-лѣтіи чуткимъ и добрымъ стражемъ русской науки.

„Вы совершили посѣвъ, но Вами не кончена еще жатва посѣяннаго. Да будетъ она обильна, радостна и многолѣтна“!

Директоръ Лавровскій. Инспекторъ Фишеръ и 18 преподавателей.

Редакторъ „Филологическихъ Записокъ“ привѣтствовалъ Ѳ. И. слѣдующею телеграммой:

Ваше Превосходительство

Глубокоуважаемый Ѳедоръ Ивановичъ!

«Спѣшу принести Вамъ сердечное поздравленіе съ знаменательнымъ днемъ исполнившейся полувѣковой Вашей многоплодной ученой дѣятельности и служенія Вашего на пользу родного слова и просвѣщенія. Привѣтствую Васъ, какъ Великаго учителя и Профессора, воспитавшаго своимъ живымъ словомъ такъ много достойныхъ дѣятелей и служителей науки. Примите мой задушевный привѣтъ, какъ выраженіе моихъ горячихъ симпатій къ Вамъ отъ земляка Вашего. Да хранить Васъ Богъ на многіе и многіе годы на славу нашего Отечества!»

А. Хованскій.

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе Ѳ. И. почтилъ его слѣдующимъ письмомъ:

„Сердечно благодарю Васъ за радушное привѣтствіе въ день исполнившагося 50-лѣтія моей дѣятельности. Премного радуюсь, что для этого полустолѣтняго итога я успѣлъ сдѣ-

лать нѣкоторый вкладъ и въ Ваши заслужившія всеобщій почетъ „Филологическія Записки“.

При этомъ О. И. прислалъ ему дорогой подарокъ,— только что вышедшее 7-е изданіе своей Грамматики—при начертаніи слѣдующихъ замѣчательныхъ строкъ:

„Чтобы не было крупнаго недочета въ юбилейной ревизіи, мнѣ удалось какъ разъ передъ ея начатиємъ принести всенародное покаянiе въ своемъ грѣхѣ, которое состояло въ капитальной переработкѣ моего учебника рус. грамматики съ первой его страницы и до послѣдней.

„Старое изданіе до того устарѣло, прогнило и заплѣсневѣло, что грозило рухнуть до основанія, какъ сооружаемые теперь въ Москвѣ каменные дома.

„Мнѣ ничего другого не оставалось—или навсегда прекратить изданіе такой гнили, или въ своей маститой, какъ говорится,—старости тряхнуть юною рьяностью—и дать совсѣмъ новый учебникъ“.

Не только привести, но и перечислить всей массы поздравленій здѣсь нѣтъ никакой возможности.

Слѣдующіе университеты и общества сдѣлали О. И. почетнымъ членомъ:

1) Новороссійскій,

2) Казанскій,

(Почетнымъ членомъ С. Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго О. И. былъ избранъ ранѣе, при выходѣ въ отставку).

3) Императорское С.-Петербургское Археологическое общество,

4) Императорское Московское Археологическое Общество,

5) Московское Общество Этнографіи,

6) Казанское Общество Исторіи, Этнографіи и Археологій,

7) Одесское Общество св. Меодія,

8) Филологическое Общество при Харьковскомъ Университетѣ и многія другія, точныхъ свѣдѣній о которыхъ мы не могли собрать.

Послѣднія газеты принесли намъ извѣстіе что въ одномъ изъ засѣданій Московск. университетскаго Совѣта, *), единогласнымъ постановленіемъ Ѳеодоръ Ивановичъ возведенъ въ степень доктора теоріи и исторіи искусствъ.

Такимъ образомъ юбилей Ѳ. И. продолжается и до сихъ поръ и, какъ мы предсказывали, протянется до Татьянина дня, когда Университетъ принимаетъ отъ общества дань уваженія за заслуги своихъ настоящихъ и бывшихъ ученыхъ сочленовъ.

Да будетъ же имя Ѳ. И. на долгіе годы свѣточемъ для идущихъ поколѣній.

О. Н.

Москва 18^{XII}_{II} 88

ДОПОЛНЕНІЕ.

Изъ воспоминаній о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ о профессорѣ, по отношенію его къ студентамъ.

Статья А. Кирпичникова **).

Говорить въ газетной статьѣ о направленіи и значеніи плодотворной и обширной ученой дѣятельности Ѳ. И. Буслаева—неумѣстно; говорить о немъ, какъ о человѣкѣ, къ счастью, еще не время: онъ бодръ и здоровъ, много работаетъ, имѣетъ сильное вліяніе на молодыхъ и даже немолодыхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Всесторонне оцѣнить его наши дѣти, а можетъ быть, и внуки, оцѣнить тогда, когда станутъ

*) 17 декабря 1888 года.

***) Заимствована изъ «Новороссійскаго Телеграфа».

извѣстны его отношенія къ сотрудникамъ и ближайшимъ ученикамъ его, когда наконецъ исторія его времени сдѣлается достояніемъ объективной науки. Я буду говорить только о той сторонѣ его дѣятельности, которая, къ сожалѣнію, закончилась уже нѣсколько лѣтъ назадъ: буду говорить о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ о профессорѣ, именно о его отношеніи къ студентамъ вообще.

27 лѣтъ тому назадъ, 1-го сентября 1861 года, я совсѣмъ зеленымъ юношей вступилъ въ первый разъ въ стѣны Московскаго университета, съ очень плохой подготовкой по всѣмъ филологическимъ предметамъ, съ полнымъ неумѣніемъ взяться за науку, но съ горячимъ желаніемъ проникнуть въ тайники ея. Изъ росписанія узналъ я, что отъ 10—12 ч. будетъ читать намъ въ большой Словесной (въ Московскомъ университетѣ аудиторіи не имѣютъ номеровъ, но прозванія) профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ. Имя Буслаева мнѣ было извѣстно, хотя мы въ то время не имѣли и представленія о его Исторической грамматикѣ или Хрестоматіи: во 1-хъ, оно встрѣчалось мнѣ въ «Отеч. Запискахъ», впрочемъ, подъ статьями, мало мнѣ понятными; во 2-хъ, когда я переходилъ изъ 6-го класса въ 7-й, заспорили вслухъ два наши словесника о томъ, можно-ли написать: «Французы, *вступающіе* въ Москву увидѣли» или надо сказать: Французы, *вступавшіе* въ Москву....

— Ну, спросимъ у Буслаева, предложилъ одинъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ: я знакомъ съ нимъ. Какъ онъ скажетъ, такъ тому и быть! отвѣтилъ другой.

Отыскавъ большую Словесную, я нашелъ въ ней толпу человѣкъ въ 200: по дѣйствовавшему тогда уставу, «русскую словесность» должны были слушать, кромѣ филологовъ и юристы, и математики, еще не отдѣленные въ то время отъ естественниковъ. Кромѣ того, слава имени Буслаева, незадолго передъ тѣмъ возвратившагося изъ Петербурга и только-что выпустившаго

въ свѣтъ 2 огромные тома своихъ «Очерковъ», привлекла на его лекцію много добровольцевъ со старшихъ курсовъ. Я ожидалъ увидѣть на кафедрѣ маститаго старика, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 10-ть старше нашего словесника, предложившаго въ вышеупомянутомъ спорѣ обратиться къ авторитету Буслаева, и былъ пріятно пораженъ, увидавъ красиваго, симпатичнаго человѣка среднихъ лѣтъ, живаго и изящнаго во всѣхъ своихъ движеніяхъ; уже по одной наружности онъ показался мнѣ *идеаломъ* профессора.

Онъ окинулъ аудиторію смѣлымъ «соколинымъ» взглядомъ и началъ.... Его лекція, почти дословно написанная, но прекрасно читаемая, по живости и какой-то спокойной, увѣренной красотѣ своей формы, вполнѣ соответствовала его наружности; содержаніе ея, увы! плохо далось мнѣ на первый разъ: не смотря на 3—4 тома Бѣлинскаго, мной прочтенные, не смотря на десятки сочиненій, мной написанныхъ: объ изученіи природы, о значеніи Державина, «о фразерствѣ» и пр., я былъ еще слишкомъ мало развитъ для настоящей науки, а Ѳ. И. Буслаевъ, какъ я потомъ имѣлъ случай присмотрѣться, не спускался до студентовъ, но постепенно *поднималъ ихъ до себя*; кромѣ того меня смущала новостъ моего положенія (на университетской лекціи и у кого же? у Буслаева), а главное — я залюбовался лекторомъ. Во второй разъ я понималъ нѣсколько болѣе.

Не помню, послѣ этой-ли второй лекціи или черезъ недѣлю, черезъ двѣ позднеѣе, я услышалъ при выходѣ изъ аудиторіи, какъ Ѳ. И. Буслаевъ говорилъ осаждающимъ его вопросами студентамъ:

— Теперь, господа, говорить некогда, а въ пятницу, въ пятницу ко мнѣ, кому угодно, милости просимъ, въ 6 часовъ.

Навелъ я у старшихъ студентовъ справки; оказалось, что знаменитый уже и въ то время профессоръ доступенъ до-нельзя, хоть, конечно, не всегда, а въ опредѣленное время.

Въ одну изъ пятницъ отправился и я, набравшись смѣлости. Маленькая передняя была завалена студенческими и статскими пальто (въ тотъ годъ форму «дошивали»); въ первой комнатѣ за круглымъ столомъ сидѣло человѣкъ двѣнадцать студентовъ за работой: большинство списывало лекціи и поправляло свои записки; нѣкоторые работали надъ книгами и даже рукописями; всякаго, вновь входящаго, хозяинъ спрашивалъ о факультетѣ и цѣли прихода. Если это былъ юристъ или математикъ, пришедшій за лекціями или небольшой справкой, онъ устраивалъ его сейчасъ за общимъ столомъ; если это былъ филологъ, имѣющій намѣреніе заниматься серьезно, но не знающій, за что взяться ему, хозяинъ вводилъ его предварительно въ кабинетъ, подробно спрашивалъ его о подготовкѣ, о намѣченной цѣли, давалъ ему совѣты, снабжалъ его книгами, знакомилъ со своей богатой библіотекой.

Пятница была пріемнымъ днемъ *Θ. И. Буслаева* не для однихъ студентовъ, и посѣтителей у него бывала масса: приходили кандидаты, учителя, магистранты, литераторы, какъ признанные, такъ и не признанные; трудно понять даже, какъ умѣщались всѣ они въ небольшой квартирѣ *Θ. И.* Пока еще не всѣ студенты были устроены за работой, *Θ. И.* остальныхъ гостей проводилъ въ гостиную и предоставлялъ имъ занимать другъ-друга; самъ-же оставался съ нами; часовъ съ 8, когда наплывъ студентовъ прекращался, *Θ. И.* уходилъ и самъ въ гостиную, но часто возвращался къ намъ, давалъ совѣты, указанія. Папиросы домашняго приготовленія и чай все время не сходили со стола. Часамъ къ 10, студенты, списывавшіе лекціи, обыкновенно расходились; студенты, особенно заинтересованные бесѣдой съ хозяиномъ и уже нѣсколько основавшіеся, переходили въ гостиную. Въ 11-мъ часу, на томъ-же кругломъ столѣ, гдѣ писали студенты, ставилась скромная закуска, къ которой всѣ приступали стоя, за неимѣніемъ мѣстъ.

Не буду дѣлать сравненій: трудно войти въ строеніе другого поколѣнія; но утвердительно могу сказать, что большинство студентовъ того времени было о себѣ очень скромнаго мнѣнія, и на профессоровъ смотрѣло съ низу въ верхъ. Въ гимназій мы раздѣляли нашихъ учителей на двѣ категоріи: старые учителя—чиновники, водившіе дружбу съ надзирателями и угрождавшіе директору, герои гимназическихъ легендъ, стихотвореній и объекты шутокъ и насмѣшекъ, тайныхъ или явныхъ, смотря по обстоятельствамъ, и—учителя молодые, дѣйствительно стремившіеся насъ научить чему-нибудь или хоть заохотить къ ученю. Послѣдніе намъ представлялись настоящими героями, идеалами, и ихъ сближеніе съ лучшими изъ насъ казалось намъ незаслуженной милостью. А эти учителя—сами говорили намъ объ университетѣ и лучшихъ профессорахъ почти съ благоговѣніемъ. Вѣдь «святая стѣна Московскаго университета» въ то время были ходичей и звонкой монетой. Повятно, какъ мы должны были смотрѣть на эти идеалы нашихъ идеаловъ, и какъ недосыгаема казалась намъ ихъ ученость.

И вотъ, одинъ изъ этихъ профессоровъ, не уступающій въ славѣ и научномъ значеніи никому изъ товарищей, а напротивъ превосходящій значительно большинство ихъ (другіе профессора, не тѣмъ будь они помянуты, по крайней мѣрѣ въ отношеніи первокурсниковъ, держали себя «на высотѣ своего положенія»: допускали насъ къ себѣ до крайности рѣдко и неохотно, и на запросъ относительно тайниковъ науки отвѣчали, болѣе или менѣе иносказательно, совѣтомъ—лучше учить лекціи и учебники)—не только даетъ намъ указанія и книги, но и допускаетъ насъ въ кругъ своихъ пріятелей и уже созрѣвшихъ учениковъ, показываетъ намъ въ своей лабораторіи, какъ дѣлается эта самая наука, ободряетъ всякаго убѣжденіемъ, что она легко доступна, только-бы была любовь къ ней и усердіе, является, короче сказать, для насъ не начальникомъ и не педагогомъ, а старшимъ товарищемъ! Да и наука

эта въ его гостиной оказывается такой живой, такъ близко соприкасающейся съ жизнью, помогающей ему и его ученикамъ высказывать оригинальные и вѣскіе взгляды на всѣ явленія тогдашней горячей дѣятельности общества (напомню, что это былъ годъ освобожденія крестьянъ)! Можно себѣ представить, какую бодрость придавали намъ эти буслаевскія пятницы! Легко понять, что иные усердные посѣтители ихъ, только благодаря имъ, людьми сдѣлались.

Скоро наши набѣги на квартиру Ѳ. И. Буслаева уже не ограничивались однѣми пятницами: въ виду невозможности оканчивать намъ наши работы въ 2—3 часа въ недѣлю, а вѣрнѣе въ виду того, что мы не успѣвали наговориться съ хозяиномъ, котораго отвлекали другіе гости, онъ самъ предложилъ намъ приходить еще по вторникамъ вечеромъ, предупредивъ насъ, что его круглый столъ и библіотека къ нашимъ услугамъ, а самъ онъ будетъ занятъ приготовленіемъ лекціи на среду! Такъ это и было; но въ 10 часу Ѳ. И. оканчивалъ работу и выходилъ къ намъ просмотрѣть, что мы сдѣлали, и поболтать *полъ-часика*. Эти *полъ-часика* нерѣдко растягивались часовъ до 11 и даже далѣе, и здѣсь-то рѣчь даровитаго профессора, окруженнаго исключительно своими духовными дѣтьми и возбуждаемаго ихъ юношески-горячими запросами и возраженіями, лилась особенно свободно и вдохновенно. Разказами объ этихъ вторникахъ мы возбуждали зависть юристовъ, и бывали случаи, что нѣкоторые изъ нихъ притворялись заинтересованными какимъ-нибудь специальнымъ вопросомъ и скучали отъ 6 до 8 ч. надъ *Rechtsalterthümer* Гримма, чтобы потомъ «послушать Буслаева» дома.

И этимъ дѣло не ограничилось: не помню, въ этомъ году или въ слѣдующемъ, Ѳ. И. Буслаевъ предложилъ намъ слушать у него дома по воскресеньямъ утромъ курсъ исторіи русскаго языка. Мы приходили часовъ

нѣ 10; онѣ раздавалъ намъ рукописи и книги для подготовительной работы, а въ 12 часовъ начиналась его лекція въ формѣ бесѣды, при которой присутствовали и нѣсколько кандидатовъ, занимавшихся сродными предметами. Здѣсь опять-таки былъ для насъ случай поговорить съ Ѳ. И., только эти воскресные разговоры носили исключительно дѣловой, ученый характеръ.

Понятно, что, при такихъ частыхъ сношеніяхъ съ нами, Ѳ. И. Буслаевъ зналъ насъ прекрасно и легко могъ отличать изъ насъ тѣхъ, кто выказывалъ охоту и способности къ наукѣ. За такихъ онѣ стоялъ горой во всѣхъ перипетіяхъ нашей студенческой жизни: доставлялъ, если была возможность, уроки, пускалъ въ ходъ все свои связи, если студентъ попадалъ въ какую-нибудь «исторію», конечно, не безнравственнаго характера, и нерѣдко спасалъ всю карьеру, молодого чловека (пишущій эти строки имѣетъ самыя неопровержимыя тому доказательства).

«Въ семьѣ не безъ уroda», и въ такой обширной семьѣ, какъ студенческая, не могли не встрѣчаться разнообразныя аномаліи. Ѳ. И. Буслаевъ, по добротѣ своей, никого не отталкивалъ, никому никогда не сказалъ ни одного рѣзкаго слова; только въ обращеніи его съ такимъ студентомъ или посѣтителемъ «пятницъ», отъ котораго онѣ не ждалъ «пути», опытный глазъ могъ подмѣтить нѣкоторую холодность, выражавшуюся прежде всего въ крайней учтивости. Самъ объектъ холодности часто, повидимому, не чувствовалъ ея, но какъ-то такъ непременно случалось, что послѣ нѣсколькихъ посѣщеній онѣ самъ собою исчезалъ съ горизонта.

Ѳ. И. Буслаевъ вовсе не старался о томъ, чтобы всѣхъ болѣе даровитыхъ студентовъ привлечь къ занятію своимъ предметомъ или, вѣрнѣе, своими предметами: кромѣ русской литературы и языка, онѣ былъ уже въ то время и лучшимъ знатокомъ искусства и всеобщей литературы. Но и кромѣ этихъ разнообразныхъ специальностей ни одинъ историкъ, ни одинъ классикъ

не миновалъ его благотворнаго вліянія и не уходилъ отъ него безъ полезныхъ совѣтовъ и указаній.

Проходили года; одно поколѣніе студентовъ за другимъ кончало курсъ и разсѣивалось по лицу земли русской. Кто оставался въ Москвѣ или хотъ изрѣдка посѣщалъ ее, тотъ развѣ потому не навѣщаль Ѳ. И., что совѣстно было на глаза ему показаться: не исполнилъ надеждъ его, не кончилъ взятой работы, оставилъ науку, но если онъ побѣждалъ эту національную слабость—самоуничженіе и заходилъ по старой памяти, хотя-бы въ видѣ учителя-служаки, поглощеннаго «добавочными» и стремленіемъ къ инспекторству, Ѳ. И. встрѣчалъ его, какъ блуднаго сына, съ распростертыми объятіями. Бывали и теперь бываютъ случаи, что иной снова черезъ десятокъ лѣтъ свѣтлѣетъ душой и головой, снова начинаетъ почитать и вносить больше жизни въ свои уроки.

А кого судьба-мачиха забросила въ какой-нибудь медвѣжій уголъ и погрузила съ головой въ мелкія дразги уѣздной службы и быта, тотъ на всю жизнь хранитъ воспоминаніе о пятницахъ и вторникахъ Ѳ. И. и, встрѣчая въ газетахъ имя своего учителя или бывшихъ соучениковъ, воспоминаетъ свою свѣтлую юность и думаетъ про себя: *Et ego in Arcadia fui!*

А если кто изъ насъ и по окончаніи курса оставался, такъ сказать, на глазахъ у Ѳ. И. Буслаева, работалъ, развивался, писалъ, стремился къ каѳедрѣ, какъ старательно и умѣло велъ онъ того черезъ всѣ злословія ученой карьеры, съ какой отеческою нѣжностью прощалъ ему всѣ временныя заблужденія и спѣшилъ исправить ихъ, если было возможно, какъ онъ гордился всякимъ, хотя-бы маленькимъ его успѣхомъ!

Для тѣхъ изъ посѣтителей буслаевскихъ пятницъ, которымъ удалось самимъ стать руководителями молодежи, могучій и симпатичный образъ ихъ перваго руководителя остается и, дастъ Богъ, еще на многіе годы останется живымъ идеаломъ.

Совсѣмъ зрѣлому человѣку съ нѣкоторымъ самолюбіемъ не можетъ быть пріятно, если ему или объ немъ говорятъ, что онъ *подражаетъ* другому, хотя-бы и вполне достойному. Но если какому-нибудь профессору изъ буслаевскихъ учениковъ—а ими полны всѣ филологическіе факультеты,—скажутъ, что въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ онъ подражаетъ **Θ. И. Буслаеву**, онъ долженъ счесть это за высшую похвалу себя!

Въ своемъ отношеніи къ студентамъ Буслаевъ былъ строгъ и требователенъ, но въ то же время онъ былъ и добръ и милосерденъ. Онъ не любилъ, чтобы студенты боялись его, и старался, чтобы они относились къ нему какъ къ старшему товарищу. Онъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученикамъ и старался помочь имъ во всемъ, что касалось ихъ науки. Онъ былъ очень терпимъ и не любилъ, чтобы студенты боялись его. Онъ былъ очень добръ и милосерденъ. Онъ не любилъ, чтобы студенты боялись его, и старался, чтобы они относились къ нему какъ къ старшему товарищу. Онъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученикамъ и старался помочь имъ во всемъ, что касалось ихъ науки.

А что касается до его отношеній къ студентамъ, то онъ былъ очень добръ и милосерденъ. Онъ не любилъ, чтобы студенты боялись его, и старался, чтобы они относились къ нему какъ къ старшему товарищу. Онъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученикамъ и старался помочь имъ во всемъ, что касалось ихъ науки. Онъ былъ очень терпимъ и не любилъ, чтобы студенты боялись его. Онъ былъ очень добръ и милосерденъ. Онъ не любилъ, чтобы студенты боялись его, и старался, чтобы они относились къ нему какъ къ старшему товарищу. Онъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученикамъ и старался помочь имъ во всемъ, что касалось ихъ науки.

Онъ былъ очень добръ и милосерденъ. Онъ не любилъ, чтобы студенты боялись его, и старался, чтобы они относились къ нему какъ къ старшему товарищу. Онъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученикамъ и старался помочь имъ во всемъ, что касалось ихъ науки. Онъ былъ очень терпимъ и не любилъ, чтобы студенты боялись его. Онъ былъ очень добръ и милосерденъ. Онъ не любилъ, чтобы студенты боялись его, и старался, чтобы они относились къ нему какъ къ старшему товарищу. Онъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученикамъ и старался помочь имъ во всемъ, что касалось ихъ науки.

Онъ былъ очень добръ и милосерденъ. Онъ не любилъ, чтобы студенты боялись его, и старался, чтобы они относились къ нему какъ къ старшему товарищу. Онъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученикамъ и старался помочь имъ во всемъ, что касалось ихъ науки.

О МЪРАХЪ КЪ УСПѢШНОМУ ПРЕПОДАВАНІЮ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

IV.

«Мы должны стараться развивать въ ребенкѣ интересъ къ изучаемымъ предметамъ. Пробуждать интересъ къ предмету значитъ не только развивать внутреннюю привлекательность его, но и помогать ребенку реализовать пользу знанія и силу, которую оно даетъ его обладателю».

Джемсъ Сѣлли (Психолог., стр. 148).

Es ist nicht genug zu wissen,
Man muss auch anwenden.

Goethe.

Въ предъидущихъ статьяхъ мы старались объяснить,—какимъ путемъ, при помощи какихъ приѣмовъ, при чтеніи классическихъ авторовъ въ гимназіяхъ, можно достигать переводовъ на русскій языкъ, удовлетворительныхъ въ отношеніяхъ — грамматическомъ, стилистическомъ и литературномъ вообще.

Это можетъ быть достигнуто только постояннымъ вниманіемъ къ требованіямъ литературной рѣчи даннаго времени, а также сравнительнымъ изученіемъ (и приложеніемъ къ дѣлу) законовъ строенія рѣчи языковъ древне-классическихъ и русскаго.—Къ сожалѣнію, въ обыкновенной нашей школьной практикѣ древнихъ авторовъ не переводятъ, а скорѣе «перевозятъ».

Объ отдѣлкѣ, чистотѣ, точности и ясности языка, при школьныхъ переводахъ, мало кто заботится,—быль бы только приблизительно усвоенъ смыслъ фразы. Думаютъ всего болѣе о томъ, какъ бы поскорѣе, да поскорѣе, да побольше прочитать изъ автора главъ, пѣсенъ, одъ, и пр., а какъ онѣ усвоены, какъ отразились въ сознаніи ученика, особенно—какъ выражены на языкѣ русскомъ, объ этомъ, правду сказать, никому и въ голову не приходитъ. Тогда какъ, по нашему мнѣ-

нію, точность, ясность, чистота рѣчи, вообще—правильное, сообразное съ законами русскаго языка, строеніе русской рѣчи въ переводахъ—вотъ тѣ элементарныя требованія отъ переводовъ съ какого угодно языка, которыхъ избѣгать въ школѣ ни въ какомъ случаѣ и никогда не слѣдуетъ, напротивъ нужно строго требовать вышеозначенныхъ совершенствъ.

Въ «Филологическихъ Запискахъ» много разъ поднимаемъ былъ вопросъ о правильной постановкѣ русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. Высказывалось, между прочимъ, мнѣніе, что для этого нужно было бы увеличить число уроковъ по русскому языку. По нашему мнѣнію, этому же дѣлу можетъ помочь правильная постановка преподаванія древнихъ языковъ и другихъ предметовъ въ гимназіяхъ по отношенію къ русскому языку. Русскій яз. въ нашихъ гимназіяхъ есть орудіе преподаванія всѣхъ предметовъ; кромѣ того, на немъ должны быть исполняемы ученическія письменныя работы по всѣмъ предметамъ; на немъ ежеминутно даются устные вопросы и отвѣты въ школѣ. Можно сказать, что русскому языку принадлежитъ въ нашихъ гимназіяхъ на практикѣ самое выгодное положеніе. И русскій языкъ при такой, въ высшей степени выгодной, исключительной постановкѣ, долженъ бы процвѣтать въ гимназіи, если бы наши преподаватели всѣхъ предметовъ при всякомъ отвѣтѣ—устномъ и письменномъ—требовали отъ ученика безупречной правильности его. Но, къ сожалѣнію, этого-то и нѣтъ. У насъ до сихъ поръ въ гимназіяхъ царитъ убѣжденіе, что за русскій языкъ учениковъ гимназіи отвѣчаетъ исключительно только учитель русскаго языка. Онъ, этотъ несчастный учитель, обязанъ слѣдить во всей гимназіи за правильностью, отдѣлкой и вообще за литературными достоинствами русскаго языка *). Прочіе учителя гимназіи отъ этой обязанно-

*) Мы здѣсь говоримъ исключительно объ языкѣ, понимаемомъ практически. Теорія языкознанія, теорія словесности, исторія литературы сюда не относятся.

сти считаютъ себя свободными. На ихъ урокахъ, при отвѣтахъ на задаваемые ими вопросы, устные и письменные, ученики освобождены не только отъ всякихъ литературныхъ требованій, но даже отъ грамотности, орѳографіи, и т. п. требованій. Напр. учитель исторіи и географіи, если у него ученикъ напишетъ: «Афины, Гирманія, Спиціонъ Аѳриканскій, войнъ» (вм. воинъ); учитель математики, — если у него ученикъ напишетъ: «деленіе, множитель, вычитаніе, произвѣдѣніе»; учитель древнихъ или новыхъ языковъ, — если у него ученикъ скажетъ или напишетъ какую нибудь безсмысленную фразу, при переводѣ на русскій языкъ изъ древнихъ или новыхъ авторовъ, — всѣ эти учителя нисколько не смущаются такими отвѣтами. Они преоткровенно и пренаивно вамъ отвѣтятъ, что правильность языка, грамотность, орѳографія, и пр. это не ихъ дѣло. Ихъ-де дѣло сообщать содержаніе науки, или преподаваемого предмета, а въ какой безграмотной формѣ вылетѣтъ это содержаніе, это не ихъ дѣло, а прямое дѣло учителя русскаго языка. Всякому представляются подобныя разсужденія не мыслимыми, а между тѣмъ они — фактъ, съ которымъ надо считаться. Но этого еще мало.

Намъ случалось видѣть еще и такихъ педагоговъ, которые въ гимназіяхъ не допускаютъ (возможности даже) письменныхъ работъ по другимъ предметамъ, кромѣ такъ называемой русской словесности. Эти жалкіе, нищіе смысломъ, люди думаютъ, что какой-бы-то нибылъ романъ, повѣсть, стихотвореніе — это литературныя произведенія, а, напр. такія произведенія, какъ — Исторія Англіи Маколея, Записки слѣпого, Араго; Небесныя свѣтила Митчеля, Географія Реклю, и т. п. не смѣютъ и мечтать о литературныхъ достоинствахъ, а поэтому и искать въ нихъ литературныхъ достоинствъ — глупая попытка, а писать въ гимназіяхъ на темы по этимъ предметамъ — нелѣпость.

Какъ-же вы достигнете въ гимназіи знанія русскаго языка, если подобныя соображенія не только допускаются, терпятъ, но даже господствуютъ? Итакъ,

переводы съ древнихъ языковъ на русскій, переводы языкомъ чистымъ, правильнымъ, литературнымъ, — это первая ступень знанія, на которую ученикъ гимназіи долженъ быть поставленъ. Они, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, должны начаться съ такимъ характеромъ уже съ 3 класса, гдѣ приступаютъ къ чтенію латинскихъ авторовъ. Безспорно, этотъ трудъ будетъ весьма полезенъ для ученика; но такъ какъ ученикъ подчиненъ подлиннику относительно содержанія переводимаго текста, свободенъ же и самостоятеленъ только въ созданіи формъ, въ которыя переводимое укладывается на родномъ языкѣ, то на этой ступени работу ученика нельзя назвать вполне самостоятельною. А при неполной самостоятельности, работа не можетъ ученика вполне заинтересовать, завладѣть всѣмъ его вниманіемъ. Не зная еще основательно ни древнихъ языковъ, ни русскаго, онъ отнесется къ первому своему шагу, какъ къ дѣйствию трудному и механическому. Поэтому упражненія учениковъ въ стилистическихъ и литературныхъ качествахъ языка, при переводахъ съ древнихъ языковъ, должны проходить чрезъ весь гимназическій курсъ. Впрочемъ, это не препятствуетъ перейти ученику и на другую ступень — работъ болѣе самостоятельныхъ, слѣд. и болѣе для него приятныхъ. Уже съ V класса можно бы перейти къ выполненію такихъ работъ, въ которыхъ учителю принадлежала бы только мысль (тема) и планъ, а ученику — самостоятельное ихъ выполненіе. — Далѣе, слѣдуетъ третья ступень: ученикъ долженъ перейти къ вполне самостоятельнымъ работамъ, когда ему будетъ принадлежать и мысль, и планъ, и ихъ разработка. Кстати, — классическіе писатели въ своихъ произведеніяхъ даютъ, можно сказать, неистощимый матеріалъ для разработки на разныя весьма интересныя темы — относительно жизни и дѣятельности классическихъ народовъ, ихъ обычаевъ, языка, произведеній искусства, и проч.

При выполненіи такихъ темъ, ученикъ будетъ уже вполне заинтересованъ изучаемымъ авторомъ. Въ немъ

онъ долженъ будетъ найти: 1) матеріаль для выполненія взятой на себя задачи; 2) расположить его по плану; 3) освѣтить его разными объясненіями; 4) сдѣлать свои выводы и заключенія.—Самолюбіе ученика будетъ здѣсь благородно задѣто тѣмъ, что ему предоставлено будетъ дѣйствовать самостоятельно и достигать научныхъ результатовъ. Нѣсколько такихъ работъ способны развить въ ученикѣ охоту къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ области древней греко римской литературы, слѣдоват. и къ изученію ея. Нужно только отыскивать и давать ученикамъ посильныя задачи, не увлекаясь ихъ обширностью и сложностью.—Даже можно сказать,—чѣмъ задача (тема) меньше по объему, тѣмъ она лучше, полезнѣе для ученика.

Вообще, намъ кажется, разумное отношеніе къ ученикамъ требуетъ отъ умнаго учителя помнить притчу о раздѣленіи талантовъ. Отъ каждаго нужно требовать того, что могутъ дать Богомъ ему дарованныя способности. Тогда у насъ навѣрно дѣло пойдетъ успѣшно. Каждый будетъ трудиться столько, сколько ему Богъ заповѣдалъ въ данныхъ ему способностяхъ. Поэтому и работы письменныя и устныя должны быть назначаемы каждому сообразно съ силами его. Въ этомъ состоитъ мудрость учителя и воспитателя! Онъ долженъ индивидуализировать учениковъ.

Мы попробуемъ на примѣрахъ показать, какого рода письменныя работы могутъ быть задаваемы или рекомендуемы ученикамъ на темы изъ древнихъ авторовъ. По нашему мнѣнію, эти темы могутъ быть двоякаго рода: собственно филологическія и литературныя. Къ первымъ мы относимъ всѣ темы, имѣющія въ виду главнымъ образомъ изученіе языка съ той или другой стороны; ко вторымъ—темы, развитіе которыхъ раскрываетъ ту или другую сторону жизни древнихъ, знакомитъ съ ихъ обычаями и нравами, съ учрежденіями, съ произведеніями искусствъ, съ типами, изображенными въ литературныхъ произведеніяхъ древности, и т. п.

Не говоря уже о письменныхъ работахъ чисто грамматическаго характера, которыя могутъ быть назначаемы ученикамъ (напр.—собрать всѣ случаи употребленія въ прочитанныхъ главахъ того или другаго падежа, наклоненія, времени, степени, или нѣсколькихъ такого рода формъ и объяснить ихъ значеніе; переложить рѣчь прямую въ косвенную, и на оборотъ; объяснить на примѣрахъ, извлеченныхъ изъ прочитанныхъ мѣстъ, то или другое грамматическое правило, и т. п.), къ числу филологическихъ темъ можно отнести также и слѣдующія: 1) изученіе эпитетовъ, которыми такъ богатъ языкъ Гомера; 2) изученіе не менѣе многочисленныхъ сравненій и уподобленій въ немъ встрѣчающихся; 3) сравненіе переводнаго текста Гнѣдича или Жуковскаго съ подлинникомъ и современнымъ литературнымъ русскимъ языкомъ. Къ числу темъ литературнаго характера можно отнести: 1) рѣчи героевъ Иліады и Одиссеи, 2) характеристики этихъ героевъ, 3) изложеніе въ сжатомъ или въ распространенномъ (съ поясненіями) видѣ разныхъ эпизодовъ, 4) изложеніе, предметовъ, относящихся къ изображенію нравовъ, обычаевъ, мѣонологіи даннаго времени, а также описаніе оружія, домашняго устройства, общественныхъ учрежденій и т. д.; 5) разсужденіе по поводу разныхъ, возникающихъ при чтеніи автора, вопросовъ. Попробуемъ остановиться на нѣсколькихъ изъ этихъ темъ, чтобы показать, какъ ими можно пользоваться.

I. Эпитеты Гомера.

Сначала соберемъ всѣ эпитеты, находящіеся въ I-ой пѣснѣ Иліады; расположимъ ихъ по группамъ, сличимъ переводъ ихъ съ подлинникомъ и, наконецъ, изъ этого матеріала сдѣлаемъ свои выводы.

1. Эпитеты боговъ.

а) Зевсъ: 1) *μητίετα* (ст. 175)—перев. промыслитель (собств. премудрый, отъ *μητις*, *mens*, *consilium*).

2) αἰγίοχος (202) пер. эгіохъ (собств. эгидо-держецъ).

3) ὀλύμπιος ὑψιβρεμετής (353—354) высоко-гремящій олимпіецъ.

4) κελαινεφής (397) сгуститель тучъ (собств. черно-облачный, закрытый черными тучами).

5) τερπικέραυνος (419) метатель молній (собств. забавляющійся, потѣшающійся молніей).

6) εὐρύοπα (498) молній метатель (собств. громко-голосый, голосъ котораго раздается далеко во всѣ стороны, или: далеко во всѣ сторы видящій).

7) ἄναξ (502) отецъ и владыка безсмертныхъ (собств. повелитель).

8) νεφεληγερέτα (511) тучегонитель (собств. тучесобиратель).

9) πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε (544) повелитель боговъ и отецъ чловѣковъ (собств. отецъ боговъ и людей).

10) ἀστεροπητής (580)-громами блестящій (ЛВ. Можно ли блестятъ громами?) Въ ст. 609 этотъ эпитетъ переведенъ: олимпійскій блистатель (собств. молніевержець).

β) Гера: 11) λευκώλενος (55) державная, ст. 195 златотронная; ст. 572), лилейнораменная, (собств. бѣлорукая).

12) βοῶπις (551) волоокая; πότνια (ibid) не переведено (собств. владычица, госпожа).

13) χρυσόθρονος—(611) златотронная.

γ) Аполлонъ: 14) ἐκρηβόλος (21) далекоразящій. Въ ст. 14 этотъ эпитетъ не переведенъ. Въ ст. 110 онъ переведенъ: дальномечущій.

15) ἐκατηβελέτης ἄναξ (75) далекоразящій богъ.

16) ἐκάεργος (147) и ἕκατος (385) не переведены.

17) ἀργυρότοξος (37) сребролукій.

18) Σμινθεύς (39) Смицѣей.

19) Φοῖβος (72) Фебъ. Въ ст. 43 вмѣсто этого эпитета у Гнѣдича: сребролукій, а въ ст. 64: небожитель.

20) δίφιλος (86) любимецъ Зевеса.

δ) Гефестъ: 21) κλυτοτέχνης (571) олимпійскій художникъ (собств. знаменитый, славный художникъ).

22) περικλυτός ἀμφιγυήεις (607) мудрый хромоногий (собств. знаменитый хромецъ, или хромой).

ε) Λετα: 23) ἤρχομος (36) льпокудрая (собств. прекрасноволосая).

ξ) Θетида: 24) ἀργυρόπέζα (508) среброногая.

η) Αθαιва: 25) Παλλάς (200) дочь громовержца.

26) Αἰγίοχοιο Διὸς τέκος (202) дщерь Эгіоха.

27) Θεὰ γλαυκῶπις (206) свѣтлоокая дщерь Эгіоха.

θ) Эось: 28) ἠριγένεια, вѣстница утра (собств. рано раждающаяся).

29) ροδοδάκτυλος (477) розоперстая.

ι) Олимпъ (какъ жилище боговъ).

30) πολυδεῖρας (499) многоверхий (собств. многохолмный).

31) μακρὸς (402) многохолмный (собств. огромный).

32) ἀγάννιφος (420) многоснѣжный.

33) ἑκατόμβη τελέεσσα (315) гекатомба совершенная (т. е. отличная).

34) ἑκατόμβη ἱερή (99) святая (или священная) жертва стотельчая.

II. Эпитеты царей, героевъ и разныхъ лицъ.

κ) Агамемнонь:

35) ἀναξ ἀνδρῶν (7) пастырь народовъ (собств. повелитель людей).

36) δίφιλος (74) любимецъ Зевеса.

37) εὐρυκρείων (102) пространно-властительный.

38) κρείων (130) могучій. Въ ст. 285 этотъ эпитетъ переведенъ: повелитель мужей.

λ) Ахиллесъ. 39) δίος (7) благородный (собств. божественный—divus).

40) πόδας ὠκὺς быстроногий (58). Въ ст. 84 этотъ эпитетъ переведенъ: благородный.

41) ποδάρχης (121) быстроногий.

42) θεοεικελός (131) безсмертнымъ подобный (буквально—богоподобный).

43) πάντων ἐκπαγλότατος ἀνδρῶν (146) изъ мужей въ ополченіи страшнѣйшій.

44) ἀγχιμητής (290) храбрый (собств. копейщикъ).

45) διογενής (489) Зевсовъ питомецъ (собств. божьяго рода, богу родня).

μ) Одиссей: 56) δῖος (145) вм. этого эпитета—Лаэртидъ.

47) πολύμητις (311) многоумный.

ν) Несторъ: 48) ἠδυεπής λιγύς Πυλίων ἀγορητής (248) сладкорѣчивый, громогласный витія Пилосскій.

ζ) Дріасъ: 49) ποιμὴν λαῶν (263) предводитель народовъ.

ο) Полифемъ: 50) ἀντίθεος (264) небожителямъ равный (букв. богоравный).

π) Тезей: 51) ἐπιείκελος ἀθανάτοισιν (265) безсмертнымъ подобный.

ε) Гекторъ: 52) ἀνδρόφονος (242) мужеубійца, собствен. истребитель людей.

σ) Патроклъ: 52) διογενής благородный (см. 45).

τ) 54) Царь (вообще) διατρεφής (176) питомецъ Зевеса.

55) — σκηπτοῦχος (279) скиптроносець.

υ) Калхасъ: 56) μάντις ἀμόμων (92) пророкъ непорочный (92).

φ) Бризельда: 57) εὐζωνος (429) красноопоясанная (собств. красивоподпоясанная, или носящая, имѣющая красивый поясъ).

58) Дочь (вообще) φιλή (20) милая. Дѣва (κούρη) ἑλικῶπις (98) черноокая (соб. быстроглазая); χαλλιπάρηος (143) румяноланитая, прекрасноланитая (345);—соотвѣтствуетъ русскому эпитету: красная дѣвица.

59) Начальникъ (вообще) ἀρχὸς βουλευφόρος (144) совѣтный.

χ) Атриды: 60) κοσμήτορες λαῶν (16) строители рати ахейской (собств. устроители народовъ).

ψ) Ахейцы: 61) εὐκνήμιδες (17) пышно-повоженные (собств. обутые въ красивые внемиды); μεγάθυμοι (123) добродушные (собств. мужественные, храбрые);

χαλκοχιτῶνες (371) мѣднобронныя; ἐλίχωνες (389) быстроходіе (см. 58).

ω) Троянцы: 61) ἀιχημηταί укротители коней (152)—см. 44.

63) Эѳіопы ἀμόμονες (422) непорочныя.

III. Эпитеты предметовъ неодушевленныхъ

64) Море: πολύφλοισβος θάλασσα (34) немолчношумящая пучина (собств. очень шумное море).

65) ἄλς πολιή (350) пучина съдая. Въ ст. 359 πολιός перевод.: пѣнный.

66) πόντος ἀπείρων поятъ темноводный (собств. безпредѣльный).

67) ἄλς δῖα (141) море священное; ἠχήμεσσα—(157) шумныя волны морскія;—ἀτρόγετος (316) море безплодное, широкое (327), βαθεία (632) глубокое.

68) пристань πολυβενθής (532) глубодонная (собств. преглубокая).

69) волна χῆμα πορφύρεον (481—482) пурпурная.

70) судя ὠκύποροι (488) черныя (собств. быстроходныя) въ ст. 421—быстрыя; νηὺς μέλαινα (141)—черный; хорωνίς (170) быстрый (собств. загнутый); θοή быстроходный (12).—легкій (308).

71) Колчанъ ἀμφηρηφής (45) отовсюду закрытый.

72) οἰστός (46) перев., крылатая стрѣла; ἰός (48) пернатая стрѣла; βέλος ἐχευευκής (51) смертоносная стрѣла.

73) лукъ—βιός ἀργύρεος (498) среброблещущій.

74) кубокъ—δέπας ἀμφικύπελλον (584) двудонный (собств. двойной).

75) лира—φόρμιγξ περικαλλής (603) прекрасная.

76) свѣтъ φάος λαμπρόν—блистательный.

77) горы—σχιόεντα (157)—покрытыя лѣсомъ (соб. тѣнистыя).

78) перси (στήθος) λάσιον власатыя.

79) кровь (αἷμα) χελαινόν (304) черная.

80) городъ *ἱερή* (366)—священный.

81) площадь—*ἀγορά κυδιάνειρα* (490) совѣты мужей украшающая славой (собст. прославляющая мужей).

82) небо—*μέγας* (497) великое.

83) домъ Зевса *γαλχοβατέс* мѣднозданный (т. е. построенный изъ мѣди).

IV. Названія странъ и городовъ.

84) Килла *ζαθέη* (38) священная.

85) Пилось *ἡγαθέη* (252) пышный (собств. священный).

86) Троя *εὐταίγεος* (129) крѣпкостѣнная.

87) Фтія *ἐριβώλαξ* (155); *βωτιάνεира* переведены тремя словами: счастливый, многоплодный, плодами обильный (собств. плодородная, питающая людей).

Какія же заключенія мы можемъ вывести изъ только что изложеннаго матеріала?

1) Н. И. Гнѣдичъ въ своемъ переводѣ Иліады представилъ множество неологизмовъ. Въ свойствахъ русскаго языка есть, между прочимъ, наклонность къ образованію изъ двухъ словъ одного довольно длиннаго эпитета, напр. темнозеленый, свѣтлорусый, быстроногій, молніеносный, високоумный, многорѣчивый, праздношатающійся, и пр. Этимъ свойствомъ русскаго языка воспользовался и Гнѣдичъ. Языкъ Иліады подавалъ къ тому поводъ.

Въ языкѣ Иліады есть много составныхъ эпитетовъ. Впрочемъ, еще гораздо раньше Гнѣдича, въ ту эпоху, когда съ греческаго языка переводились богослужебныя книги на языкъ церковнославянскій, уже много явилось подобныхъ эпитетовъ (*ὑπερούσιος* — пресущественный, *ἀπείρανδρος* неискусомужняя, *πανάγαθος* всеблагій; *φιλάνθρωπος* челоуѣколюбець, *φωσφόρος* свѣтоносный, и пр.). Ухо православнога челоуѣка до такой степени къ нимъ

прислушалось, привыкло, что многіе изъ этихъ эпитетовъ приобрѣли уже право гражданства въ русской рѣчи. Тоже случилось и со многими эпитетами, Гнѣдичемъ составленными. Они приняты, такъ какъ не противорѣчатъ духу русскаго языка, напр. высокогремящій, тучегонитель, златотронная, свѣтлоокая, сребролукій, среброногій, и пр.

2) Очевидно далѣе, что Гомеровскіе эпитеты невозможно иначе переводить, какъ составляя новыя слова (неологизмы), но при условіи, что бы съ ними мирилось русское ухо. У Гнѣдича, однако, это правило не вездѣ выдержано; до сихъ поръ довольно дико звучать у него нѣкоторые эпитеты и поэтому не могутъ быть приняты въ русскій языкъ, напр. лилейнораменная, румяноланитая, глубодонная, блистатель, лѣпокудрый, розоперстая, многоверхій, красноопоясанья, и пр.

3) Главное неудобство всѣхъ этихъ эпитетовъ въ томъ, что въ нихъ Гнѣдичъ смѣшиваетъ двѣ стихіи—языки русскій и церковнославянскій;—последнему отдаетъ даже предпочтеніе.

4) Нѣкоторые эпитеты у Гнѣдича переводятся совершенно произвольно: *πόλιος* пѣвный; *ἄπειρον* темноводный. Другіе—очень буквально (*πολύμητις* многоумный), иные не точно, очень отдаленно; наковецъ—нѣкоторые оставлены совсѣмъ безъ перевода (см. выше).

5) Нѣкоторые эпитеты нѣтъ надобности переводить буквально; напр. въ ст. 532 пристань характеризуется эпитетомъ: *πολύβυθής*. Если это слово перевести буквально, получится многоглубинная. Гнѣдичъ перевелъ: глубодонная. То и другое, очевидно, не въ духъ нашего языка, и этого можно избѣжать, если принять во вниманіе, что здѣсь *πολύ* означаетъ тоже, что русское очень, весьма. Тогда получится: пристань очень глубокая или преглубокая.

6) Очевидно,—нѣтъ надобности каждый эпитетъ переводить непрѣменно однимъ словомъ, можно и двумя;

напр. ст. 571—*κλυτοτέχνης* съ удобствомъ переводится: знатный (славный) художникъ.

7) У Гомера для эпитета какого либо лица или сословія иногда указывается на бросающуюся въ глаза часть костюма, по которой и составляется эпитетъ: *χαλκοχιτώνες, ἐκνημίδες*. Точность и вѣрность подлиннику требуетъ—тѣ эпитеты, которымъ нѣтъ соответствующихъ словъ въ русскомъ языкѣ, переводить, удерживая греческую терминологию. Ни хитона, ни кнемиды въ русскомъ военномъ костюмѣ нѣтъ. Поэтому—или мѣднохитонные и красивокнемидные (при чемъ необходимо будетъ объяснить—читателю, слушателю или ученику, что такое хитонъ и кнемида), или допустить переводъ былѣе отдаленный: одѣтые въ мѣдные доспѣхи, какъ въ хитоны; обутые въ прекрасные (красивые) кнемиды.

8) Вообще нужно замѣтить, что, при переводѣ эпитетовъ и техническихъ словъ, нужны объясненія или филологическія, или историко-археологическія (напр. *Φοῖβος, Σμινθεύς, αἰγίοχος*, и т. п.).

Такъ какъ эпитеты служатъ у Гомера лучшею характеристикой лицъ и предметовъ, то обратимся къ эпитетамъ, извлеченнымъ нами изъ I-й пѣсни *Иліады*, чтобы по нимъ сдѣлать нѣкоторыя опредѣленія.

1. Личность Зевса.

Зевсъ, сынъ Кроноса (*Κρονίων, Κρονίδης*), былъ по понятіямъ Грековъ, существо верховное, царившее надъ людьми и богами (*ἀνάξ*), которые почитали его, какъ своего отца (*πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε*). Мѣстомъ его обитанія были вершины Олимпа (*ὄλυμπος*). Это огромная гора (*μακρὸς*) имѣющая много холмовъ (*πολυδείρας*) и покрытая вѣчнымъ снѣгомъ (*ἀγάνισφος*). Тамъ, на вершинахъ этой горы, находился мѣднозданный (*χαλκοβατές*) домъ Зевса. Оттуда, съ этой высоты, Зевсъ озиралъ всю вселенную (*εὐρώπη*) и премудро ею распоряжался (*μητίετα*).

Какъ царь неба, онъ распоряжался также и всѣми явленіями на небѣ. Для этого въ рукахъ его находилось страшное оружіе—щитъ (*αἰγίοχος*). Потрясая имъ, Зевсъ производилъ громъ, молнію, бурю, мракъ. На вершинахъ Олимпа, и вообще на небѣ, по волѣ Зевса, собирались также черныя тучи (*κελαινεφής*), изъ которыхъ онъ металъ молніи (*ἀσπεροπητής*) и издавалъ громы (*ὕψιβρεμετής*). Всѣ эти явленія наводили на людей страхъ и ужасъ, но для тучесобирателя (*νεφέληγερέτα*) это было только пріятной забавой (*τερπικέραυτος*).

2. Личности другихъ боговъ.

1) Гера, супруга Зевса, сидѣла, какъ и онъ, на золотомъ тронѣ (*χρυσόθρονος*) и принимала участіе въ управленіи міромъ (*πότνια*, *potens*). Изъ ея наружной красоты бросались особенно въ глаза: бѣлизна ея рукъ (*λευκώλενος*) и большіе круглые глаза (*βοῶπις*).

2) Аполлонъ, сынъ Зевса и прекрасноволосой (*ἠΰχομος*) Леты. Онъ былъ богомъ свѣта (*Φοῖβος ἄναξ*) и любимцемъ Зевса (*δῖφιλος*).—За плечами своими онъ носилъ серебряный лукъ (*ἀργυρότοξος*). Стрѣлы его летали и разили далеко (*ἐκηβόλος*).

3) Афина, богиня (*θεά*), дочь Зевса, эгидодержца (*αἰγίοχοιο Διός τέκος*); она была извѣстна выразительностію своихъ глазъ (*γλαυκῶπις*) и своею воинственностію (*Παλλάς*).

4) Эосъ, богиня зари. Она рано появлялась на небѣ (*ἠριγένεια*) и отличалась своими розовыми пальцами (*ρόδοδάκτυλος*).

5) Гефестъ,—знаменитый, хромой на обѣ ноги, художникъ (*κλυτοτέχνης*, *ἀμφιγυής*).

Такимъ образомъ мы можемъ дѣлать разные выводы и заключенія и изъ другихъ эпитетовъ.

А. И. Лилловъ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКОЕ СЛОГОУДАРЕНІЕ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СЕМАЗИОЛОГИЧЕСКОЕ УДАРЕНІЕ.

(Продолженіе).

Впродолженіе нашего труда мы не разъ касались, между прочимъ, и этого ударенія. Теперь настала очередь подвергнуть его специальному подробному разсмотрѣнію, сгруппировавъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ, относящіяся къ этому вопросу, факты.

Какъ это мы видѣли и раньше, на подвижность нашего акцента, между прочимъ, оказываетъ свое воздѣйствіе и семасиологическая сторона языка. А такъ-какъ это воздѣйствіе встрѣчается весьма часто какъ въ этимологическихъ, такъ и грамматическихъ формахъ, то семасиологическое удареніе представляетъ очень важное значеніе въ нашей просодіи. Роль этого ударенія обнаруживается въ слѣдующихъ явленіяхъ: оно 1) придаетъ общему родовому значенію слова частный, видовой отгѣнокъ, привнося особенную выразительность въ данное слово; 2) совершенно измѣняетъ значеніе этого послѣдняго и 3) служитъ средствомъ для различенія двухъ разныхъ грамматическихъ формъ тождественныхъ по своимъ флексіямъ. Согласно этой широкой роли семасиологическаго ударенія, настоящую главу мы раздѣляемъ на три отдѣла.

И.

О словахъ, въ коихъ различаются разные отгѣнки ихъ значенія помощью акцента.

1. Изрѣдка, спорадически, встрѣчаются простые (не предложные) глаголы, въ коихъ, безъ всякихъ измѣненій въ формѣ, удареніе само по себѣ придаетъ ихъ значенію видовой отгѣнокъ, какъ-то: двигать и двигать, сыпать и сыпять, тыкать и тыкать, соннуть и сонуть, склизнуть и склизнуть („Русск. Слогоуд.“ I-ая гл. 1 го вып. и XI гл. 2-го вып.). Это же явленіе въ глаголахъ предложныхъ при-

нимаетъ гораздо болѣе широкіе размѣры своего распростра-
ненія. Читатель, конечно, хорошо помнитъ, что предлогъ-
приставка **ВЫ** постоянно принимаетъ на себя удареніе для
выраженія дѣйствія въ совершенномъ видѣ. Такимъ обра-
зомъ мы различаемъ два разныхъ вида, напр., въ глаголахъ
читать и вычитать, ступить и выступить, смотрѣть и вы-
смотрѣть. Здѣсь, конечно, на измѣненіе значенія этихъ и имъ
подобныхъ глаголовъ вліяетъ приставка сама по себѣ, не-
зависимо отъ ударенія. Но если мы возьмемъ формы: вырѣ-
зать и вырѣзать, вычерпать и вычерпать, высыпать и вы-
сыпать, то здѣсь уже рѣшительно ни чѣмъ инымъ, какъ
только помощью ударенія различаются виды глагола.

2. Въ главѣ VIII-ой 1-го вып. „Русск. Слогод.“ мы
показали, что очень мало (всего немного больше трехъ де-
сятковъ) очень мало такихъ глаголовъ, въ коихъ приставки
(за исключеніемъ, разумѣется, *вы*) терпѣли-бы на себѣ уда-
реніе какъ въ неопредѣл. накл., такъ и въ другихъ фор-
махъ, кромѣ формъ прошедш. вр. изъявит. накл. и страдат.
причастія. Но за то есть немало такихъ глаголовъ, кои,
усложняясь предлогами, свое удареніе съ основы переносятъ
не на приставку, а на окончаніе. Помощью этихъ перемѣнъ
образуются глаголы съ двумя различными видовыми значе-
ніями, напр. забѣгать и забѣгать, срѣзать и срѣзать, на-
кликать и накликать, зачерпать и зачерпать, натѣкать и
натѣкать. Подобно глаголамъ и происшедшія отъ нихъ
предложныя имена существительныя тоже допускаютъ двоя-
кое удареніе, которое ихъ значенію придаетъ, хотя и не-
столь явственный, но все-таки уловимый слухомъ, извѣстный
оттѣнокъ, какъ напр.: готовленье и готовленье, откликанье
и окликанье, срѣзаніе и срѣзаніе, зачерпъ и зачерпъ (Ibid.
стр. 9, 10).

3. Чутье русскаго народа до того воспріимчиво акусти-
чески, что, кромѣ выше показанныхъ глагольно-видовыхъ,
отличаетъ еще и другіе, особенные оттѣнки, оттѣнки весьма
гибкіе и едва уловимые мышленіемъ, оттѣнки, для которыхъ
нетолько въ чужихъ, но и въ нашемъ языкѣ нѣтъ даже
названія и которые мы назовемъ глагольно-просодиче-
скими. На стр. 80—85 вып. II-го „Русск. Слогод.“

мы привели тѣ глаголы, формы которыхъ въ настоящемъ вр. изъявит. наклоненія, принимая двойное удареніе, выражаютъ вышесказанные отбѣнки, какъ напр. бѣлишь и бѣлишь, трубитъ и трубитъ, цѣнимъ и цѣнимъ и проч. На сказанныхъ же страницахъ мы также обстоятельно объяснили, что удареніе, не удерживаетъ генетическаго начала не всегда ради только эстетическихъ требованій: такъ, напр., глаголь мастеритъ ничего бы не потерялъ въ благозвучіи, если бы на немъ сохранился акцентъ его первообраза (мастеръ). Передвинулось же здѣсь удареніе съ перваго на послѣдній слогъ потому, что въ настоящемъ случаѣ главную роль въ нашемъ представленіи играетъ не тема глагола, а его окончаніе, какъ обыкновенный признакъ дѣйствія. Слѣдовательно, на передвиженіе ударенія въ словѣ мастерить оказала свое дѣйствіе не другая причина, какъ только логическія требованія, по коимъ помощью ударенія изъ двухъ представленій (1) представленіе о предметѣ и 2) представленіе о дѣйствіи) придаетъ больше выразительности тому именно представленію, которое заключается специально въ глагольномъ окончаніи (ить).

4. Нетолько въ глаголахъ, но и въ другихъ частяхъ рѣчи удареніе придаетъ извѣстную выразительность той части слова, на которую оно падаетъ. Такъ, напр., говоря: изсиня, изжелта, и проч., мы ударяемъ на первый слогъ потому, что здѣсь приставка получаетъ особое значеніе. Приставка съ удареніемъ показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ собственно не о синемъ или желтомъ цвѣтѣ, а объ особенномъ какомъ-то цвѣтѣ, въ составъ котораго синеватость и желтизна входятъ лишь какъ примѣсь, какъ, напр., въ выраженіи изсиня-зеленый. Точно такъ же, употребляя нарѣчіе изрѣдка, мы говоримъ не объ обыкновенномъ лишь, рѣдко встрѣчающемся, явленіи, а о такомъ явленіи, которое повторяется какъ бы случайно (въ нѣкоторыхъ случаяхъ слово изрѣдка замѣняется словомъ—иногда). Такъ, признакъ пьяный можетъ имѣть нѣсколько степеней и поэтому, когда мы скажемъ, напр. А. напился дѣпьяна, то этимъ мы хотимъ показать, что А. не то, что подхмелился въ извѣстную (не доходящую до излишества)

мѣру, а напился до того, что сталъ совершенно пьянымъ. Подобно нарѣчіямъ, и имена существительныя, сложенные съ предлогомъ, получаютъ особый логическій оттѣнокъ, передавая свое удареніе приставкамъ. Такъ, напр., въ формахъ доступъ, отступъ, подступъ, приступъ, поступъ мы различаемъ ихъ смыслъ только помощью различенія тѣхъ представленій, какія привносятъ съ собою предлоги. Такимъ образомъ эти послѣдніе пріобрѣтаютъ здѣсь особое специальное значеніе, такъ-какъ основная, общая для всѣхъ этихъ словъ, часть (ступ) въ этомъ случаѣ какъ бы заслоняется приставками и выражаемое ею представленіе отодвигается на второй планъ: и поэтому держаться на ней ударенію нѣтъ логическаго основанія. И, наоборотъ, тамъ, гдѣ по общему смыслу слова, напр. въ формѣ уступъ, не требуется выше объясненнаго логическаго оттѣнка, тамъ удареніе не переходитъ на приставку, оставаясь неподвижнымъ, хотя благозвучіе скорѣе бы выиграло, чѣмъ потеряло отъ перестановки ударенія на слогъ ус. Но если возможно подступъ, гдѣ и второй слогъ (ступъ), то же, какъ и первый (под), издаетъ сильный отзвукъ, то уже рѣшительно отвергается требованіями благозвучія побережье, вмѣсто побережье, хотя говорится забережье, убережье, набережная. Впрочемъ, удареніе на приставкахъ часто повторяется собственно только въ краткихъ по своей формѣ существительныхъ, какъ напр.: пробѣжать, обликъ, отзывъ, рѣспись, подпись, прісказка, пазвукъ, отзвукъ, призвукъ и проч.; въ болѣе же сложныхъ формахъ, какъ это мы увидимъ ниже, удерживается на основной части слова.

5. Нѣкоторыя имена и простыя (не предложныя) лишь помощью передвиженія ударенія съ одного слога на другой выражаютъ въ своемъ общемъ основномъ смыслѣ два особыя понятія съ извѣстными оттѣнками: или ласки и уменьшенія или же, наоборотъ, увеличенія и униженія, напр., рѣчушка и рѣчѹшка, жаворонокъ и жавороноекъ, желѹдокъ и желудокъ, рѣчище и рѣчище, зайчина (зайчина) и зайчи́на (зайчище). Сюда надо причислить нѣсколько существительныхъ на енѣка и ѣнка (онка), изъ коихъ одни означаютъ ласку, а другія—униженіе: рѣченька и рѣчѹнка,

но́женька и но́жка, ду́шенька и ду́шка, ба́бенка и ба́бка. Подобнымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ простыхъ удареніе, усиливая выразительность на томъ или другомъ слогѣ, привноситъ въ ихъ значеніе извѣстные отгѣнки, какъ напр. далѣко и далекó, высóко и высокó, глубóко и глубокó, тѣмно и темнó, ширóко и широкó и проч. (См стр. 15 вып. I).

6. Удареніе придаетъ извѣстную выразительность не только той или другой части отдѣльно взятаго слова, но и той или другой части предложенія. Такъ, мы обыкновенно говоримъ: я не былъ, ты не была́, оно не было́, мы не были и т. д. Но, иногда глаголь, самъ лишаясь ударенія, передаетъ это послѣднее отрицательной частичкѣ *не*, какъ напр. въ слѣдующихъ предложеніяхъ: я вовсе не́ былъ занятъ; она не́ была въ церкви; его вовсе не́ было дома; мы вовсе не́ были дома и т. д. Въ этомъ случаѣ удареніе придаетъ отрицанію больше силы и рѣшительности. Вотъ еще подобныя выраженія: я ничего не́ взялъ; она вовсе не́ брала; онъ ни кому ничего не́ далъ и т. д.; я, ты, онъ не́ жилъ въ этомъ домѣ; мы не́ жили и т. д. Но такая акцентація возможна только при одночленныхъ или и двучленныхъ (въ формѣ женск. и средн. рода) глаголахъ въ одной лишь формѣ прошедш. времени какъ изъявит. накл., такъ иногда и страд. прич. (напр., не́ взять, не́ дано, не́ брано). При этомъ надо еще замѣтить, что въ этомъ случаѣ, когда отрицательная частичка *не* замѣняетъ собою глаголь нѣтъ и, слѣдовательно, получаетъ особенную семасіологическую силу, то сказанная частичка всегда и безусловно держитъ на себѣ удареніе. Примѣры: не́ предъ кѣмъ стѣсняться; не́ о чѣмъ толковáть; не́ за чѣмъ ходи́ть...

II.

Тождественныя этимологическія формы съ различными значеніями.

1. Въ русскомъ языкѣ есть нѣсколько сотъ такихъ словъ, кои, облекаясь въ одну и ту же, совершенно тождественную, форму, лишь помощью двойкаго ударенія выра-

жають два совершенно различныхъ понятія. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ (сравнительно немногія), не имѣя между собою ничего общаго по своему происхожденію, представляютъ только случайное тождество по внѣшнему строенію, какъ напр. *нашивать* (отъ *носить*) и *нашивать* (отъ *шить*), *отворожить* (отъ *творогъ*) и *отворожить* (отъ *ворожить*), *пáрникъ* (отъ *пáра*, *пáрный*) и *парникъ* (отъ *парь*, *парной*) и проч. Значительное же большинство подобныхъ словъ, — какъ напр. *гóрбить* и *горбѣть*, *міловать* и *миловать*, *бѣлье* и *бѣлѣе*, *мúка* и *мукá*, *зáмокъ* и *замóкъ*, *жáркое* и *жаркóе*, *безóбразный* и *безобразный*, *вѣрхомъ* и *верхóмъ*, *пóлно* и *полнó* и проч., — происходя отъ одного и того же корня и разнообразя свою фонетику лишь помощью ударенія, приняли два, совершенно различныхъ, значенія. Большую часть какъ тѣхъ, такъ и другіхъ словъ мы перечислили въ систематическомъ порядкѣ въ гл. II—V вып. 1-го.

2. Въ предъидущемъ отдѣлѣ (§§ 1 и 2) мы привели нѣсколько глаголовъ, въ коихъ отъ прибавки къ нимъ предлога и отъ передвиженія ударенія измѣняются ихъ видовые отгѣнки. Но встрѣчаются, хотя спорадически, между подобными глаголами и такіе, въ коихъ отъ сказанныхъ перемѣнъ они получаютъ радикально различныя значенія. Такъ, образовались: отъ *висѣть* — *зависѣть*, отъ *умѣть* — *обезумѣть*, *образумить*, *надоумить*, отъ *вѣрить* — *повторить*, отъ *пáдать* — *попадáть*. Нѣкоторые изъ разсматриваемыхъ глаголовъ, оставляя свое удареніе ненарушимымъ какъ въ неопредѣленномъ склоненіи, такъ и въ наст. вр. изъявит. накл., передвигаютъ его съ одного слога на другой въ прошедшихъ временахъ изъявит. накл. и страд. причастія и, такимъ образомъ, получаютъ особыя значенія, болѣе или менѣе отличныя отъ своего первоначальнаго кореннаго смысла. Такъ, отъ *дáть*, *передáть* произошли: *пéредалъ* (т. е. лишнее далъ) и *передáлъ* (т. е. перевелъ изъ рукъ въ руки); отъ *братъ* — *перéбралъ* (т. е. лишнее взялъ) и *перебрáлъ* (т. е. разобралъ что, напр. всѣ вещи свои). Такъ, говорятъ: „съ кѣмъ повелся отъ того и занялся“ и *занялся*, напр. *дѣломъ*. Такъ, *оборвáлось* — значить не удалось, а *оборв́алось* — оторв́алось что, напр. отъ платья. Такъ, говорится: *спáла* (отъ *пастъ*, *спасть*) и *спалá* (отъ

спать, поживать). Между этими глаголами особенно замѣчательнъ одинъ глаголь—жить. Этотъ глаголь, усложняясь предлогами, въ формѣ неопред. накл., ради благозвучія, оставляетъ свое удареніе ненарушимымъ, въ формѣ же прошед. вр. изъявит. накл. разъ удерживаетъ акцентъ на окончаніи же, а другой—переносить его на предлогъ и, такимъ образомъ, выражаетъ не только два, но даже нѣсколько различныхъ значеній, какъ-то: 1) онъ зажилъ, напр., бариномъ; 2) онъ зажилъ, напр., свои деньги; 3) онъ не нажилъ, напр., ума; 4) вѣтеръ зажилъ; 5) рана зажилá. Говорится еще: выжить кого, напр., изъ дому. Подобнымъ образомъ и нѣкоторыя страд. причастія, принимая удареніе на предлогъ, совершенно измѣняютъ основной смыслъ ихъ первообраза. Такъ, отъ дать, звать, произошли: даннѣй и подданнѣй, созданный, проданный, званнѣй и созваннѣй, прозваннѣй, вызваннѣй и проч.

3. Какъ вышеизложенныя глагольныя формы (§§ 1 и 2), точно такъ же и именныя предложныя формы, принимая удареніе на приставку, совершенно измѣняютъ свое коренное значеніе. Въ предъидущемъ отдѣлѣ (§ 4) мы видѣли, что отъ одного и того же корня *ступ* чрезъ прибавку предлога образовались имена: доступъ, отступъ, подступъ, приступъ, поступъ. Какъ ни различны выражаемыя ими понятія, но все-таки въ этомъ послѣднемъ безусловно заключается одно, общее имъ всѣмъ, представленіе о дѣйствіи ступать, — дѣйствіи, безъ котораго немислимо и самое понятіе. Но если, затѣмъ, мы возьмемъ имена вѣступъ, заступъ, то тутъ представленіе о сказанномъ дѣйствіи теряется и въ нашемъ мышленіи представляется лишь такой предметъ, который или совсѣмъ уже не можетъ дѣйствовать (выступъ) или, хотя и дѣйствуетъ по временамъ, но можетъ оставаться и безъ всякаго дѣйствія (заступъ). Подобныхъ словъ въ русскомъ языкѣ есть немало, какъ-то: бѣдна, бѣзтолочь, участь, улица, проволока, перекрестъ, перевертень, рѣзвальни, увалень. Въ выраженіи „безъ днá“ предлогъ не носитъ ударенія; чрезъ соединеніе же его съ существительнымъ въ одно слово (бѣдна) фонетика этого выраженія совсѣмъ измѣняется лишь вслѣдствіе передвиженія

ударенія на приставку, которая поэтому и получает первенствующее значеніе, такъ сказать, заслоняя собою основной смыслъ слова дно, такъ-какъ въ этомъ случаѣ въ нашемъ мышленіи представляется не понятіе о днѣ, а понятіе о такой большой глубинѣ, которая какъ будто даже и дна не имѣетъ. Слова: перекрѣсть, перекрѣстокъ, перекрѣстный, перекрѣстка, — слова, въ коихъ удареніе падаетъ не на предлогъ уже, а на коренной слогъ, — доказываютъ, что семасіологическое удареніе, замѣняя собою генетическое, пріобрѣтаетъ фактическую силу только въ извѣстныхъ отрасляхъ словообразованій, и именно только тамъ, гдѣ сдвигеніе акцента съ основной части крайне необходимо для ясности и выразительности рѣчи. И, поэтому, такъ-какъ въ словѣ *перекрѣсть* (перекрѣстившійся) смыслъ главнымъ образомъ сосредоточивается не на представленіи о крестѣ, а на представленіи о *переходѣ* еврея въ христіанскую вѣру, т. е. на предлогъ *пере*: то и удареніе должно было перейти на этотъ послѣдній. Съ именами же *перекрѣсть*, *перекрѣстокъ* и проч. мы соединяемъ совсѣмъ другое понятіе, главная составная часть коего есть представленіе о крестѣ, т. е. о предметѣ, имѣющемъ видъ креста: вслѣдствіе же этого смыслъ предлога здѣсь отступаетъ на задній планъ и, поэтому, тутъ уже нѣтъ никакого основанія сдвигаться ударенію съ корня, вопреки генетическому началу. По этой же причинѣ удерживается генетическое же удареніе и въ формахъ: *перекрѣстный*, *бездѣнный*, *уваль*, *уваливать*, *увалистый* и проч. Между тѣмъ другія (впрочемъ, весьма рѣдкія) подобныя же прилагательныя имена—*уличный*, *проблочный*, сохраняютъ фонетику своихъ непосредственныхъ производителей—*улица*, *проблока*, такъ какъ переходъ ударенія обратно на коренную часть слова выдвинуло бы на первый планъ представленіе о волоченіи, о *лицѣ*, т. е. придало бы этимъ прилагательнымъ такой смыслъ, какого они имѣтъ нынче уже не могутъ, утративъ его разъ навсегда съ тѣхъ поръ, какъ только ихъ основа соединилась съ приставками *у* и *про* въ своихъ первообразахъ (*улица* и *проблока*), — чего однако не случилось съ другими, вы-

шеобъясненными аналогичными формами, — перекрестокъ, увалъ и проч.

4. Изъ всего вышеизложеннаго какъ въ предъидущемъ (I), такъ и въ настоящемъ (II) отдѣлахъ видно, что предлоги-приставки играютъ въ нашемъ языкѣ весьма важное семасіологическое значеніе, то придавая лишь извѣстную выразительность частному представленію, то радикально измѣняя смыслъ понятія во всемъ его объемѣ. Къ этому надо однако присовокупить, что сказанное значеніе предлоги получаютъ преимущественно въ формахъ краткихъ, обыкновенно въ двучленныхъ и рѣдко въ трехъ и четырехъ-членныхъ. Напротивъ, въ тѣхъ формахъ, кои облеклись въ оболочку болѣе выразительную, болѣе объемистую, предлоги перестаютъ играть вышеобъясненную семасіологическую роль и, поэтому, не берутъ на себя ударенія. Такимъ образомъ произошли параллельно два ряда однокоренныхъ формъ съ разными удареніями, какъ напр, слѣдующія:

отступъ и отступать, отступленіе и проч.;
 подвигъ и подвигать, подвижность, подвижной и проч.;
 прихоть и прихотливость, прихотливый и проч.;
 помощь и помогать, помощникъ и проч.;
 пропись и прописать, прописывать и проч.;
 повѣсть и повѣстка, повѣствованіе и проч.

Чтобы увидѣть съ полною наглядностью, какимъ образомъ предлоги-приставки въ сложныхъ формахъ не могутъ имѣть того значенія, какое они получаютъ въ краткихъ, возьмемъ еще одну, подобную вышеприведеннымъ, параллель, положимъ, имена ступь и осина съ ихъ производными, съ одной стороны, напр., приступъ и отступъ, а съ другой—подоси́нникъ. Первая изъ этихъ формъ, т. е. ступь, отличаясь неподвижностью своей основы, однако на извѣстной степени этимологическаго развитія языка, помощью разныхъ приставокъ, стала выражать различныя понятія. Вторая же форма, т. е. осина, наоборотъ, уже въ настоящемъ своемъ видѣ, сама по себѣ и безъ помощи предлога, стала выражать хотя и особое, но лишь одно неизмѣнно-постоянное понятіе именно потому, что ея основа растяну-

лась въ ширь чрезъ наставку, которая до того измѣнила примитивное значеніе слова, что развѣ только наука можетъ отыскать его корень, практика же ничего не знаетъ объ этомъ послѣднемъ. Въ форму подосинникъ хотя и вошла приставка, но вошла не непосредственно чрезъ прибавленіе къ основѣ, а уже послѣ дальнѣйшаго расширенія этой послѣдней черезъ наставку икъ, осинникъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что форма подосинникъ произошла не раньше, какъ послѣ двукратнаго преобразованія ея первообраза и расширенія основы этого послѣдняго; тогда какъ въ формахъ приступъ и отступъ ничего этого нѣтъ и онѣ выражаютъ не только два различныхъ, но даже два діаметрально противоположныхъ понятія, благодаря лишь тому значенію, какое заключаютъ въ себѣ каждая изъ двухъ приставокъ. Причемъ, надо замѣтить, что въ томъ случаѣ, когда слова приступъ и отступъ усложняются, подобно слову подосинникъ, наставками, то и здѣсь приставки не могутъ брать на себя ударенія, такъ-какъ теперь коренной смыслъ сказанныхъ словъ измѣняется помощью расширенія ихъ основы, какъ напр. приступать, пристунокъ, отступать, отступной и проч. Что въ формѣ подосинникъ приставка не можетъ играть той семасіологической роли, какую она играетъ въ формахъ приступъ, отступъ и т. п., нагляднѣе всего можно видѣть изъ того, что имя подосинникъ не измѣнило бы своего значенія и въ то время, когда бы въ составъ его вошли, вмѣсто *под*, другія предлоги, напр. *при*, *у*, такъ-какъ и приосинникъ и уосинникъ не переставали бы выражать одно и то же представленіе о грибѣ, растущемъ обыкновенно тамъ, гдѣ есть въ лѣсу осины: ибо этотъ грибъ (какъ подтверждаютъ это и наши личныя наблюденія) не всегда вырастаетъ непременно лишь *подъ* осиною—его равно можно найти и гдѣ-нибудь въ сторонѣ, хотя обыкновенно не подалеку, вблизи осины.

5. До сихъ поръ мы рассмотрѣли формы, которыя составляютъ извѣстныя этимологическія и грамматическія категоріи, категоріи объемлющія цѣлыя десятки и даже сотни словъ. Есть еще и другія подобныя формы, въ которыхъ

хотя тоже, какъ и въ предъидущихъ, удареніе играетъ извѣстную роль въ логической сторонѣ языка, но встрѣчаются лишь спорадически, особняками. Хотя эти формы мы разсмотрѣли обстоятельно въ первыхъ двухъ выпускахъ „Русск. Слогууд.“; но для полноты разбираемаго въ настоящей главѣ вопроса, припомнимъ ихъ здѣсь, не вдаваясь, впрочемъ, вторично въ ненужныя уже теперь объясненія. Вотъ эти формы:

а) Глагольныя формы: накрѣю и накрою; роюсь и роюсь и проч. (I, 35, 36); крѣстишь и крѣстишь, вѣсишь и вѣсишь (II, 81); ложись и положишь, творишь и отворишь, растворишь и проч. (106); выводить и выводитъ, выносить и выноситъ (107)

И б) именныя формы, въ коихъ отрицательная частица **не**, принимая на себѣ удареніе, подобно предлогамъ-приставкамъ, измѣняетъ смыслъ основы: неводъ и неводъ (I, 23); недругъ, нетель, недолись, неповоротъ и проч. (38).

5. Кромѣ всего изложеннаго въ предъидущихъ четырехъ параграфахъ, къ настоящему же отдѣлу надо еще отнести изрѣдка встрѣчающіяся такія слововыраженія, кои помощью подвижности акцента получаютъ два различныхъ значенія лишь въ извѣстныхъ синтаксическихъ оборотахъ рѣчи. Къ числу таковыхъ принадлежатъ:

а) Формы, относящіяся къ одной и той же грамматической категоріи, какъ-то: было и было, должно и должно; въ два часа и ни одного часа; взять что съ верха и сидѣть на верху и проч. (I, 37—39);

б) формы болѣе многочисленныя, чѣмъ предъидущія и относящіяся къ двумъ разнымъ грамматическимъ категоріямъ, какъ напр.: блюду (отъ блюдо) и блюду (отъ блюсти), берегу (отъ берегъ) и берегу (отъ беречь); душу (отъ душа) и душу (отъ души), ношу (отъ ноша) и ношу (отъ носить) и проч. (I, 32—35); по-моѣму и по-моѣму, по-твоѣму и по-твоѣму и проч. (ibid. 38).

И в) Есть и еще синтаксическія формы, которыя относятся къ рассматриваемой категоріи и которыхъ намъ пока еще не приходилось касаться во все продолженіе нашего труда, а именно: предлоги не только какъ приставки, но и какъ отдѣльныя слова могутъ быть разъ съ удареніемъ, а

другой—безъ ударенія, смотря по смыслу всего предложенія. Примѣры: ждѣть погоды *у* моря и спросить *у* моря...; стоять бокъ *о* бокъ и опираться *о* бокъ...; ни *за* что, ни *про* что и всякъ про себя, а Господь про всѣхъ; жить *за* городомъ и отстаивать *городъ* за *городомъ* и т. п. Изъ этихъ примѣровъ наглядно видно, что тутъ акцентація находится въ прямой зависимости отъ семасіологическихъ требованій. И въ самомъ дѣлѣ, предложеніе, напр. „ждѣть погоды *у* моря“ получаетъ совсѣмъ особое (переносное, метафорическое) значеніе благодаря лишь ударенію на предлогѣ, на которомъ главнымъ образомъ и сосредоточивается весь смыслъ этого предложенія, смыслъ растолковывать который было излишне, такъ-какъ всякому русскому человѣку онъ очень хорошо извѣстенъ; всякій знаетъ, что тутъ море собственно ни при чемъ. И, наоборотъ, въ предложеніи „спросить *у* моря“... о чемъ бы то ни было—имя существительное море сохраняетъ свой настоящій смыслъ и предлогъ *у* здѣсь ничего не выражаетъ больше, какъ обыкновенное грамматическое отношеніе между двумя предметами. Точно такимъ же образомъ и въ предложеніи „жить *за* городомъ“ предлогъ *за* получаетъ особое, весьма важное значеніе: ибо онъ, вмѣстѣ съ именемъ существительнымъ, выражаетъ вообще мѣсто, находящееся внѣ города; вмѣсто „жить *за* городомъ“, мы могли бы сказать „жить въ деревнѣ, на дачѣ и т. п. Но въ предложеніи „отстаивать *городъ* за *городомъ*“ мы рѣшительно не можемъ замѣнить имя *городъ* на какое—либо другое, не искажая смысла всего даннаго предложенія. Что удареніе на предлогѣ въ такихъ и тому подобныхъ выраженіяхъ несомнѣнно играетъ семасіологическую роль, то это еще доказывается и слѣдующимъ соображеніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ томъ или другомъ изъ сказанныхъ предложеній, напр. „ждѣть *у* моря погоды“ между именемъ (море) и предлогомъ (*у*) вставляется слово, выражающее прямо относящійся къ имени признакъ, признакъ, который не дозволитъ имени терять свое коренное значеніе и когда, слѣдовательно, предлогъ не можетъ получить вышеобъясненнаго особаго значенія: то предлогъ уже рѣшительно отвергаетъ отъ себя удареніе, по праву предоставляя это послѣд-

нее имени, какъ напр. сидѣть у Чернаго, Балтійскаго... моря; ждать погоды у синяго моря; жить за этимъ городомъ... и т. п.

6. Къ настоящему же отдѣлу надо отнести слѣдующіе, еще не рассмотрѣнные нами просодическіе факты:

а) Въ предъидущемъ отдѣлѣ (§ 3) мы показали, что нѣкоторые глаголы, перенося удареніе съ основы на окончаніе, получаютъ въ своемъ значеніи особыя оттѣнки, названные нами глагольно-просодическими. Подобнымъ образомъ и имена существительныя, переставляя удареніе съ основы на окончаніе, отступаютъ отъ генетическаго начала не ради благозвучія, а ради семасіологическихъ требованій. Но эти отступленія въ именахъ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ глаголахъ. Чаше всего бываетъ такъ, что оба сказанныя начала сохраняютъ свои права, вовсе не мѣшая другъ другу: такъ, напр., отъ формъ землякъ, другъ, день, узель произошли формы землячокъ, дружокъ, денекъ, узелокъ, формы, въ коихъ, съ одной стороны, окончанія *екъ, окъ*, какъ примѣты ласки, уменьшенія (II, 32—35), отъ ударенія получаютъ особенную выразительность, а съ другой—акцентъ не можетъ быть терпимъ на томъ слогѣ, на коемъ онъ стоялъ въ ихъ непосредственныхъ производителей потому, что это не удовлетворяло бы требованіямъ благозвучія. Однако попадаютъ, хотя изрѣдка, и такія именныя формы, въ коихъ удареніе, вопреки генетикѣ, держится окончанія не ради благозвучія, а ради лишь семасіологическихъ требованій. Такъ, въ формѣ духовникъ благозвучіе ничего бы не потеряло и въ томъ случаѣ, если бы въ ней удареніе непосредственнаго ея производителя (духовный) осталось ненарушимымъ, согласно аналогіи, по коей, какъ намъ извѣстно, трехчленныя формы почти всегда держатъ удареніе на срединномъ слогѣ. Стало быть, тутъ есть особая причина перестановкѣ ударенія. Вникая въ смыслъ слова „духовникъ“, мы непоколебимо убѣждаемся, что здѣсь акцентъ на послѣднемъ слогѣ играетъ роль специально семасіологическую: здѣсь окончаніе *икъ* получаетъ особенно важное значеніе; ибо существенный смыслъ помянутаго слова заключается не въ общемъ признакѣ прилагательнаго духовный, а въ томъ

частномъ признаковъ, какой привносится въ существит. духовникъ посредствомъ окончанія *никъ*, обыкновенно обозначающемъ личныя имена. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь духовникомъ называютъ не всякое духовное лицо, а лишь исповѣдника. Подобнымъ образомъ въ словахъ тарабарскій тарабарщина удареніе не сохранилось на томъ мѣстѣ, котораго оно держалось въ своемъ непосредственномъ производителѣ—тарабары—не по иной причинѣ, какъ только по семасиологическимъ требованіямъ: ибо такая фонетика, какъ тарабарскій и тарабарщина въ наше мышленіе вносило бы совсѣмъ не то представленіе, какое заключаютъ въ себѣ сказанныя слова, напоминая, по случайному созвучію, о такихъ понятіяхъ, какъ барскій и барщина, которыя ни въ какомъ случаѣ, по своему значенію, не могутъ имѣть ничего общаго съ тарабарскій и тарабарщина.

И б). Въ нашемъ языкѣ попадаются и такія особенныя слова, двѣ составныя части коихъ, если ихъ отдѣлять одна отъ другой протяженіемъ голоса (отъ ударенія) на надлежащемъ слогѣ, получаютъ два особыхъ самостоятельныхъ понятія. Впрочемъ, какъ само собою разумѣется, такія слова составляютъ своего рода рѣдкость; впродолженіе нашихъ разысканій мы нашли всего три такихъ слова: яшилъ, или яшелъ, ябеда, азбука. Очевидно, что ихъ удареніе подчиняется не иному какому началу, какъ только семасиологическому, такъ какъ, съ одной стороны, благозвучіе вовсе не мѣшаетъ произнести ихъ и слѣдующимъ образомъ: яшилъ, или яшелъ, ябеда, азбука, а съ другой—при такой фонетикѣ извратился бы совсѣмъ ихъ смыслъ, т. е. вышло бы, какъ будто мы говоримъ: я шилъ, или я—шелъ, я—бѣда, азъ (я)—бука.

III.

Грамматическія формы, различающія свои разныя значенія помощью лишь ударенія.

Хотя нашъ языкъ, отличающійся особеннымъ лексическимъ богатствомъ, въ то же время превосходитъ другіе (по край-

ней мѣрѣ аналитическіе) языки весьма широкимъ развитіемъ грамматическихъ формъ; тѣмъ не менѣе и въ немъ есть пробѣлы по такимъ категоріямъ, въ коихъ выражаются представленія какъ о количествѣ предметовъ (числѣ), такъ и объ образѣ ихъ дѣйствія (наклоненіи). Такъ, хотя во многихъ именахъ мы отличаемъ помощью флексій одну грамматическую форму отъ другой, напр. форму вола́ отъ формы воли́; однако, если возьмемъ, напр., имя доля, то здѣсь уже отсутствуетъ сказанное различіе. Такъ, помощью же флексій мы ясно отличаемъ въ спряженіи разныя формы по всѣмъ тремъ наклоненіямъ; однако встрѣчаются, хотя и изрѣдка, и такіе глаголы, въ коихъ форма 2-го лица мн. ч. изъявит. накл. рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ формы повелительнаго накл. въ томъ же множ. числѣ, какъ напр. говорите, молчите. При всемъ томъ, однако русский языкъ, отличаясь особенною подвижностью ударенія не только въ этимологическихъ, но и въ грамматическихъ формахъ, восполняетъ сказанные пробѣлы, если и не во всемъ ихъ объемѣ, то по крайней мѣрѣ въ значительной ихъ части. Впрочемъ, еще не очень давно (въ V-ой главѣ—„Перестановки ударенія“) мы обстоятельно уже разобрали этотъ вопросъ. Намъ остается лишь сдѣлать нѣкоторыя дополненія, прямо относящіяся къ содержанію настоящей главы.

1. Только въ склоненіи именъ существительныхъ удареніе играетъ весьма важную семасіологическую роль, очень часто помогая различать двѣ разныя по значенію и тождественныя по фонетикѣ грамматическія формы. Въ именахъ же прилагательныхъ, не смотря на то, что и въ нихъ есть формы съ одинаковыми флексіями въ двухъ или даже трехъ разныхъ падежахъ (род., дат. и предл. п. ед. ч. а также род. и предл. мн. ч.),—удареніе съ измѣненнымъ постоянствомъ остается неподвижнымъ во все продолженіе склоненій. Затѣмъ, въ мѣстоименіяхъ лишь нѣкоторыя формы допускаютъ перестановку ударенія, какъ напр. отъ мой—моего́, моему́ и т. д. Однако и эта перестановка вовсе не имѣетъ никакого семасіологическаго значенія. Понятно, что какъ всѣ прилагательныя, такъ и аналогичныя съ ними мѣстоиме-

нія вовсе не нуждаются въ перестановкѣ ударенія уже потому, что въ случаяхъ тождества двухъ разныхъ падежей, ясность рѣчи опредѣляется флексіями именъ существительныхъ, безъ коихъ они сами по себѣ не мыслимы.

2. Что же касается, далѣе, глаголовъ, то въ нихъ есть только двѣ формы различныя по значенію и тождественныя по фонетикѣ: это, съ одной стороны, форма 2-го лица множ. ч. наст. (или будущаго) вр. изъявит. накл., а съ другой—форма множ. ч. повелит. накл. Но и это тождество случается лишь тогда, какъ въ обѣихъ сказанныхъ формахъ предъ окончаніемъ *те* стоитъ не иной какой звукъ, какъ только *и*. Въ этомъ случаѣ удареніе беретъ на себя семасіологическую роль, переходя съ третьяго слога (считая отъ конца) формы изъявит. накл. на предпоследній слогъ формы повелит. накл., какъ, напримѣръ: *водите* и *водите*, *носите* и *носите*, *держите* и *держите*, *любите* и *любите*, *молите* и *молите*, *терпите* и *терпите*, *смотрите* и *смотрите*, *ходите* и *ходите*, *сердитесь* и *сердитесь*, *скажете* и *скажете* и проч. Обратнаго же явленія, т. е. перехода ударенія со 2-го слога изъявит. накл. на 3-й слогъ повелит. накл. вовсе не встрѣчается: такъ, напр. отъ *велимъ*, *велите* и повелит. накл. тоже *велите*, отъ *говоримъ*, *говорите*—тоже *говорите*, отъ *грустимъ*, *грустите*—тоже *грустите*, отъ *лежимъ*, *лежите* тоже *лежите*, отъ *молчимъ*, *молчите*—тоже *молчите*, отъ *стремимся*, *стремитесь*—тоже *стремитесь*. Итакъ, въ томъ случаѣ, когда удареніе изъявит. наклоненія держится предпоследняго слога, то форма повелит. накл. уже ничѣмъ не различается отъ сказанной формы. Но это тождество не составляетъ особенно замѣтнаго пробѣла, такъ-какъ оно встрѣчается сравнительно рѣдко. А это происходитъ отъ того, что во многихъ глаголахъ, оканчивающихся въ повелит. накл. на *и*, *ите*, форма изъявит. накл. оканчивается не на *имъ*, *ите*, а на *емъ*, *ете*: такъ, напр., *ведемъ*, *ведете* и *ведите*, *беремъ*, *берете* и *берите*, *несемъ*, *несете* и *несите*, *веземъ*, *везете* и *везите*, *деремъ*, *дерете* и *дерите*, *жмемъ*, *жмете* и *жмите*, *зовемъ*, *зовете* и *зовите* и проч. Стало быть, и помимо ударенія, во многихъ глаголахъ двѣ разсматриваемыя

формы явственно различаются одна отъ другой помощью замѣны звука *e* на звукъ *и*. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, сравнительно немногихъ, глаголахъ гласная *и*, какъ примѣта повелит. накл., замѣняется, по общимъ морфологическимъ законамъ, или на безгласный *ь*, или на полугласную *й*: и такимъ способомъ, опять таки устраняется высказанное тожество и помимо ударенія, какъ напр. ладимъ, ладите и ладьте, лазите и лазьте, мучите и мучьте, мѣтите и мѣтѣте, мѣрите и мѣрьте, ставите и ставьте; бойтесь и бойтесь, строятся и строятся, стоятъ и стоятъ. Но какъ бы тамъ ни было, весьма замѣчательно то явленіе, что коль скоро повелит. накл. оканчивается на *и*, *ите*, то удареніе съ неизмѣнною устойчивостью постоянно держится этой же гласной *и* какъ въ формѣ единств., такъ и въ формѣ множественнаго числа: мы не находимъ даже ни одного примѣра, составляющаго исключеніе изъ этого правила. Причину этому явленію мы объяснимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ. А теперь, чтобы вполне исчерпать разбираемый здѣсь вопросъ, укажемъ еще на одинъ замѣчательный и чуть-ли не единственный въ своемъ родѣ семасіологическій фактъ, фактъ, представляемый глаголомъ знать. Этотъ глаголъ, будучи сложенъ съ предлогами, на общемъ основаніи выражаетъ будущее время; но при томъ, вовсе не измѣняясь въ своей основѣ, уже вопреки этимологическимъ законамъ, выражаетъ и настоящее время: узнаю и узнаю, сознаю и сознаю, познаю и познаю, признаю и признаю, визнаю и визнаю, дознаю и дознаю, зазнаюсь и зазнаюсь. Мы видимъ, что здѣсь двѣ разныя глагольныя формы различаются не чѣмъ инымъ какъ только семасіологическимъ удареніемъ. Съ другими предлогами, кромѣ здѣсь приведенныхъ, глаголъ знать не употребляется, за исключеніемъ одного — разузнаю, который практикуется въ значеніи лишь будущаго времени.

3. Переходя, наконецъ, къ именамъ существительнымъ, во избѣжаніе повтореній, мы пропускаемъ тѣ многочисленные факты семасіологическаго ударенія, которые подробно уже разсмотрѣны въ вышепомянутой V-ой главѣ, — какъ напр.

бѣрега и берега́, воды и во́ды, окна́ и о́кна,—и остановимся лишь на слѣдующихъ двухъ, особенно выдающихся, явленіяхъ.

А. Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя формы именъ существ., съ одной стороны, дательнаго падежа муж. рода, а также родительнаго и дательнаго пад. ж. р., а съ другой—предложнаго пад. обоихъ родовъ различаютъ свои разныя значенія лишь помощью ударенія. Мы знаемъ также, что это явленіе имѣетъ мѣсто только въ краткихъ формахъ, преимущественно въ двучленныхъ муж. р., напр. на до́мѣ, въ до́мѣ, на хо́дѣ, въ ви́дѣ, въ ни́зѣ, на верхѣ, на бо́кѣ, на возѣ и проч. и проч. Въ именахъ же женскаго рода рассматриваемое явленіе встрѣчается гораздо рѣже, и именно въ слѣдующихъ формахъ: въ кровѣ, въ близѣ, въ далѣ, въ пылѣ, въ степѣ, на мелѣ, на дверѣ, на груди, въ глубѣ, въ печѣ, въ грязѣ, въ связѣ, въ смѣсѣ, въ тишѣ, въ тѣнѣ, въ Тверѣ, на Русѣ. Хотя именъ существ. ж. р., состоящихъ въ основной формѣ изъ одного лишь слога и оканчивающихся на **ь**, наберется около двухъ съ половиною сотенъ; но всѣ они, кромѣ перечисленныхъ, въ своемъ склоненіи сохраняютъ удареніе неподвижнымъ, какъ напр. боль, вещь, дань, жизнь, мысль, тварь и проч. (См. вып. 2-й, гл. X-ая, отд. Б. п. г). Что касается же трехчленныхъ, то мы знаемъ лишь слѣдующія, сюда относящіяся формы: на островѣ, на берегу, въ поводѣ. Въ болѣе же сложныхъ формахъ, сколько намъ извѣстно, вовсе не встрѣчается этого явленія. Почему это такъ—не будетъ трудно понять, если мы вспомнимъ, что и вообще всѣ усложнившіяся формы избѣгаютъ ударенія на конечномъ слогѣ (Вып. III, главы шестая и седьмая). При этомъ надо еще замѣтить, что и получившая столь широкое распространеніе форма предл. падежа на **ѣ** практикуется лишь съ извѣстнымъ ограниченіемъ, подчиняясь тѣмъ логическимъ требованіямъ, по коимъ въ разныхъ оборотахъ нашей рѣчи тотъ или другой акцентъ придаетъ ей надлежащую ясность или выразительность. Прежде всего наше вниманіе останавливаетъ то обстоятельство, что сказанная форма употребляется не со всѣми пятью предлогами, а лишь съ двумя—*на* и *въ*. Такъ, напр., го

ворится: на острову́, на дугу́, въ углу́, въ долгу́, какъ въ шелку́. Но нельзя сказать: ни при острову́, ни объ острову́, ни по острову́; ни при углу́, ни объ углу́, ни по углу́ и т. д. (по углу́—дат., а не предл. пад.). Затѣмъ, надо еще замѣтить, что и съ предлогами *на* и *въ* форма предлож. пад. въ одномъ и томъ же имени разъ употребляется съ окончаніемъ *у́*, а другой—съ окончаніемъ *ь*. Такъ, напр. говорится: 1) дѣло это въ ходу́ и 2) въ ходѣ́ этого дѣла произошло то-то и то-то. Въ одномъ изъ образцовыхъ рассказовъ нашего извѣстнаго писателя, Ф. М. Достоевскаго („Скверный анегдотъ“ стр. 341) мы находимъ такое выраженіе: „Въ пыли́, въ табакѣ́ и въ чадѣ́“.... Повидимому, здѣсь форма „въ табакѣ́“ не гармонируетъ съ другими аналогичными формами (въ пыли́ и въ чадѣ́). Но тутъ дѣло въ томъ, что необыкновенная чуткость слуха русскаго народа привыкла отличать въ предложномъ падежѣ́ на *у* представленіе о предметѣ́, находящемся въ опредѣленномъ мѣстѣ́, въ такомъ мѣстѣ́, которое занимаетъ извѣстное протяженіе или въ длину и ширину, или въ высоту и глубину. И, поэтому, можно напр. сказать: человекъ находится въ пыли́, чадѣ́, въ шелку́, и даже въ долгу́ (разумѣется, въ смыслѣ́ метафорическомъ); но очутиться кому бы то ни было въ табакѣ́—явленіе довольно странное, хотя, пожалуй, и не невозможное физически;—но вѣдь такой картины Достоевскій вовсе не думалъ изображать. Вообще, та или другая форма употребляется не безразлично: одна изъ нихъ, и именно на *у* практикуется въ томъ случаѣ́, когда предметъ рѣчи изображается въ болѣе конкретномъ видѣ́, другая же т. е. на *ь*—наоборотъ—въ томъ случаѣ́, когда говорится о чемъ въ смыслѣ́ болѣе общемъ или отвлеченномъ. Такъ, можно сказать, напримѣръ: „Оставить лошадь, какъ была, въ поводѣ́“; но нельзя сказать: ни въ поводѣ́, ни на поводѣ́, когда имя поводѣ́ берется въ значеніи причины, побужденія, а говорится, напр.: „въ этомъ поводѣ́, который ты приводишь какъ причину къ враждѣ́, нѣтъ смысла“. Такъ, разъ говорится, напр.: „работать на дому́“, и другой: „жить въ домѣ́“. Ясно, что понятіе работать болѣе конкретно, чѣмъ понятіе жить. При этомъ надо

однако замѣтить, что не всегда въ такихъ и тому подобныхъ предложеніяхъ глаголь служитъ показателемъ, въ какой именно изъ двухъ формъ долженъ быть употребленъ предложный падежъ. Вотъ два предложенія въ той и другой формѣ: 1) Въ видѣ такого положенія дѣла...; 2) Въ такомъ-то видѣ представляется дѣло... Какъ ни сходны между собою эти предложенія и по синтаксическому строенію и по внутреннему содержанію; однако никакъ нельзя переставить въ нихъ одну форму предложн. падежа на мѣсто другой, т. е. замѣнить слова „въ видѣ“ на слова „въ видѣ“ и обратно, не нарушая существенно того смысла, какой онѣ должны выражать. Мы замѣчаемъ, что одно и то же слово — „видѣ“, употребляясь съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, можетъ получать два различныхъ смысла, смотря по той формѣ, какую оно принимаетъ въ предложномъ падежѣ. Когда, разсуждая о дѣлѣ, мы говоримъ „въ видѣ такого-то положенія дѣла“, то въ этомъ случаѣ наша мысль главнымъ образомъ сосредоточивается не на самомъ дѣло, а на тѣ обстоятельства, какими обусловливается его ходъ въ извѣстномъ мѣстѣ. И, наоборотъ, когда мы выражаемся: „дѣло намъ представляется въ такомъ-то видѣ“, то въ этомъ случаѣ мы вовсе не думаемъ о сказанныхъ обстоятельствахъ, а думаемъ лишь о самомъ дѣлѣ, которое уже приняло извѣстное положеніе. Оттого-то можно сказать: имѣя въ видѣ...; но нельзя сказать: „имѣя въ видѣ“. Подобнымъ образомъ говорится: 1) у него на родѣ написано; и 2) нѣчто въ этомъ родѣ написано. Вотъ еще аналогичный примѣръ: 1) Мнѣ еще не случалось жить (вообще) на островѣ; и 2) мнѣ не случилось жить на этомъ островѣ (положимъ, на островѣ Элагинѣ). Есть еще и другія подобныя выраженія, отличающіяся замѣчательною гибкостью семасіологическихъ оттѣнковъ, которые хотя и съ трудомъ поддаются анализу филолога, тѣмъ не менѣе легко различаются въ практическомъ ихъ употребленіи. Такъ, напр. въ предложеніяхъ: 1) Остаться на своемъ посту и 2) это было въ великомъ посту — въ противоположность чуть разобраннмъ („въ виду“ и „въ видѣ“), двѣ формы предложнаго падежа различаются не разницею въ окончаніи, а разницею въ предлогѣ. Очевидно,

что въ этомъ случаѣ одинъ изъ предлоговъ — *на* по преимуществу служитъ для означенія мѣста, а другой — *въ* — для означенія времени, — что подтверждается и другими примѣрами: 1) Это случилось въ прошломъ году; и 2) на прошломъ годѣ отразилось вліяніе.... Еще нагляднѣе это видно изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ выраженій: можно сказать и „въ виду“ и „на виду“, но нельзя сказать „на видѣ“, а всегда говорится только — „въ видѣ“. Впрочемъ, эти примѣры составляютъ рѣдкую особенность: обыкновенно время въ русскомъ языкѣ выражается въ формѣ винительнаго, а мѣсто по преимуществу — въ формѣ предложн. падежа какъ съ предлогомъ *въ*, такъ и съ предлогомъ *на*, — что и видно ясно изъ примѣровъ, здѣсь же приведенныхъ раньше, какъ-то: на дому, на берегу, въ верху, въ углу и проч.

Б. Намъ остается еще рассмотреть одинъ, весьма замѣчательный по своему широкому распространенію, фактъ изъ области семасіологіи. Это — колебаніе ударенія на звуковомъ комплексѣ *ка*, составляющемъ окончаніе очень многочисленныхъ именъ. Мы знаемъ, что нѣсколько тысячъ женскихъ именъ на *ка* почти вовсе не терпятъ ударенія на этомъ окончаніи, тогда-какъ другія, неменѣе многочисленные, мужскія имена на *окъ*, *екъ*, *икъ* очень часто держатъ удареніе на этомъ же слогѣ *ка* въ формѣ родит. падежа. Кромѣ того, попадаютъ, хотя сравнительно очень рѣдко, и имена прилагательныя, въ которыхъ конечный слогъ *ка* тоже носитъ на себѣ удареніе, напр. велика́, далека́, прытка́, ломка́. Какъ намъ уже извѣстно, причина этому колебанію заключается въ томъ, что къ женскимъ именамъ принадлежатъ формы сравнительно болѣе сложныя, чѣмъ формы, относящіяся къ мужскимъ именамъ (См. VI гл., II, 3). Но, кромѣ этой, общей и многимъ другимъ формамъ, причины, есть еще другая частная причина, которой мы пока не могли рассмотреть. Послѣ тщательнаго разбора сказанныхъ именъ, оказалось, что многія имена на *окъ*, *екъ*, *икъ*, будучи употреблены въ формѣ родит. пад., принимаютъ фонетику совершенно тождественную съ фонетикою женскихъ именъ на *ка* въ формѣ именит. пад., между-тѣмъ-какъ въ своемъ зна-

ченіи эти формы не имѣютъ между собою ничего общаго. И вотъ тутъ очень кстати на помощь приходитъ удареніе, которое и даетъ возможность ясно различать разныя значенія сказанныхъ формъ. Мы собрали нѣсколько десятковъ этихъ формъ, а именно:

возокъ, возка и возка,
дружокъ, дружка и дружка,
бѣлокъ, бѣлка и бѣлка,
бочокъ, бочка и бочка,
сукъ, сука и сука,
сучекъ, сучка и сучка,
жучокъ, жучка и жучка,
стрѣлокъ, стрѣлка и стрѣлка,
полокъ, полка и полка,
пушокъ, пушка и пушка,
плужокъ, плужка и плужка,
ложокъ, ложка и ложка,
курокъ, курка и курка,
коробокъ, коробка и коробка,
казачокъ, казачка и казачка,
kozyрекъ, козырка и козырка,
носокъ, носка и носка,

пятокъ, пятка и пятка,
сосокъ, соска и соска,
сторожокъ, сторожка и сторожка,
точокъ, точка и точка,
чаекъ, чайка и чайка,
смычекъ, смычка и смычка,
вилокъ, вилка и вилка,
кружокъ, кружка и кружка,
голубокъ, голубка и голубка,
землячекъ, землячка и землячка,
мужичекъ, мужичка и мужичка,
тычокъ, тычка и тычка,
земляникъ, земляника и земля-
ника,
костяникъ, костяника и ко-
стяника,
черникъ, черника и черника.

Сюда можно отнести и два собственных имена: Лука, Луки, (также нариц. лукъ) и Ока, Оки съ существующими имъ нарицательными: лукъ, лука и око, ока. Къ категоріи разсматриваемаго факта надо причислить и нѣсколько именъ прилагательныхъ, кои въ своей краткой формѣ женск. рода также совѣмъ тождественны, кромѣ акцента, съ именами существит. на ка:

ломка — сущ.	и	ломка — прил.
липка — "	"	липка — "
тряска — "	"	тряска — "
бойка — "	"	бойка — "
валка — "	"	валка — "
вязка — "	"	вязка — "
зыбка — "	"	зыбка — "
колка — "	"	колка — "

мѣтка —	»	»	мѣтка́ —	»
но́ска —	»	»	носка́ —	»
пла́вка —	»	»	плавка́ —	»
рѣзка —	»	»	рѣзка́ —	»
хва́тка —	»	»	хватка́ —	»
че́тка —	»	»	четка́ —	»

Приведенные факты наглядно показывают замѣчательную разумность и послѣдовательность акцентации, которая идетъ не какъ-нибудь случайно, а по извѣстному, какъ бы напередъ установленному, плану. И въ самомъ дѣлѣ: если звуковой комплексъ *ка*, по законамъ благозвучія, вполне подходящъ для подъема на немъ голоса, то повидимому онъ могъ бы безпрепятственно держать на себѣ удареніе и въ именахъ женск. рода. Однако онъ не держитъ, потому-что на это есть особая причина, а именно: слогъ *ка* и безъ того очень часто носитъ удареніе въ мужскихъ именахъ; слѣдовательно, во избѣжаніе монотонности удареніе должно чередоваться, разъ минуя этого слога, другой—падая на него. Но сказанная монотонность, сама по себѣ, по крайнемѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, не составляетъ еще такую причину, которая могла бы оказывать давленіе на акцентъ, если бы съ нею не сопровождались другія, болѣе глубокія причины: удареніе падаетъ на конечный слогъ *ка* въ формѣ род. п. мужскихъ именъ именно потому, что, во-первыхъ, эти имена носятъ удареніе на конечномъ же слогѣ и въ формѣ именит. пад., а во-вторыхъ, еще и потому, что, какъ мы выше уже объясняли, разбираемыя имена муж. р. обыкновенно бываютъ менѣе сложны, чѣмъ имена женскаго рода. Но вотъ являются, съ одной стороны, довольно длинныя формы мужскихъ именъ, напр. *волови́къ*, *острово́къ*, *холодо́къ* и проч., а съ другой весьма краткія формы женскихъ именъ, напр. *прѣлка*, *мазанка*, *мѣлка* и проч.; однако удареніе все-таки избѣгаетъ слога *ка* и въ этихъ послѣднихъ, уже противорѣча чуть сказанному нами закону. Такимъ образомъ мы видимъ, что здѣсь акцентация попадаетъ, такъ сказать, подъ перекрестный огонь: подчиняясь одному просодическому началу, она должна противорѣчить

другому. Спрашивается: какъ тутъ быть? Геній языка, точно напередъ предвидя это затрудненіе, установилъ такое правило: при встрѣчѣ съ двумя діаметрально противоположными причинами удареніе должно подчиняться именно той изъ нихъ, которая постоянно господствуетъ надъ другой (т. е. требованіямъ благозвучія, берущимъ верхъ надъ требованіями этимологіи) и которая, притомъ, можетъ удовлетворить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и семасіологическимъ требованіямъ. А такъ-какъ, съ одной стороны, акцентація и въ двучленныхъ женскихъ именахъ, въ родѣ *прѣлка*, наравнѣ съ многочленными, согласуясь съ генетикою, въ то же время вполнѣ удовлетворяетъ и требованіямъ благозвучія, а съ другой—и акцентація въ нѣкоторыхъ трехчленныхъ мужскихъ именахъ, въ родѣ *островокъ*, хотя и не согласуется съ этимологіею, но все же не производитъ еще дисгармоніи, а между тѣмъ встаетъ придаетъ этимъ именамъ извѣстный семасіологическій оттѣнокъ (или ласки или уменьшенія): то между двумя враждующими началами издавна состоялась и до сихъ поръ сохраняется ненарушимо мировая сдѣлка. Условія этой сдѣлки слѣдующія:

1) Всѣ женскій имена на *ка* (за исключеніемъ лишь 28, намъ уже извѣстныхъ) постоянно и безусловно держатъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ; и

2) Имена же мужескаго рода на *окъ*, *екъ*, *икъ*, не отличаясь такимъ постоянствомъ ударенія, тѣмъ неменѣе однако подчиняются неуклонно слѣдующимъ правиламъ:

а) Въ томъ случаѣ, когда эти имена, въ основной формѣ держатъ удареніе на конечномъ слогѣ, оно неизмѣнно падаетъ на конечный же слогъ во всѣхъ падежахъ и, слѣдовательно, не сходится съ акцентомъ именъ женск. р. (возокъ, возка и возка и проч.); и

б) Когда же сказанныя имена въ основной формѣ держатъ удареніе *не* на конечномъ слогѣ, то оно, оставаясь неподвижнымъ во всемъ склоненіи, не можетъ падать на второй слогъ съ конца ни въ родит., ни въ другихъ косвенныхъ падежахъ, которые въ этомъ случаѣ усложняются од-

нимъ лишнимъ противу именительнаго слогомъ и, слѣдовательно, удареніе можетъ находиться не на какомъ либо другомъ слогѣ, какъ только на одномъ изъ предшествующихъ предпоследнему слогу, вовсе уже не сходясь съ удареніемъ именъ ж. рода: *гвоздикъ, гвоздика* и *гвоздика*; *пѣсикъ, пѣсика* и *пѣсика*; *колышекъ, колышка* и *колышка*. Но такія формы очень рѣдки: кромѣ этихъ трехъ, больше мы не могли отыскать, хотя еще разъ нарочно прослѣдили словарь Макарова. Мы нашли еще три, весьма рѣдкія, формы, въ коихъ имена муж. р. различаются отъ именъ ж. р. помощью ударенія, идущаго въ обратномъ вышепоказанному порядкѣ, и именно: *трескъ, трѣска* и *треска*; *чекъ, чека* и *чека*; *полочекъ, полочка* (отъ *полокъ*) и *полочка* (отъ *полка*).

И вотъ какимъ образомъ семасіологическое удареніе можетъ выполнять свою роль съ такою систематическою послѣдовательностью. При всемъ томъ, однако надо замѣтить, что эта послѣдовательность неведѣь возможна безусловно. Нѣсколько раньше, въ этой же главѣ, мы видѣли, что изъ всего числа женскихъ именъ на *ь* (числомъ около двухъ съ половиною сотенъ) только 17 различаютъ форму предл. пад. отъ формъ род. и дат. падежей помощью ударенія. Итакъ, здѣсь нѣтъ той аналогической послѣдовательности, которою отличаются имена на *ка*. Но, съ другой стороны, нельзя все-таки сказать, чтобы тутъ не было уже никакой послѣдовательности. Напротивъ, и тутъ есть своего рода логическая послѣдовательность, послѣдовательность, состоящая въ томъ, что какъ въ именахъ муж. р., такъ и здѣсь, въ именахъ ж. р., различіе двухъ тождественныхъ формъ помощью ударенія допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ формѣ предложнаго падежа выражается извѣстное реальное протяженіе какъ времени, такъ и преимущественно, мѣста. Такъ, напр., въ выраженіи „въ тиши деревенской жизни“, не смотря даже на то, что здѣсь имена тишь и жизнь—понятія отвлеченныя, мы все-таки эту „тишь“ представляемъ какъ нѣчто конкретное, занимающее извѣстное определенное

мѣсто. Подобнымъ образомъ, и въ выраженіяхъ: *въ тѣни дерева, въ глубѣ небесъ, въ Твери*, — что *въ печи, то и на столѣ мечи* и проч. ясно изображается представленіе о мѣстѣ, имѣющемъ извѣстное протяженіе или въ длину и ширину или въ глубину и высоту. Напротивъ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ напр.: *во власти, въ боли, въ мѣсти, въ твари* и проч. сказанное представленіе рѣшительно невозможно. Стало быть, и здѣсь удареніе все-таки находится въ зависимости отъ семасіологическихъ, а не отъ другихъ причинъ. И въ самомъ дѣлѣ: если отъ такихъ именъ, какъ напр. *мысль, вещь, жизнь* формы въ предложномъ падежѣ — *въ мысли, въ вещи, въ жизни* были бы неблагозвучны; то за то есть другія подобныя формы (и такихъ больше), формы, какъ напр. *въ вѣсти, въ грусти, въ мѣсти, въ сласти*, въ коихъ конечный гласный звукъ и съ предшествующими ему гласными *ст*, какъ намъ извѣстно, весьма подходящъ для подъема на немъ голоса, какъ это видно *ча* глаголахъ, напр. *вести, мѣсти, грести* и проч. Слѣдовательно, какъ въ этихъ, такъ и во многихъ другихъ подобныхъ именахъ, взятыхъ и въ формѣ предложнаго падежа, говоря вообще, удареніе не падаетъ на послѣдній слогъ не вслѣдствіе законовъ благозвучія, а вслѣдствіе семасіологическихъ требованій.

Кромѣ вышерассмотрѣнныхъ, есть еще и другія имена на *ка*, въ коихъ также двѣ различныя грамматическія формы по своей фонетикѣ совершенно тождественны и которыя однако не пользуются подвижностью ударенія. Вотъ эти формы:

съ одной стороны муж. р.		и съ другой — женск. р.	
критикъ,	род. п.	критика	» критика,
дипломатикъ	»	дипломатика	» дипломатика,
гимнастикъ	»	гимнастика	» гимнастика,
схоластикъ	»	схоластика	» схоластика и проч.;
вырѣзокъ	»	вырѣзка	» вырѣзка,
выплавокъ	»	выплавка	» выплавка,
отломокъ	»	отломка	» отломка,
отпечатокъ	»	отпечатка	» отпечатка,
снимокъ	»	снимка	» снимка и проч.

Такихъ именъ и, въ особенности, иностранныхъ на *икъ*, *ика* есть немало (вѣроятно наберется съ полсотни или даже больше). Здѣсь семасіологическое удареніе не имѣетъ мѣста по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, всѣ эти имена, составляя категорію формъ литературнаго языка, означаютъ предметы исключительно отвлеченные и, слѣдовательно, употребляются въ предложеніяхъ, построенныхъ по правиламъ грамматики, тогда-какъ вышеразсмотрѣнныя имена, въ родѣ *возокъ*, *возка* и *вózка*, постоянно встрѣчаясь въ общежитскомъ обиходѣ, нерѣдко практикуются въ отрывочныхъ оборотахъ рѣчи. И, поэтому, первая изъ этихъ именъ могутъ легко обойтись и безъ перестановки ударенія; вторая же, напротивъ, для ясности рѣчи нуждаются въ помощи этой перестановки. И, во-вторыхъ, кромѣ отсутствія особенной надобности въ семасіологическомъ удареніи, разсматриваемыя здѣсь имена въ то же время и не должны переставлять свой акцентъ съ одного слога на другой уже по тому, что это—все формы болѣе или менѣе сложныя (почти постоянно состоящія неменѣе, чѣмъ изъ трехъ слоговъ), тогда-какъ формы *возокъ* и *вózка* и проч. состоятъ лишь изъ двухъ слоговъ (и рѣдко изъ трехъ). Стало-быть, тутъ сохраняется ненарушимо другая, неменѣе важная и болѣе общая въ языкѣ, послѣдовательность—послѣдовательность въ подчиненіи акцента законамъ этимологіи, а равно и благозвучія.

Изъ всего вышезложеннаго мы приходимъ къ тому общему заключенію, что удареніе можетъ брать на себя семасіологическую роль въ такихъ лишь случаяхъ, когда, съ одной стороны, это вызывается логическими требованіями по отношенію какъ ясности, такъ и выразительности рѣчи, а съ другой—когда къ выполненію этой роли не мѣшаютъ общіе просодическіе законы.

глава одиннадцатая.

Двойкое и аналогическое удареніе.

А.

Столь многочисленные ряды словъ съ двойкимъ удареніемъ, словъ, относящихся къ разнымъ этимологическимъ и грамматическимъ категоріямъ, не могли не обратить вниманія филологовъ. Конечно, Даль могъ считаться въ свое время самымъ компетентнымъ судьей по этому предмету. Но онъ успѣлъ лишь прійти къ тому заключенію, что двойкое удареніе извѣстнаго слова зависитъ отъ различія произношенія его въ разныхъ мѣстностяхъ нашей безпредѣльной имперіи. Въ „Напутномъ словѣ“ къ своему словарю (стр. XV) Даль говоритъ: „сѣверный и восточный великорусскіе говоры всегда почти держатся одного ударенія (на первые и средніе слоги), а южный и западный другого (на средніе и послѣдній); Москва болѣе держится второго, а Питеръ нерѣдко своего третьяго, нѣмецкаго“. Но уже Гротъ („Фил. Раз.“, I, 417) замѣтилъ, что это предположеніе ничего собственно не объясняетъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы наблюденіе Дала подтвердилось болѣе общими фактами. Между-тѣмъ оно не подтверждается и нашими наблюденіями: такъ, хотя Даль увѣряетъ, что, напр., въ словахъ далеко, высоко то или другое удареніе зависитъ отъ мѣстности, гдѣ произносятся эти слова (*ibid*); но, какъ мы замѣтили въ предъидущей главѣ, дѣло объясняется совсѣмъ иначе.

Въ эту минуту двойкое удареніе для насъ представляется столь понятнымъ явленіемъ, что мы сочли бы излишнимъ и говорить о немъ еще особо, если бы мы были увѣрены, что читатель помнитъ все вышеизложенное и если бы мы не заботились избавить его отъ нелегкаго труда—свести всѣ подходящіе факты въ одно цѣлое, долженствующее дать общіе выводы. Вотъ эти выводы.

1. Наше удареніе, кромѣ общаго для всѣхъ

языковъ значенія, представляетъ еще свои спеціальныя особенности, которыя исключительно относятся лишь къ русскому языку. Одна, болѣе выдающаяся изъ этихъ особенностей, состоитъ въ томъ, что въ нашемъ языкѣ два разныхъ представленія или понятія, выражаясь одними и тѣми же звуками, различаются помощью ударенія, падающаго то на тотъ, то на другой слогъ. Конечно, человѣкъ, мало знакомый съ нашимъ языкомъ, могъ бы подумать, что это явленіе доказываетъ его лексическую бѣдность. И, наоборотъ, кто знаетъ необыкновенное богатство его, можетъ недоумѣвать, какимъ образомъ случилось сказанное явленіе? Произошло-ли оно отъ малой изобрѣтательной способности народа, или отъ какихъ другихъ причинъ? Причинъ на это много, точно такъ же, какъ и на другія аналогичныя явленія какъ изъ вещественнаго міра, такъ и изъ духовной природы человѣка. Отчего, напр., въ самой роскошной, въ самой богатой растительности мѣстности иногда не достаетъ какого-нибудь обыкновеннаго дерева? Отчего у богатѣйшаго человѣка можетъ случиться то, что у него въ данную минуту не найдешь, напр., въ домѣ куска хлѣба? На всѣ эти и тому подобныя вопросы можно дать десять, двадцать и болѣе отвѣтовъ и—все-таки предметъ не исчерпается. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе въ русскомъ языкѣ того или другого слова, долженствующаго самостоятельно выразить извѣстное обыденное понятіе, вовсе не доказываетъ того, что нашъ народъ не обладаетъ высокою творческою способностью. Во-первыхъ, нѣсколько сотенъ однозвучныхъ словъ, служащихъ для выраженія одного и того же понятія—число весьма незначительно въ сравненіи со всею наличностью словаря, по-крайней-мѣрѣ, въ полторы сотни тысячъ (см. слов. Даля; *ibid.* XIII). Во-вторыхъ, разсматриваемое явленіе болѣе или менѣе обще и другимъ языкамъ; исключительность нашего языка состоитъ собственно въ томъ, что при тожествѣ фонетики двухъ словъ съ однимъ значеніемъ во многихъ случаяхъ мы можемъ придать имъ различіе помощью подвижности нашего ударенія, чего не сумѣли или не могли сдѣлать другіе народы. Наши, напр., мѣлка и мѣлка́, пѣстыня и пѣсты́

ня, свѣйство и свойствѣ и т. п. вовсе еще не доказываютъ той скудости языка, какую мы находимъ въ этихъ безчисленныхъ, напр., галстукахъ, фартукахъ, бутербродахъ, бутершнитахъ, бутерблюмахъ, бутерманахъ и проч.

2. Всѣ подобныя слова не сразу получили два значенія, точно такъ же, какъ и обратное явленіе—такъ называемые синонимы не сразу обогатили языкъ обиліемъ и разнообразіемъ слововыраженій для одного и того же представленія или понятія. Въ синонимахъ, напр., благоухающій, душистый, внѣшняя оболочка, повидимому, не соответствуетъ содержанию представленія о благовонности, пахучести. Однако, на самомъ дѣлѣ, между ухаты и нюхаты есть нѣчто общее: изъ педагогической психологіи извѣстно, что обоняніе у дѣтей развивается очень поздно, что они запахъ чувствуютъ или, вѣрнѣе, воображаютъ, что чувствуютъ при посредствѣ уха. Между представленіемъ запаха и духъ есть то же нѣкоторое подобіе въ томъ отношеніи, что запахъ, т. е. эфирныя, пахучія частицы, носящіяся въ воздухѣ и производящія впечатлѣніе на органъ обонянія, непостижимы ни для одного изъ другихъ внѣшнихъ чувствъ, болѣе совершенныхъ и способныхъ произвести въ нашемъ сознаніи представленіе о свойствахъ всевозможныхъ видимыхъ, слышимыхъ, осязаемыхъ и вкушаемыхъ вещественныхъ предметахъ; представленіе о запахахъ у людей, незнающихъ физиологіи, во всю жизнь остается неопредѣленнымъ, темнымъ, точно такъ же, какъ и представленіе о невещественныхъ предметахъ—духъ, душа; вслѣдствіе этого, представленіе о запахахъ принимается за нѣчто духовное.

Вотъ какія далекія соотношенія двухъ различныхъ предметовъ служатъ иногда достаточнымъ матеріаломъ для созданія синонимовъ. Подобнымъ образомъ и, наоборотъ, два различныя понятія, выражаемые однимъ и тѣмъ же словомъ, появились не случайно, какъ *deus ex machina*, а при извѣстной послѣдовательности въ сопоставленіи двухъ предметовъ, хотя въ настоящее время и совершенно различныхъ, но первоначально имѣвшихъ нѣчто общее или по ихъ внѣш-

нему виду, подобію, или по цѣли, употребленію и т. п. И поэтому, для двухъ данныхъ словъ съ двоякимъ удареніемъ, положимъ замокъ и замо́къ, не смотря на столь рѣзкую разницу въ ихъ значеніи, всегда можетъ быть отысканъ одинъ общій для нихъ корень. Исторія происхожденія слова замо́къ всѣмъ извѣстна: потребность обезпечить имущество отъ расхищенія изобрѣла очень простое орудіе, которое нѣкоторымъ образомъ могло замѣнить прежній, не многимъ лишь доступный, способъ обезопасенія помощью укрѣпленныхъ и, главное, замыкавшихся зданій—за́мковъ (Schlos) и которое, поэтому, какъ у нѣмцевъ, такъ и у насъ получило одно и то же названіе, хотя оно теперь совсѣмъ потеряло свой первоначальный смыслъ. Но мы воспользовались имѣемымъ подъ руками средствомъ—подвижностью ударенія и сказанное слово стали употреблять съ двоякимъ акцентомъ для различія двухъ значеній его. Слѣдовательно, дѣло объясняется очень просто: скорѣе надо бы удивляться въ томъ случаѣ, если бы мы не воспользовались столь хорошимъ средствомъ, какъ подвижность ударенія, для приданія нашей рѣчи ясности, точности и опредѣленности. Точно такъ же, если бы мы стали доискиваться происхожденія и другихъ словъ, подобныхъ вышеприведенному, напр. му́ка и мука́ (слав. мати, мѣка, польск. тека, така), то не трудно бы найти извѣстное соотношеніе въ ихъ первоначальномъ значеніи (см. II-й вып., 87). Въ главѣ о генетическомъ удареніи (VIII, 25—27) мы привели нѣсколько примѣровъ подобныхъ словообразованій (стѣпень, стѹпень и ступѣнь стѹпа и ступа). Впрочемъ, о семасіологическомъ удареніи, послѣ того, что мы изложили въ предъидущей главѣ, распространяться здѣсь было бы излишне.

3. Мы не разъ указывали, что вообще наше удареніе преимущественно держится или своего кореннаго мѣста, или же тѣхъ (намъ уже хорошо извѣстныхъ) характерныхъ слоговъ (наставокъ), кои постоянно требуютъ передышки въ томъ случаѣ, когда эта послѣдняя, по законамъ благозвучія, невозможна уже на прежнемъ мѣстѣ послѣ усложненія первообразной формы новыми слогами, какъ напр. въ формахъ: отъ лоскутъ—лоскутъѣ, отъ ма́стеръ—мастерица, отъ тернѣ

—тернёвый, тернёвникъ и проч. А такъ какъ нерѣдко случается, что законы благозвучія не мѣшаютъ ударенію падать и на тотъ и на другой изъ сказанныхъ слоговъ, то естественно, что въ акцентаціи должно происходить и, какъ мы это сейчасъ увидимъ, дѣйствительно происходитъ колебаніе преимущественно въ формахъ производственныхъ и, въ особенности, въ тѣхъ именахъ, кои по своей многочисленности составляютъ весьма выдающіяся этимологическія категоріи. Къ таковымъ относятся имена, въ коихъ, въ случаѣ отступленія отъ генетики, удареніе постоянно держится опредѣленнаго мѣста (какъ это мы и обозначаемъ ниже), и именно слѣдующія имена существительныя:

а) на *іе* (удар. все на 3-мъ слогѣ): дѣбаніе и дѣбаніе, изобрѣтеніе и изобрѣтѣніе, мышленіе и мышлѣніе и проч.;

б) на *еѣ* (удар. все на 2-мъ или конечномъ слогѣ, смотря по выговору гласн. *е*): цапанье и цапанье, зимовье и зимовье, кочевье и кочевье, мятье, и мятье и проч.;

в) на *ица* (удар. все на 2-мъ сл.) : бѣйница и бѣйница, дѣрница и дѣрница, кѣслица и кѣслица, мѣдьяница и мѣдьяница и проч.;

г) на *ина* (тоже на 2-мъ): дѣньщина и дѣньщина, грушина и грушина, маслина и маслина, складчина и складчина и проч.;

д) на *икъ* (постоянно на конечномъ слогѣ): огнѣвикъ и огнѣвикъ, мѣдникъ и мѣдникъ, плѣменникъ и плѣменникъ, правщикъ и правщикъ и проч.; и

е) на *ище* (постоянно на предпоследнемъ): жилище и жилище, злѣбище и злѣбище, лѣжище и лѣжище, кладбище и кладбище и проч.

Къ категоріи вышперечисленныхъ надо отнести еще краткія предложныя имена. Мы уже знаемъ, что многія такія имена удареніе держатъ на приставкѣ по семасіологическимъ требованіямъ. Но между ними довольно часто встрѣчаются и такія формы, въ коихъ колебаніе ударенія не играетъ семасіологической роли и, поѣтому, можетъ быть объяснено не чѣмъ инымъ, какъ вышесказанными причинами (генетикою и аналогіею). Примѣры: отзывъ, откликъ, отмахъ, повѣтъ, прошествъ (двучл.); и заводище, замоше,

сумѣжье, засу́ха, пригору́къ (трехчл.). (См. III-й вып. стр. 50—54). Подобнымъ образомъ и нѣкоторыя имена, составленныя изъ двухъ знаменательныхъ частей рѣчи, какъ-то: водоросль, живокость, коловертъ, коновязь носятъ двойное удареніе—или на первомъ или на послѣднемъ слогѣ—по аналогіи съ другими подобными формами на ъ, коихъ акцентъ постоянно колеблется, падая то на тотъ, то на другой изъ сказанныхъ слоговъ. Въ составныхъ же именахъ на ъ, въ коихъ удареніе неизмѣнно держится одного изъ слоговъ второй части слова, не встрѣчается этого явленія. Антихри́стъ и зѣмородо́къ составляютъ рѣдкое исключеніе, если только можно мириться съ неблагозвучнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ въ словѣ зѣмородо́къ.

4. Обращаясь, затѣмъ, къ именамъ прилагательнымъ, мы и здѣсь находимъ то же явленіе, которое замѣтили въ именахъ существительныхъ. Здѣсь мы такъ же находимъ такія наставки, которыя, такъ сказать, излюблены удареніемъ. Къ таковымъ преимущественно относятся:

а) на *овый* и (рѣже) *овый*: сварли́вый и сварли́вый, спѣшли́вый и спѣшли́вый, сча́сливый и сча́сливый, бе́рцовый и берцо́вый, ге́рбовый и гербо́вый и проч.;

б) на *итый*, *истый*: ба́боватый и бабовáтый, ма́сло-ватый и маслова́тый, тру́бчатый и трубочáтый, тра́вистый и травѣ́стый, са́харистый и сахарѣ́стый, брѣ́вистый и бровѣ́стый и проч.; и

в) Еще чаще практикуется двойное удареніе въ тѣхъ именахъ, которыя допускаютъ двойное окончаніе—или на *ый* и (изрѣдка) на *ій* или на *ой*: бла́жный и блажнѣ́й, гра́дскій и градскѣ́й, завѣ́тый и завѣтѣ́й, хил́ый и хилѣ́й и проч.—съ однимъ значеніемъ; и борзѣ́й и борзѣ́й, верхо́вый и верховѣ́й, че́стный и честнѣ́й и проч.—съ двумя значеніями. (См. I-й вып., стр. 13, 14, 28, 29).

Примѣчаніе. Для читателей, еще не привыкшихъ ориентироваться въ столь громадной массѣ приведенныхъ нами, совершенно новыхъ въ филологической области, фактовъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Изъ списка перечисленныхъ нами прилагательныхъ именъ

съ двоякимъ удареніемъ (ibid. 12—14) видно, что больше всего такихъ именъ на *нѣй*, а не на *и(о)вѣй*, *атѣй*, *истѣй*, какъ это мы выше сказали. Пусть же г.г. критики-зоилы не стараются понапрасну въ этомъ фактѣ находить промахъ, недосмотръ и т. п. со стороны автора, не забывая тѣхъ замѣчаній, которыя мы уже два раза высказали раньше. (См. стр. 123 вып. III-го). Дѣло въ томъ, что и здѣсь, какъ и вездѣ, говоря о часто и рѣдко повторяющемся удареніи на такихъ-то слогахъ въ извѣстныхъ формахъ, мы эти послѣднія беремъ не вообще, а сравнительно—въ пропорціональномъ отношеніи количества однихъ къ другимъ. Такъ-какъ именъ на *нѣй* сравнительно съ именами на *и(о)вѣй*, *атѣй*, *истѣй* гораздо больше, то, говоря вообще, и число двоякихъ удареній на первыхъ выходитъ больше, чѣмъ такое число на вторыхъ. Но если мы въ тѣхъ и другихъ возьмемъ процентныя отношенія чиселъ съ двоякимъ удареніемъ къ числу съ однимъ удареніемъ, то выше-сказанная пропорція выйдетъ въ обратномъ видѣ. При томъ, въ именахъ на *нѣй* нѣтъ послѣдовательности въ той аналогіи, которую мы находимъ въ именахъ на *и(о)вѣй*, *атѣй*, *истѣй*. Примѣры: *занаѣвѣсный* и *занаѣвѣсныи*, *занаѣчный* и *занаѣчныи*, *набережныи* и *набережныи*, *заболотныи* и *заболотныи*, *кормленныи* и *кормленныи*, *зеркальныи* и *зеркальныи*, *мѣдьяныи* и *мѣдьяныи*; *кисличныи* и *кисличныи*, *конопельныи* и *конопельныи*. Хотя и здѣсь одно изъ удареній (второе) постоянно падаетъ на предпослѣдній слогъ, точно такъ же, какъ и въ именахъ на *и(о)вѣй*, *атѣй*, *истѣй*; но другое удареніе (первое), какъ показываютъ приведенные примѣры (*занаѣвѣсный* и проч.), не постоянно зависитъ отъ генетическаго начала.

5. Разсматривая, наконецъ, третью изъ самыхъ многочисленныхъ и болѣе важныхъ въ просодическомъ отношеніи частей рѣчи— глаголы, мы и здѣсь находимъ подобную же послѣдовательность, что и въ именахъ. Двоякое удареніе здѣсь тоже зависитъ отъ двухъ причинъ и именно:

а) Въ глаголахъ, усложнившихся приставками, одно удареніе постоянно держится конечнаго слога по аналогіи

съ большинствомъ другихъ простѣйшихъ формъ, а другое— не какого-либо иного, какъ только предпоследняго, согласно съ генетическимъ началомъ. Примѣры: заботать и заботать, испорóжнить и испорожнѣть, начинить(ся) и начинѣть(ся), остервѣть(ся) и остервѣть(ся), удóлжить и удолжѣть, перегорчить и перегорчѣть и проч.

б) Въ формахъ болѣе сложныхъ, чѣмъ предъидущія и оканчивающихся на *овать* и, преимущественно, на *ировать*, гдѣ чаще всего практикуется двойное удареніе, это послѣднее падаетъ или тоже на конечный слогъ или же и на другіе, предъидущіе, но уже не на предпоследній, потому что въ этомъ случаѣ акцентъ, падая на предпоследній слогъ, уже не согласовался бы съ генетикою вслѣдствіе вновь появившихся между темою и окончаніемъ вставокъ. Примѣры: большинствовать и большинствовать, пиршествовать и пиршествовать, амальгамировать и амальгамировать, абонировать и абонировать, вальсировать и вальсировать, группировать группировать и проч.

в) Подобнымъ образомъ и въ трехчленныхъ формахъ съ двойнымъ удареніемъ это послѣднее не всегда возможно какъ на предпоследнемъ (срединномъ), такъ и на конечномъ слогахъ: ибо аналогія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, противорѣча болѣе общимъ началамъ—генетикѣ и благозвучію, должна подчиняться требованіямъ этихъ послѣднихъ. Такъ, хотя въ числѣ сказанныхъ формъ чаще всего повторяются такія, какъ напр. слѣдующія: пиликать пиликать, затишить и затишѣть, очудить и очудѣть, подкидать и подкидѣть, полошить и полошѣть, сорочить и сорочѣть, толочить и толочѣть и проч.; однако спорадически встрѣчаются и такія, кои не подчиняются показанной здѣсь аналогіи. Къ таковымъ относятся слѣдующія глаголы: баловать и баловѣть, гүторить и гүторѣть, дүдолить и дүдолѣть, пѣкарить и пѣкарѣть.

г) Что касается двучленныхъ глаголовъ, то въ нихъ двойное удареніе постоянно зависитъ отъ двухъ причинъ: или отъ генетики или аналогіи. Такъ, дóбрить (отъ дóбрый) и добрѣть (подобно многимъ другимъ краткимъ глаголамъ), гүкнуть, зыбать, лабзить (отъ звукоподражательныхъ корней) и гукнѣть, зыбѣть лабзѣть (по аналогіи). Но такихъ

глаголовъ гораздо меньше, чѣмъ вышеисчисленныхъ, что и подтверждаютъ наши списки словъ съ двойкимъ удареніемъ.

6) Изъ всего изложеннаго въ предыдущихъ трехъ параграфахъ (3—5) видно, что двойное удареніе гораздо чаще встрѣчается въ формахъ трехчленныхъ и болѣе сложныхъ, чѣмъ въ двучленныхъ. Но если мы, затѣмъ, обратимся къ грамматическимъ формамъ, то окажется, что здѣсь, наоборотъ, перестановка акцента практикуется въ краткихъ (преимущественно двучленныхъ и лишь изрѣдка въ трехчленныхъ) формахъ гораздо чаще, чѣмъ въ болѣе сложныхъ. На первый взглядъ эти два явленія могутъ показаться противорѣчивыми тому общему закону, который мы вывели въ VI-й главѣ и по которому сложныя формы отличаются гораздо болѣею устойчивостью ударенія, чѣмъ краткія. Но если мы разберемъ дѣло надлежащимъ образомъ, то окажется, что, напротивъ, это кажущееся противорѣчіе не только не опровергаетъ, а еще разъ подтверждаетъ основательность нашей теоріи. Сущность же дѣла въ настоящемъ случаѣ состоитъ въ томъ, что грамматическія формы претерпѣваютъ извѣстныя измѣненія лишь въ ихъ конечныхъ слогахъ (флексіяхъ), тема же даннаго слова остается ненарушима, тогда какъ въ этимологическихъ формахъ совершаются разныя, болѣе или менѣе радикальныя морфологическія преобразованія. И поэтому-то, какъ мы уже объяснили въ пятой главѣ („Перестановки ударенія“), для колебанія акцента въ грамматическихъ формахъ, говоря вообще, не представляется никакихъ причинъ, кромѣ семасіологическихъ требованій, которыя и могутъ быть удовлетворены его чередованіемъ разъ на конечный слогъ, а другой на первый: такъ, отъ островъ—острова и острова; отъ вода—воды и воды; отъ стадо—стада и стада; отъ окно—окна и окна и проч. Понятно, что такъ-какъ при переходѣ въ данномъ словѣ одной грамматической формы въ другую не происходитъ въ немъ никакой перемѣны въ его существенномъ значеніи, а измѣняются лишь синтаксическія отношенія между предметами помощью флексій: то для этой цѣли вполне достаточно того, чтобы акцентъ, долженствующій ясно выразить эти отношенія, передвигался въ вышеобъясненномъ порядкѣ. И

онъ дѣйствительно держится этого порядка почти съ неизмѣннымъ постоянствомъ какъ въ двучленныхъ, такъ и въ трехчленныхъ формахъ. Впрочемъ, въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются исключенія, хотя сравнительно рѣдкія: такъ, отъ колесó—не колеса, а колѣса, отъ лóскуть—не лоскутъя, а лоскутъя, отъ дворянннѣ (и отъ другихъ на *нинѣ*)—не двóряне, а дворяне и проч. (*ibid.*, 102, 104, 111). Но и эти уклоненія, вызванныя требованіями благозвучія, ничего больше не доказываютъ, какъ только именно то, что мы и хотимъ доказать, т. е. замѣчательную послѣдовательность двухъ разсматриваемыхъ здѣсь явленій: ибо въ этомъ случаѣ грамматическія формы претерпѣваютъ звуковыя измѣненія, аналогичныя съ тѣми измѣненіями, какія происходятъ при образованіи формъ этимологическихъ (такъ, колѣса, вм. колеса, лоскутъя, вм. лоскуты, дворяне, вм. дворянны и проч.). Разсматривая, далѣе, другія части рѣчи, мы находимъ подтвержденіе тому, что чуть сказано объ именахъ существительныхъ. Прилагательныя, а равно и мѣстоименія, хотя и усложняются въ косвенныхъ падежахъ, но рѣшительно и безусловно не допускаютъ никакихъ перестановокъ акцента въ своемъ склоненіи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда двѣ или три грамматическія формы совершенно тождественны (см. глава десятая отд. III, § 1) и, слѣдовательно, не представляя никакой аналогіи ни съ именемъ существительнымъ, ни съ глаголами въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь разсматриваемъ акцентацію, не имѣютъ никакого значенія при рѣшеніи настоящаго вопроса. Что же касается, затѣмъ, глаголовъ, то здѣсь встрѣчаются только два случая, когда двѣ совершенно тождественныя по фонетикѣ формы различаютъ разныя свои значенія помощью двоякаго ударенія. Это, во-первыхъ—формы на *ите*: водите и водите, носите и носите, держите и держите, просите и просите и проч., и во-вторыхъ, предложныя формы отъ глагола *знать*: узнаю и узнаю, познаю и познаю, сознаю и сознаю и проч. (*ibid.* отд. III, § 2). Какъ показываютъ примѣры, первая изъ этихъ формъ состоитъ собственно изъ двухъ основныхъ слоговъ, такъ какъ конечный слогъ (*те*) составляетъ наставку, подобную тѣмъ, ка-

кими обыкновенно сопровождаются этимологическія формы. Вторыя же формы, хотя и усложнившіяся приставками-предлогами, все же не отличаются растянутостью по причинѣ особенной краткости ихъ основы.

7. Итакъ, мы видимъ, что подвижность ударенія въ грамматическихъ формахъ согласуется съ закономъ, выведеннымъ нами въ VI главѣ (стр. 140—143). Въ формахъ же этимологическихъ, хотя акцентация вообще слѣдуетъ тому же закону, однако, когда рѣчь идетъ о такихъ исключительныхъ (сравнительно весьма рѣдкихъ) формахъ, въ коихъ практикуется двойное удареніе, то нельзя не замѣтить, что это послѣднее, напротивъ, чаще всего встрѣчается въ формахъ производныхъ и усложнившихся пришлыми слогами. Слѣдовательно, тутъ уклоненіе отъ сказаннаго закона есть совершенно частное явленіе. Это явленіе, какъ мы выше показали (§§ 3 и 4), обусловливается тѣмъ, что въ этимологическихъ формахъ часто повторяются такія наставки, которыя, по своему звуковому комплексу, оказываются весьма удобными для подъема на нихъ голоса, чего, наоборотъ, не бываетъ въ грамматическихъ формахъ. Притомъ надо еще замѣтить, что эти наставки, замѣняя собою грамматическое окончаніе первообраза, обыкновенно удерживаютъ акцентъ этого послѣдняго и въ усложнившейся производной формѣ: въ такомъ случаѣ, какъ само собою разумѣется, въ подобной формѣ не можетъ быть двойкаго ударенія, какъ напр. отъ водá—водѣца, отъ игра—игрѣвый. Двойное удареніе не можетъ быть и тогда, когда въ усложнившейся формѣ подъемъ голоса, по требованію благозвучія, невозможенъ на коренной гласной и онъ долженъ перейти на наставку: такъ, отъ кобыла—всегда кобылица—кобылица нельзя. (См. девят. гл. I, 5). Но нерѣдко случается и такъ, что при переходѣ простой формы въ сложную коренной акцентъ первой изъ нихъ, оставаясь на той же гласной, во второй однако не приходится на наставку какъ напр. отъ бóй (бѣйный)—бóйница, отъ сча́стье—сча́сливый: въ такомъ случаѣ удареніе или сохраняетъ генетическое на-

чало, вовсе не отступая отъ вышеупомянутаго закона, или сдвигается на послѣдующіе слоги (на наставку), занимая уже новое мѣсто по аналогіи съ формами первой категоріи и такимъ образомъ получаютъ формы съ другимъ удареніемъ—бойница, счастливый. Но эта перестановка акцента, хотя уже не согласуется съ генетическимъ началомъ, однако не уклоняется отъ того закона, по коему въ формахъ, усложнившихся вставками или наставками, удареніе обыкновенно падаетъ на срединные слоги (*ibid.* 147).

8. Что же касается глаголовъ съ двоякимъ удареніемъ, то въ нихъ акцентация въ сущности слѣдуетъ тѣмъ же началамъ, что и въ именахъ, о коихъ мы говорили въ предъидущемъ параграфѣ, но съ нѣкоторымъ частнымъ различіемъ. Въ производныхъ глаголахъ усложненіе противу первообраза совершается преимущественно посредствомъ вставокъ *ов*, *ев*, (*е*), *тво*, *ич* (*и*), напр. отъ арестъ—арестовать, отъ ночь—ночевать, отъ авторъ—авторствовать, отъ хозяинъ—хозяйничать. Какъ показываютъ примѣры, здѣсь удареніе съ неизмѣннымъ постоянствомъ или, подобно тому какъ и въ именахъ, держится кореннаго мѣста (на разныхъ слогахъ), или же, вопреки именамъ, падаетъ не на слоги срединные, а на конечный. Не смотря на эту разницу въ акцентации съ одной стороны именъ, а съ другой—глаголовъ, удареніе слѣдуетъ все-таки однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ благозвучія. И въ самомъ дѣлѣ, комплексъ, напр. *ивый* (въ именахъ) чрезвычайно удобенъ для подъема голоса на входящій въ его составъ слогъ *ив*: мы пластически (по движенію губъ) ясно чувствуемъ, что переходъ отъ артикуляціи звука *ив* къ артикуляціи звука *ий* весьма легокъ, плавенъ; и, наоборотъ, подобнымъ же образомъ мы чувствуемъ, что переходъ артикуляціи звуковъ *ов*, *ев*, а равно *ич* къ артикуляціи послѣдующаго звука—*а* (въ глаголахъ) очень затруднителенъ. Слѣдовательно, здѣсь уже законы благозвучія не дозволяютъ ударенію падать на срединные слоги и оно сдвигается на конечный по аналогіи со многими другими двучленными и отчасти трехчленными глаголами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда эти же глаголы составляютъ формы болѣе сложныя, т. е. со-

стоятъ не менѣе, чѣмъ изъ четырехъ членовъ, и вообще отличаются особенною растянутостью, то, согласно поманутому закону, ихъ удареніе избѣгаетъ конечнаго слога, постоянно держась кореннаго мѣста: вслѣдствіе этого почти вовсе нѣтъ глаголовъ съ двоякимъ удареніемъ въ сказанныхъ формахъ. Формы большинствоватъ, пиршествоватъ составляютъ рѣдкое исключеніе, если только не считать здѣсь акцентъ на послѣднемъ слогѣ неблагозвучнымъ. Напротивъ, въ подобныхъ же глаголахъ на *оватъ*, образовавшихся изъ нѣмецкихъ на *igén*, напр. абонировать, планировать, группировать и проч., въ коихъ звукъ *ир* свободно вяжется съ послѣдующимъ звукомъ *о*, удареніе постоянно падаетъ не на какой иной слогъ изъ всѣхъ слоговъ, предшествующихъ конечному, какъ лишь на третій отъ этого послѣдняго, согласуясь съ генетич. началомъ. Этотъ акцентъ можно назвать книжнымъ. Но такъ-какъ, съ одной стороны, не многимъ изъ всего русскаго народа извѣстна генетика этихъ глаголовъ, а съ другой—эти послѣдніе довольно часто практикуются и въ обыденной рѣчи: то нерѣдко можно слышать въ нихъ и другой акцентъ, т. е. акцентъ на конечномъ слогѣ, согласно аналогіи со многими чисто-русскими глаголами, хотя въ этомъ случаѣ и вопреки вышеупомянутому закону. Но здѣсь отступленіе отъ этого послѣдняго оправдывается тѣмъ, что глаголы на *иреатъ*, хотя по числу слоговъ и составляютъ формы многочленные, однако (за отсутствіемъ въ нихъ столь сложныхъ звуковыхъ комплексовъ какъ *ствоо*, повторяющихся въ чисто-русскихъ глаголахъ) все-таки и съ удареніемъ на конечномъ слогѣ не производятъ такого сильнаго отзвука какъ глаголы, напр. большинствоватъ, пиршествоватъ: ибо первые артикулируются съ меньшимъ напряженіемъ голоса, чѣмъ вторые. И вотъ почему глаголы на *иреатъ* такъ часто практикуются съ двоякимъ удареніемъ. Глаголы же съ двоякимъ удареніемъ въ другихъ формахъ встрѣчаются лишь спорадически и, преимущественно, въ такихъ формахъ, въ коихъ два разныя значенія могутъ различаться не иначе, какъ помощью перестановки акцента.

ЗАДАЧА И НАПРАВЛЕНІЯ РОМАНА ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЕГО РАЗВИТІИ.

«Живи съ твоимъ вѣкомъ, но
«не будь его созданіемъ; сотвори
«современникамъ то, въ чемъ они
«нуждаются, а не то, что хвалятъ...

Шиллеръ.

Литература, служа отраженіемъ общественной жизни, знакомить насъ съ тѣми идеями, которыя составляютъ, такъ сказать, интересъ дня современнаго ей общества. Общественная жизнь, въ постоянномъ своемъ развитіи, доставляетъ множество разнообразныхъ фактовъ, выводитъ, а иногда случайно и разрѣшаетъ множество вопросовъ и такимъ образомъ доставляетъ массу матеріала, къ которому и долженъ при-смотрѣться писатель-поэтъ со всѣхъ сторонъ, воспроизвести его въ своемъ сознаніи въ естественномъ видѣ, стать на сторонѣ болѣе симпатичныхъ ему идеаловъ и показать своимъ современникамъ, какимъ чело-вѣкъ долженъ быть или не быть.

Въ нашъ вѣкъ, общепризнанный практическимъ, когда поминутно возникаютъ, поминутно печатно разбираются все новые и новые вопросы, затрагивающіе всѣ частные интересы великіе и малые, важные и ничтожные, мы видимъ, что какъ-бы въ отвѣтъ на эти вопросы появляются художественно-литературныя произведенія, совершенно особаго типа, составляющія господствующій родъ беллетристики нашего времени. Эти художественно литературныя произведенія, содержащія въ себѣ не одну сотню отдѣльныхъ эпизодовъ, украшенныхъ и свѣтлымъ и темнымъ колеромъ творческой фантазіи, извѣстны подъ общимъ названіемъ романа, т. е. такого эпического произведенія, въ которомъ раскрывается общественная жизнь во всѣхъ или многихъ отношеніяхъ; при чемъ общія эстетическія условія для романа остаются тѣ-же, какъ и вообще для эпоса, — именно: идея въ основаніи, изящ-

ное воспроизведеніе дѣйствительности, обрисовка характеровъ, завязка и развязка. Кромѣ этихъ общихъ эстетическихъ условій эпической поэзіи мы, обыкновенно, требуемъ отъ романа, чтобы онъ не только служилъ для насъ какъ средство развлечения, отвлекалъ отъ дѣлъ и хлопотъ дѣйствительности въ міръ фантазіи, но чтобы непременно содержалъ въ себѣ нѣчто дѣльное, практическое, былъ бы поучителемъ и назидателемъ и оказалъ бы несомнѣнное вліяніе на развитіе общества, на развитіе, распространеніе и, въ особенности, уясненіе тѣхъ именно жизненныхъ вопросовъ, которые признаются общеинтересными. Понятно, что открытіе этихъ вопросовъ не составляетъ прямой цѣли и задачи искусства, въ большинствѣ случаевъ они возникаютъ у авторовъ романа случайно и какъ бы даже безсознательно. Задача писателя разсмотрѣть во всѣхъ деталяхъ возникнувшій въ его сознаніи вопросъ и на этомъ основаніи развить идею, разъяснить её предъ читателемъ въ видѣ извѣстнаго типа, характеризующаго собою извѣстные классы общества или же цѣлое общество. Типъ, разумѣется, прежде всего долженъ быть современенъ. Типъ давнишній, мало извѣстный читателю, или можетъ быть даже исчезнувшій изъ среды окружающаго, современнаго читателю, общества, не можетъ возбудить сильнаго сочувствія, потому что свойства его уже не примѣнимы къ современнымъ нравамъ, а чрезъ это типъ этотъ, какъ не приносящій практической пользы, теряетъ свою цѣну.

Авторъ, обдумывая свойства своего типа и тѣ положенія, среди которыхъ намѣренъ его поставить, долженъ строго держаться всегда истины, т. е. показать его намъ такимъ, какимъ онъ встрѣтилъ его въ обществѣ со всѣми его достоинствами и недостатками. Изображенный, такимъ образомъ, типъ несомнѣнно принесетъ практическую пользу, возбуждая новые вопросы о возможномъ развитіи и совершенствѣ показанныхъ намъ достоинствъ и объ уничтоженіи явленныхъ недостатковъ. Отсюда ясно, что каждый здравомыслящій читатель найдетъ въ современномъ романѣ указанія и руководства относительно умственныхъ и нравственныхъ неурядицъ текущей жизни, а обрисовка типа этого романа

дать ему совершенно отдѣльный параграфъ изъ устава современной жизни. Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ, чтобы, преслѣдуя истину, авторъ буквально срисовывалъ, списывалъ-бы типъ съ природы,—нѣтъ, онъ долженъ его воссоздать. Подражаніе природѣ въ искусствѣ не достигаетъ цѣли, и вмѣсто красоты скорѣе является безобразіе. Для нагляднаго разъясненія этого вопроса хорошимъ примѣромъ можетъ служить фотографія, которая въ совершенствѣ покажетъ намъ разницу между подражаніемъ и воспроизведеніемъ. Во 1-хъ, фотографія передаетъ только наружныя очертанія, не выражая взаимнаго разстоянія т. е. того, что въ живописи называется перспективой; послѣдняя въ фотографіи достигается съ помощію уже ретушера,—во 2-хъ, даже и то, что доступно фотографіи въ большинствѣ случаевъ передается бессмысленно, непропорціонально; она съ одинаковою точностью и отчетливостію передаетъ и черты лица, и часовую цѣпочку, иногда послѣднюю даже лучше чѣмъ лицо. Художникъ же наоборотъ, относясь къ дѣлу сознательно и разумно, болѣе заботится о важныхъ и существенныхъ чертахъ, другія же изображаетъ менѣе отчетливо, а инныя такъ и совсѣмъ оставляетъ; и эта сознательная копія природы разумѣется тѣмъ будетъ совершеннѣе, чѣмъ главныя ея черты ближе къ дѣйствительности.

Тоже самое требуется и отъ автора романа,—онъ долженъ не списывать выбранный имъ изъ дѣйствительности типъ, а воссоздать его, развить сообразно создавшейся въ его головѣ идеи, не забывая однако и того, что все послѣдовательное развитіе этого типа было-бы естественно и не только возможно, но даже и правдоподобно.

Воспроизведеніе идеи *) въ извѣстномъ образѣ обуславливается особымъ психическимъ настроеніемъ въ душѣ ху-

*) Въ исторіи развитія идей мы постоянно видимъ повтореніе слѣдующаго. Жизнь въ своемъ непрерывномъ развитіи набирала множество фактовъ, ставила на очередь множество вопросовъ; люди присматривались къ нимъ съ разныхъ сторонъ, выясняли кое-что, но все-таки не могли справиться со всею громадою накопившагося матеріала; наконецъ явился человѣкъ, ко-

дожника, которое называется вдохновеніемъ. Вдохновеніе— это такое душевное состояніе, когда умъ опредѣленнѣе и разностороннѣе понимаетъ предметъ и сопоставляетъ его съ другими предметами: память воспроизводитъ все богатство пріобрѣтенныхъ знаній, чувства дѣлаются болѣе воспримчивыми и способными отзываться на самыя разнообразныя впечатлѣнія, фантазія пріобрѣтаетъ усиленную дѣятельность и быстро создаетъ всевозможныя картины,— словомъ, когда въ человѣкѣ проявляется избытокъ внутренней жизни съ необходимой при этомъ воспримчивостью и особой чувствительностью. Когда вдохновеніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ душѣ художника, тогда всѣмъ его существомъ овладѣваетъ одна идея, которая и поглощаетъ все его вниманіе. Она служитъ началомъ художественному творчеству и составляетъ главную часть его содержанія. Поэтому существенное свойство художественной идеи есть ея конкретность, ея нераздѣльность съ чувственнымъ ея образомъ, съ чувственной формою.

Идеи сами по себѣ ни прекрасны, ни безобразны; онѣ не могутъ собственно возбуждать въ нашей душѣ ни эстетическаго удовольствія, ни неудовольствія, но онѣ становятся прекрасными и доставляютъ намъ эстетическое удовольствіе облекаясь въ чувственныя формы, или выражаясь въ чувственныхъ образахъ. Какъ-же это совершается? Положимъ въ душѣ художника зародилась идея о скупости. Отдавая ее на судъ нравственнаго чувства, художникъ выясняетъ себѣ всю несообразность ея съ высшими нравственными началами; затѣмъ невольно припомнятся и тѣ печальные, отвратительные результаты къ которымъ приводитъ скупость въ дѣйствительности; далѣе воображеніе рисуетъ художнику рядъ картинъ, въ которыхъ фигурируютъ всѣ знакомые ему скряги различныхъ слоевъ общества и различныхъ степеней; отдѣльныя

торый умѣлъ присмотрѣться къ дѣлу со всѣхъ сторонъ, придавъ предметамъ разбросаннымъ и отчасти исковерканнымъ прежними изслѣдователями ихъ естественный видъ и предъ всѣми разъяснилъ то, что доселѣ казалось темнымъ. Современ. 59 г. I стр. 11.

черты, разсѣянные на отдѣльныхъ личностяхъ этого рода, концентрируются въ одинъ образъ; творческое воображеніе постепенно одѣваетъ этотъ типъ въ опредѣленные, соответствующія ему формы, пока не составится полное, цѣлое, опредѣленно законченное олицетвореніе скупости,—и какъ конечный результатъ всего этого появляется художественное или поэтическое произведеніе въ родѣ Скупаго рыцаря у Пушкина и Плюшкина у Гоголя,—однимъ словомъ

- „ пока воображеніе
 „ Безвѣстные предметы облакаетъ
 „ Въ одежду формъ,—поэтъ своимъ перомъ
 „ Торжественно ихъ всѣ осуществляетъ
 „ И своему воздушному ничто
 „ Жилище онъ и мѣсто назначаетъ“ *).

Вышесказанное объясняетъ намъ, что конечная задача словеснаго искусства вообще (т. е. поэзіи) и романа въ частности слишкомъ сложна. Задача художника—поэта состоитъ въ умѣнны соединить интересы художественные съ назидательными, для чего необходимо понимать и имѣть опредѣленный взглядъ на искусство вообще. Осуществленіе идей, чрезъ посредство дѣятельности творящихъ силъ человѣческой души, въ чувственныхъ художественныхъ образахъ или явленіяхъ—составляетъ искусство. Различіе видовъ художественнаго творчества опредѣляется не идеей, но матеріальными элементами, которые избираются и употребляются для эстетическаго выраженія идеи. Такихъ матеріальныхъ способовъ для эстетическаго выраженія идей собственно два: одинъ изъ нихъ прежде всего дѣйствуетъ на чувство зрѣнія, а потомъ на воображеніе, умъ и нравственное чувство, и другой—на чувство слуха.

Первый способъ выраженія идеала, по видимому, самый рѣзкій, самый наглядный, представляющій предметъ ближе всего къ дѣйствительности, совершается посредствомъ массы, пласта, красокъ, которыми и даются извѣстныя очертанія

*) Шекспиръ. Сонъ въ лѣтнюю ночь, дѣйств. V.

предметовъ. Искусства эти называются пластическими. Второй способъ выраженія идеала звукъ, тонъ; отсюда искусства тоническія. Наконецъ идеаль выражается посредствомъ слова, что составляетъ искусство словесное, поэзію, которая имѣетъ несомнѣнное преимущество предъ всѣми другими искусствами какъ по объему и силѣ воображенія, такъ равно и по глубинѣ дѣйствія на человѣческую душу.

Подобно всякому искусству поэзія считается дѣломъ свободнаго творчества, тѣмъ не менѣе она возникаетъ на основаніи строгихъ психологическихъ данныхъ, которыми и обусловливаются ея содержаніе и формы. Служа, затѣмъ, спутницей историческаго развитія народа и человѣчества, она переживаетъ вмѣстѣ съ ними и ихъ историческія судьбы, отражаетъ свойственнымъ ей образомъ господствующія въ разное время направленія, подчиняясь въ тоже время и сама общимъ историческимъ законамъ.

Поэзія теряетъ всякое значеніе и перестаетъ быть поэзією, когда—вмѣсто живыхъ характеровъ въ сплеленіи дѣйствій, съ страстями, увлеченіями и заботами, радостями и страданьями—она выводитъ предъ нами типы въ видѣ отвлеченныхъ понятій—трудъ, капиталъ, гражданскій бракъ и т. п.; она должна нарисовать намъ правдоподобную, взятую съ природы картину того—какъ мы всѣ живемъ, большіе и малые, богатые и бѣдные, хорошіе и дурные, какъ дѣйствуемъ, какъ чувствуемъ, какъ должны дѣйствовать и чувствовать, чѣмъ мы интересуемся, къ чему стремимся, чего опасаемся и на что надѣемся—все это и многое другое, чѣмъ богатъ и чѣмъ бѣденъ современный поэзіи вѣкъ. Наболѣе же полнымъ и точнымъ выраженіемъ духа времени, настроеній въ общественной и частной жизни и такъ сказать, общественной совѣсти служить выдающійся въ наше время видъ эпической поэзіи—современный романъ. Сложное содержаніе романа до позднѣйшихъ вѣковъ скрывалось подъ самыми различными видами литературныхъ произведеній поэтическихъ, а иногда даже и прозаическихъ. Тѣ элементы, изъ которыхъ образовалась опредѣленная литературная форма, извѣстная у насъ теперь подъ именемъ романа, исторически

возникли очень давно *). Прежде всего въ произведеніяхъ искусственнаго эпоса древнихъ грековъ мы встрѣчаемъ такъ называемую эпопею или героическую поэму. Содержаніе этого литературнаго произведенія составлялъ обыкновенно рассказъ о какомъ либо выдающемся событіи въ жизни цѣлаго народа, тѣсно связанномъ съ судьбою одного лица—героя произведенія. Такая поэма имѣетъ обыкновенно историческое основаніе, но всѣ подробности ея ни больше, ни меньше какъ произведеніе фантазіи или народа, изъ преданій котораго и взятъ сюжетъ, или же самого поэта. Чѣмъ болѣе поэтъ даетъ свободы собственной фантазіи, пренебрегая мифами и народными преданіями, тѣмъ менѣе его произведеніе имѣло достоинства въ глазахъ читателей, желавшихъ познакомиться съ изображаемой эпохой. Приемы поэтическаго творчества и для послѣдующихъ народовъ остались неизмѣнными, но подъ вліяніемъ блистательныхъ подвиговъ средневѣковаго рыцарства, напоминавшаго героев Троянскихъ, въ эпопею были внесены новые, свѣжіе элементы: борьба за святое дѣло, рыцарская честь и возвышенная любовь къ женщинѣ. Послѣдній элементъ очень часто встрѣчается въ произведеніяхъ литературы II—VI стол. по Р. X., изобилующихъ лирическими отступленіями эротическаго или любовнаго характера. Произведенія эти слагались по одной общей банальной программѣ: молодой человекъ и дѣвица, никогда прежде не испытывшіе еще любви, при первомъ же свиданіи, обыкновенно въ храмѣ, воспаляются другъ къ другу взаимною страстью. Оба они прекрасны, но не могутъ они видѣться и въ разлукѣ страдаютъ: потерявъ аппетитъ и сонъ, они повѣряютъ свои жалобы лѣсамъ и горамъ. Зло-

*) Какъ на лучшее сочиненіе по исторіи романа проф. Бу-слаевъ указываетъ на книгу Донлона, напечатанную въ англійскомъ оригиналѣ 1-мъ изд. въ 1814 г. Она оказала свое дѣйствіе на разработку этого предмета только въ последнее время. Въ 1851 году Феликсъ Либрехтъ издалъ ее въ нѣмецкомъ переводѣ съ очень важными дополненіями подъ заглавіемъ: *John Dunlop's Geschichte der Prosa-dichtungen*. Лекція о значеніи соврем. романа, гл. III, прим.

счастливая судьба разделяетъ ихъ. Они странствуютъ по отдаленнымъ землямъ; наконецъ, побѣдивъ всѣ тревоженія, они сходятся вмѣстѣ и завершаютъ свою неизмѣнную любовь брачнымъ союзомъ *).

Эти произведенія, называемыя теперь греческими романами, при своемъ появленіи въ свѣтъ не имѣли опредѣленнаго названія.

Главная основная тема этихъ произведеній именно любовь, какъ источникъ и средоточіе всѣхъ сердечныхъ интересовъ скромнаго семейнаго счастья—вошла и остается въ своей силѣ до нашихъ дней, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ сюжетовъ современнаго романа.

Вышеприведенныя греческія эпопеи, какъ извѣстно, въ средніе вѣка, во времена феодализма, пользовались большою популярностію и сообщили свой сказочный элементъ рыцарскимъ романамъ. Впрочемъ какъ въ этотъ періодъ, такъ и въ послѣдующій за тѣмъ, въ эпоху реформаціи, романъ еще не выдвинулся изъ массы другихъ литературныхъ формъ, какъ отдѣльное, самостоятельное явленіе; хотя и существовало названіе—романъ, но подъ этимъ именемъ разумѣлось всякое вообще литературное произведеніе, изложенное языкомъ романскихъ народовъ.

Наступившая вслѣдъ за крестовыми походами эпоха позднѣйшаго рыцарства, когда гордые и непокорные вассалы обратились въ придворныхъ и вмѣсто прежняго рыцарства, закованнаго въ броню, могучаго, строгаго, появилось изнѣженное и развращенное дворянство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, измѣнились и чувства, составлявшія душу прежняго рыцарства. Чувство уваженія къ женщинамъ перешло въ рабское угодничество и наружную любезность, подъ которою за-урядъ скрывалась одна грубая чувственность безъ всякаго участія сердечности; чувство чести и героизма обратилось въ изысканную чопорность т. е. въ то, что мы называемъ теперь донкихотствомъ,—все это послужило обильнымъ матеріаломъ для особаго вида рыцарскихъ (книгъ) романовъ,

*) См. Греческій романъ, Кирпичникова 1875 и лекція Ѳ. И. Буслаева, стр. 14.

главной темой которыхъ были приключенія Амадиса и другихъ странствующихъ рыцарей. Окончательный предѣлъ развитію и распространенію этого рода сочиненій положилъ испанскій поэтъ Сервантесъ, безсмертный романъ котораго „Донъ-Кихоть“, соединяющій въ себѣ идиллію съ комическимъ изображеніемъ дѣйствительности и фантастическими стремленіями рыцарства, показавъ всю пустоту и несостоятельность рыцарскихъ книгъ, по своимъ воззрѣніямъ и стилю былъ яркой зарей—провозвѣстницей современнаго романа. Онъ наглядно показалъ, какъ слѣдуетъ относиться ко всему пошлomu и лживому, и что каждый предметъ слѣдуетъ изображать такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не украшать его и не представлять въ ложномъ свѣтѣ.

Къ этому-же, приблизительно, времени относится появленіе новеллы. Она соотвѣтствуетъ нашей повѣсти, по объему своему меньше романа, содержаніе свое беретъ изъ жизни современнаго ей общества и касается случаевъ частной жизни монаховъ, купцовъ, гражданъ, поселянъ и т. п. Лучшія, изъ первыхъ по времени появленія, новеллы принадлежатъ итальянскому писателю Боккачіо, сборникъ котораго, называемый „Декамероне“, состоитъ изъ 100 новеллъ, изложенныхъ прозою.

Сатирической романъ Сервантеса, а равно и новеллы оказались прочнымъ фундаментомъ, на которомъ, наконецъ, долженъ былъ выработаться нашъ романъ. Всѣ слѣдовавшіе за ними литературныя произведенія вплоть до XVIII в. касались почти исключительно вопросовъ общественной и частной, семейной жизни, писались съ спеціальною цѣлью—или для назиданія или для забавы, а иногда для того и другого вмѣстѣ, почему и имѣли въ свое время громадное значеніе въ развитіи европейской цивилизаціи. Въ концѣ концовъ произошло то, что всѣ эти сочиненія уже перестали удовлетворять общество, почему пришлось передовымъ людямъ отыскивать новые источники для освѣженія и возрожденія жизни и поэзій.

Въ XVIII столѣтіи сформировавшійся уже, до извѣстной степени, романъ долженъ былъ подвергнуться различ-

нымъ видоизмѣненіямъ, — и вотъ мы видимъ, что въ немъ проводятся и идеи французской философіи Волтера, встрѣчаются и идеальныя стремленія къ первобытной природѣ. Здѣсь разумѣются романы пастушескіе, которые хотя и представляли собою въ данное время анахронизмъ, но по причинѣ испорченности вкуса, очевидно могли нравиться современникамъ. Таковъ напр. романъ д'Юрфе Астрея, въ немъ мы встрѣчаемъ смѣсь древней поэзіи, эклога, темныхъ воспоминаній романтизма и спутанныхъ отголосковъ гальской древности.

Къ тому-же времени отчасти относится не мало сочиненій съ предвзятой цѣлью, которыя, подъ видомъ забавныхъ поучительныхъ трактатовъ, стремились удовлетворить изысканному разврату стараго общества изображеніемъ скандалѣзныхъ сценъ, какихъ не мыслимо встрѣтить въ романахъ нашего времени *).

Какъ бы въ контрасть всѣмъ этимъ сочиненіямъ въ англійской литературѣ появляется семейный романъ Ричардъ-

*) Одинъ изъ самыхъ занимательныхъ отдѣловъ исторіи литературы западныхъ народовъ составляютъ слова и бесѣды тѣхъ проповѣдниковъ, которые, рассчитывая на популярность и поддѣлываясь къ наивности и грубымъ вкусамъ своихъ слушателей, усвоили себѣ шутивную манеру базарныхъ импровизаторовъ — поучать забавляя. За отсутствіемъ всякой критики и правильнаго понятія о св. писаніи, они смѣшивали священныя авторитеты съ вымыслами, церковную исторію съ сказками и новеллами, и относились къ священнымъ лицамъ и событіямъ съ тою же наивною фамилярностью, какъ къ дѣйствующимъ лицамъ въ новеллахъ и шутивныхъ стихотвореніяхъ. Ихъ проповѣдь получаетъ видъ то драматическаго разговора средневѣковой мистеріи, то колкой и мѣткой сатиры, то дружеской болтовни, пересынанной остротами, двусмысленностями и разными повѣстями и анекдотами. Приводить примѣры изъ такихъ проповѣдей менѣе пикантныя — не стоить: это не дастъ настоящаго о нихъ понятія; привести же что нибудь дѣйствительно характеристическое нѣтъ никакой возможности при современныхъ правахъ печати, — Лекція Вуслаева, прим. 24 стр. 33.

сона **). Его романы въ формѣ писемъ Памела, Клариса написаны съ специальною цѣлю подтянуть щепетильную нравственность, исправить и, по возможности, упрочить ее. Онъ рисуетъ предъ читателемъ идеалы хорошихъ характеровъ и рядомъ съ ними какую нибудь испорченную личность, чтобы такимъ образомъ нагляднѣе показать, что хорошо, что худо, что должно или можно дѣлать и чего нельзя.

Оставляя совершенно въ сторонѣ историческіе романы, какъ не входящіе въ число тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился современный романъ, нелишне припомнить въ данномъ случаѣ поэтическіе рассказы гениальнаго англійскаго поэта Байрона, который искренно сочувствовалъ всему, что вокругъ него происходило и въ своихъ поэмахъ, написанныхъ легкимъ и звучнымъ стихомъ, исполненныхъ яркихъ картинъ и бурнаго чувства, выразилъ симпатію природѣ, состраданіе къ угнетеннымъ, бьющимся за свободу народамъ, энтузіазмъ къ генію, добродѣтели и любви. Его призваніемъ было казнить людской эгоизмъ, всюду указывая ничтожество человѣка, живущаго себялюбивыми грезами, слишкомъ заинтересованнаго своимъ честолюбіемъ и своей самовластной волей, — но не одно только это; Байрона живо трогаетъ, его увлекаетъ и прекрасное въ жизни: роскошная природа юга,

***) Тѣмъ въ своей исторіи англійской литературы между прочимъ такъ передаетъ требованія англійской публики къ англійскому романисту: «пишите свои романы такъ, чтобы ихъ могли читать молодыя дѣвушки. Мы люди практическіе и не хотимъ, чтобы литература портила практическую жизнь. Семейство для насъ священо, и мы не желаемъ, чтобы литература изображала страсти, нарушающія семейную жизнь. Мы протестанты и мы сберегли немного суровый взглядъ нашихъ предковъ на страсти и удовольствія. Любовь — самое дурное изъ нихъ. Берегитесь быть похожимъ въ этомъ отношеніи на знаменитѣйшую изъ нашихъ сосѣдокъ Ж. Зандъ.... Она возбуждаетъ охоту влюбиться, и любовь для нея все равно — въ бракѣ или внѣ брака; вы же возбуждайте охоту вступить въ бракъ»... и пр. *Histoire de la littérature anglaise, par H. Taine. Paris. 1864.* — Очевидно, что эти-же самыя требованія старался выполнить и Ричардсонъ въ своихъ романахъ. Авт.

среди которой онъ находитъ и выдающіеся характеры, полныя страстной энергіи и гордой любви къ независимости, и увлекательные типы женщинъ, выросшихъ въ природной простотѣ, способныхъ къ той свободной искренности чувства, какая неизвѣстна среди свѣтской пустоты и мелочнаго расчета. Отсюда ясно, почему фантазія Байрона обнимаетъ собою самый разнообразный міръ и потаенные уголки чело-вѣческаго сердца и самыя своеобразныя черты чужихъ нравовъ. Эти достоинства даютъ ему универсальность, которая и составляетъ необходимое условіе современнаго романа.

Такимъ образомъ въ разные періоды своей исторіи романъ такъ или иначе всегда отражалъ въ себѣ извѣстныя состоянія общественнаго развитія и направленія, сообразно которымъ онъ и принималъ различныя видоизмѣненія, примѣняясь къ вкусу и тенденціямъ общества. Въ средніе вѣка, во времена феодализма, онъ былъ рыцарскимъ; въ періодъ реформаціи онъ превращается въ фантастическую сатиру; въ XVIII столѣтіи онъ испытываетъ на себѣ различныя вліянія времени: въ немъ проводятся и философскія идеи, проглядываютъ и идеальныя стремленія къ первобытной природѣ и проповѣдуются, наконецъ, основныя начала нравственности, съ цѣлю возвысить ее и упрочить. Затѣмъ могучій талантъ Байрона, привлекущій вниманіе всей Европы, далъ окончательный толчокъ въ пользу современнаго направленія романа, — и вотъ, на развалинахъ всѣхъ прежнихъ направленій, взявъ въ основу всѣ главные ихъ элементы, возникъ современный романъ, сдѣлавшись по преимуществу романомъ общественнымъ. Отклоняя всякія предвзятія спеціальныя цѣли, онъ, изучалъ современную жизнь и проникаясь ея интересами, заботился исключительно о возможно-точномъ изображеніи ея со всѣми достоинствами и недостатками и такимъ образомъ служилъ и служитъ свѣточемъ въ нашемъ жизненномъ пути. При такой постановкѣ дѣла до сихъ поръ пока стоитъ еще открытымъ вопросъ относительно того — потеряетъ или не потеряетъ свое художественное т. е. поэтическое значеніе современный романъ? Для насъ-же важно одно, что ни одинъ почти вопросъ, касающійся общественнаго

развитія, не оставленъ имъ безъ вниманія. И дѣйствительно мы видимъ, что съ 30-хъ годовъ текущаго XIX столѣтія въ поэзиі день отъ дня крѣпнеть и развивается стремленіе къ изображенію дѣйствительной жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она есть на самомъ дѣлѣ, руководствуясь выработанными вѣками элементами, но ничуть не подчиняясь отжившимъ и уже непримѣнимымъ идеаламъ давно прошедшаго. Это стремленіе образовало новый видъ поэзиі, такъ называемую поэзію новоевропейскую съ двумя опредѣленными направленіями: а) интимнымъ и б) социальнымъ. Въ интимномъ направленіи преобладаетъ искреннее и откровенное изображеніе душевныхъ настроеній человѣка, поставленнаго подъ вліяніе современныхъ идей, лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію; а въ социальномъ преобладаетъ анализъ явленій дѣйствительности, вліяніе которыхъ произвело тѣ или другія усложненія, тѣ или другіе недуги въ современномъ строѣ человѣческой жизни.

Разсматривая литературныя произведенія этого періода мы невольно замѣтимъ, что дѣятельность писателей самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ ихъ средой и тѣми общественными условіями, въ которыя поставлено ихъ личное развитіе. Обстоятельства личной и общественной жизни, въ которыхъ развивается образъ мыслей и поэтическое направленіе, въ которыхъ выросъ физически и окрѣпъ нравственно писатель, невольно отражаются и на его литературныхъ трудахъ, непосредственно касающихся какого нибудь общественнаго вопроса. Личное стремленіе писателя было—служить выразителемъ общественной идеи,—и въ его поэтическихъ произведеніяхъ общество видѣло свою собственную жизнь со всѣми ея стремленіями. Если и замѣчается недостатокъ въ поэтическихъ произведеніяхъ этого періода, то онъ исключительно почти состоитъ въ изображеніи идеала отрицательными формами: то мы встрѣчаемъ типы очень сходные съ Печоринымъ, то похожіе на Базарова и т. п. Въ первомъ случаѣ выводятся предъ глазами читателя люди недовольные окружающею ихъ обстановкою, ничто ихъ не удовлетворяетъ и они рѣшаютъ, что при такомъ положеніи дѣла невозможна никакая дѣятельность, въ концѣ концовъ

они оказываются окончательно непроизводительными, — словомъ сознають, что они „лишніе люди“, неумѣющіе и не могущіе противостать какимъ-бы то ни было препятствіямъ. Они не находятъ себѣ мѣста въ общественной средѣ, не имѣютъ достаточно силы завоевать себѣ общественное положеніе, дать значеніе и распространеніе своимъ взглядамъ; непосредственная дѣйствительность постоянно отъ нихъ уходитъ и они пугаются самыхъ заурядныхъ, обыденныхъ случаевъ жизни. Во второмъ случаѣ выводятся тоже люди недовольные, но только уже энергичные и рѣшительные, — и наши романисты, изображая ихъ дѣйствія, подъ часъ чрезъ чуръ не жалѣютъ черныхъ красокъ и отборныхъ выраженій — такъ напр. „Базаровъ (въ отношеніи Одинцовой) трясся, трепеталъ, но это не трепеть любви и сладкій ужасъ, это страсть, даже злоба, и онъ прыгнулъ къ ней какъ звѣрь“; хотя тотъ-же Тургеневъ изображая подобныя-же отношенія Кирсанова — отца къ Феничкѣ выразился такъ: „Феничка была такъ молода, такъ одинока, Николай Петровичъ былъ такой добрый и скромный.... Остальное нечего рассказывать“. — Словомъ они били на то, что все, что имъ не нравилось, что казалось недостаткомъ въ окружающей средѣ, старались очертить въ рѣзкихъ непривлекательныхъ формахъ, а объ остальномъ или говорили вскользь, или-же благоразумно умалчивали, — это, молъ, не важно.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что за такой контрастъ въ изображеніи отдѣльныхъ типовъ романа не слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать автора. Это совершается совершенно естественно. Чѣмъ выше стоитъ, чѣмъ совершеннѣе талантъ автора, тѣмъ рѣзче выражаются его идеалы, обнимающіе жизненную сторону тенденцій извѣстнаго класса общества. И дѣйствительно, мы видимъ, что многіе изъ нашихъ критиковъ, прочитавъ романъ „Отцы и дѣти“, пришли къ заключенію, что романъ этотъ до того хорошъ, что даже самый отчаянный отрицатель искусства почувствуетъ при чтеніи его наслажденіе; это вѣрная глубоко-прочувствованная и безъ утайки нарисованная картина современной жизни; клеветы въ романъ не найдете; все наше молодое поколѣніе со своими стремленіями и идеями можетъ узнать себя

въ дѣйствующихъ лицахъ этого романа,—словомъ направленіе и изложеніе какъ даннаго, такъ и вообще каждаго современнаго романа, какъ имѣющаго дѣло съ жизнью, и должно быть именно таково; онъ долженъ изобразить жизнь именно такой, какова она на самомъ дѣлѣ; а она за это время все больше и больше становится сценой общественныхъ столкновеній, явной или скрытой борьбы. Романъ не можетъ изобразить одной отвлеченной страсти тамъ, гдѣ эта страсть связана съ тѣми или другими общественными условіями, и писатель, касаясь этой жизни, не можетъ обойти ея существенныхъ двигателей, а разъ затронувши ихъ, онъ неизбѣжно рѣзко высказывается въ ту или другую сторону. Въ этомъ смыслѣ развилось одно изъ замѣчательныхъ явленій современнаго романа—произведенія Ж. Занда, произведшія сильныя впечатлѣнія на современниковъ, неизгладившіяся до нашихъ дней. Съ этимъ-то Зандомъ и сопоставляетъ Тургенева нашъ критикъ Ан. Григорьевъ, говоря, что Тургеневъ „любитъ, какъ Зандъ же и только какъ Зандъ, создавать дѣйствительность нѣсколько фантастическую, придумывать для этой дѣйствительности обстановку совершенно исключительную, трогать въ душѣ струны самыя тонкія—и вы вѣрите ему на слово, хотя не вполне такъ, какъ вѣрите Занду; вы довѣряетесь этой фантастической дѣйствительности во имя вѣрности психическаго анализа, вы не назовете исключительную обстановку небывалою—ибо видите осязательно ея поэтическую правду, ея идеальную возможность быть,—вы войдете въ міръ тончайшихъ ощущеній, завлеченные ихъ подробнымъ и художественно добросовѣстнымъ анализомъ“ *).

Такимъ образомъ взамѣнъ всѣхъ прежнихъ исторически видоизмѣнявшихся направленій, съ ихъ предвзятыми спеціальными цѣлями и стремленіями современный романъ, ставшій по преимуществу романомъ общественнымъ, выработалъ себѣ такую теорію—на основаніи фактовъ, совер-

*) См. Крит. Ан. Григорьева по поводу романа Тургенева «Дворянское гнѣздо». Русское слово 59. IV. стр. 4. Отдѣльная книга издана подъ редакціей Страхова.

шающихся въ текущей обыденной жизни, въ связи съ историческимъ ихъ теченіемъ, писатель долженъ показать своимъ современникамъ высшія требованія того, что должно быть и есть въ дѣйствительности. Выполненіе этой теоріи въ возможной точности придаетъ роману спеціальныи общественный смыслъ, что мы и видимъ, напр., въ романахъ Гончарова, Евгенія Сю, имѣвшихъ въ свою пору несомнѣнно блестящій успѣхъ, именно благодаря своему соціальному содержанію. Но разъ выработалась извѣстная теорія романа, то понятно, что ея требованія касаются всѣхъ вообще писателей—романистовъ, а потому не трудно замѣтить этотъ общественный характеръ въ романахъ и другихъ писателей того же періода. Большое или меньшее приближеніе къ ней, точное ея выполненіе, или-же нѣкоторое отступленіе допускается несомнѣнно каждымъ писателемъ. Изображеніе общественныхъ стремленій, или-же—какъ выражаются наши писатели—духа времени, зависитъ съ одной стороны отъ степени развитія, а главнымъ образомъ отъ таланта писателя, что и составляетъ одно изъ наисущественнѣйшихъ условій, характеризующихъ литературный трудъ автора. И мы видимъ каковы эти условія: у однихъ писателей, подобныхъ Диккенсу, мы замѣчаемъ богатство фантазіи, легко увлекающейся не важнымъ по существу, а случайнымъ, частнымъ, затѣмъ отсутствіе энергии и обиліе сердечной мягкости, чувствительности,—оттого и въ своихъ произведеніяхъ, касающихся общественныхъ стремленій, они высказывались обыкновенно слишкомъ мягко, а потому и обрисовка отрицательной стороны типа являлась далеко не полною. „Общественныя симпатіи Диккенса отрицательно выразились въ его сатиру, направленной противъ уродливостей англійской жизни, но эта сатира отвлеченная, часто нравственная, обвиняющая отдѣльныя личности и забывающая объ условіяхъ, которыя создаютъ ихъ; положительно-же онѣ сказались въ его тепломъ отношеніи къ народу, на которомъ отзывается тяжелый гнетъ и несправедливость общества: это теплое отношеніе составляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ въ воззрѣніяхъ Диккенса, хотя, взамѣнъ опредѣленнаго общественнаго идеала, онъ часто впадаетъ здѣсь въ от-

влеченную сентиментальность, которая заставляет жалѣть о дурно направленномъ избыткѣ чувства* *).—У другихъ писателей, взамѣнъ тѣхъ качествъ мягкаго, сентиментальнаго, увлекающагося и богатаго фантазіей таланта, какой вы видѣли у Диккенса, подобныхъ Тэккерю, мы сталкиваемся съ суровыми чертами сатирическаго характера; въ произведеніяхъ ихъ всюду скользятъ нравственныя сентенціи и свое знаніе человѣческаго сердца, свое искусство, свою обдуманную ненависть они употребляютъ на преслѣдованіе порока, они желчно относятся (подобно Тургеневу) къ нравственной испорченности; фантазія ихъ рѣдко поддается увлеченіямъ, и больше помогаетъ суровому, сатирическому выраженію идеи. Критика современнаго романа уже давно выработала и установила извѣстныя опредѣленныя требованія, на основаніи которыхъ романъ долженъ служить намъ не только какъ средство забавы и развлеченія между дѣломъ, но и быть вмѣстѣ съ тѣмъ поучительнымъ и назидательнымъ и обязательно содержать въ себѣ нѣчто дѣльное, практическое **). Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что современный романистъ для уясненія и подтвержденія своей идеи, подобно прежнимъ моралистамъ, долженъ подбирать подходящій частный случай изъ какойнибудь новеллы или анекдота,—нѣтъ, это только показываетъ, что мы болѣе склоняемся на сторону послѣднихъ писателей, подобныхъ Тэккерю. Тѣмъ въ своей исторіи англійской литературы между прочимъ говорить: „если романистъ дѣлается въ Англии сатирикомъ, то это очень естественно; потому что при наклон-

*) Современный англійскій романъ А. стр. 358. 1864. XI.

***) Въ литературныхъ произведеніяхъ на разстояніи всѣхъ среднихъ вѣковъ и включительно до XVIII в., имѣвшихъ громадное значеніе въ развитіи европейской цивилизаціи, почти постоянно встрѣчается или назидательное или забавное, а иногда то и другое вмѣстѣ. Назиданіе въ этихъ литературныхъ произведеніяхъ обнимаетъ всѣ интересы человѣческаго бытія (по тогдашнимъ понятіямъ), всѣ умственные и нравственные вопросы, имѣвшіе силу тогда, наконецъ весь житейскій обиходъ: домашній въ семьѣ и общественный, начиная отъ утренней молитвы, хозяйства по кухнѣ и сбереженія здоровья, до управленія

ности къ размышленію, онъ еще скорѣе попадетъ на эту дорогу отъ вліянія всѣмъ извѣстныхъ англійскихъ нравовъ и общественныхъ понятій, побуждающихъ писателя смотрѣть на страсти съ нравственной точки зрѣнія, почему онъ легко впадаетъ въ поученіе, и изъ наблюдателя и разказчика дѣлается моралистомъ⁴. Личныя качества ума и таланта Тэекера были именно таковы, что онъ, вдумываясь въ каждый толчокъ, въ каждое движеніе общественной жизни, сталъ писателемъ моралистомъ, и притомъ настолько крайнимъ, что не рѣдко, оставляя въ сторонѣ своихъ героев, онъ обращается къ читателю и читаетъ ему поученіе о порокахъ и добродѣтели;—самъ онъ составилъ уже мнѣніе напередъ, и его діалоги и картины должны только убѣдить читателя въ томъ, что его собственное мнѣніе дѣйствительно справедливо. Цѣль постоянно поучать читателя становится еще яснѣе, если мы всмотримся въ подробности его картинъ; здѣсь не одно только желаніе передать и изобразить въ извѣстномъ свѣтѣ дѣйствительность, а постоянное стремленіе превратить и людей и событія въ сатиру: слова дѣйствующихъ лицъ разчитаны на то, чтобы сдѣлать ихъ смѣшными или ненавистными читателю, такъ что читатель въ концѣ концовъ не въ состояніи не замѣтить нравственного урока, который такъ обязательно преподается ему авторомъ-моралистомъ.

Такимъ образомъ мораль и частный случай, взятый для подтвержденія этой морали изъ какой нибудь новеллы или анекдота, не совсѣмъ удачно соединявшіеся въ прежней

государствомъ и этикета придворной жизни и вѣжливаго, веселаго и привѣтливаго обхожденія въ обществѣ. Наши старинныя произведенія—«Поученіе Влад. Мономаха», «Домострой Сильвестра» и «Завѣщаніе отеческое къ сыну Посошкова»,—относятся къ громадной литературѣ по этому предмету на Западѣ. Забавное развлеченіе, какъ читатели, такъ и особенно веселые разказчики въ публикѣ, извлекали изъ безчисленныхъ сборниковъ повѣстей, или новеллъ, анекдотовъ, замысловатыхъ остротъ и разныхъ коротенькихъ разказовъ или фацецій, пикантныхъ по своимъ мѣткимъ характеристикамъ лицъ, сословій и текущихъ событій. Лекція Буслаева, гл. IV стр. 25. 28.

правоучительною повѣствовательною литературѣ, достигли удачнаго соединенія въ современномъ романѣ, рисуящемъ въ извѣстномъ свѣтѣ и строго обдуманной послѣдовательности современные читателю нравы и характеры съ ихъ заботами, увлеченіями, убѣжденіями, наклонностями и страстями.

Несомнѣнно, что при такомъ стремленіи достиженія одной цѣли—соединить мораль и частный случай, или вѣрнѣе изъ послѣдняго вывести первое—въ направленіи литературныхъ произведеній должно быть сходство; но при всемъ сходствѣ есть и разница, разница эта главнымъ образомъ индивидуальная: два человѣка дѣлаютъ одно и тоже дѣло и въ ихъ дѣйствіяхъ непремѣнно обнаружится разность ихъ личныхъ качествъ; человѣкъ грубый вась напр. обругаетъ и форма выраженій этой брани далеко будетъ не такова какъ у человѣка деликатнаго, мягкаго. Для примѣра укажу на двухъ нашихъ писателей романистовъ—Тургенева и Писемскаго, слѣдовавшихъ въ одно время совершенно одному и тому же направленію. Тургеневъ, какъ человѣкъ благовоспитанный, вѣжливо стремится къ достиженію своей цѣли, толкая не симпатичныхъ ему лицъ, деликатно предъ нами извиняется, тогда какъ Писемскій пихается и толкается во всѣ стороны, ничуть не стѣсняясь и не считая долгомъ нисколько извиняться предъ своими противниками. Первый говоритъ колкости, но какъ человѣкъ свѣтскій, до того тонкія, что простоватый слушатель приметъ ихъ за комплементъ, тогда какъ послѣдній прямо облаетъ и облаетъ такъ, что ужъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это дѣйствительно лай. Тургеневъ о нѣкоторыхъ вещахъ совершенно умалчиваетъ, или же ограничивается одними намеками, чувствуя, что распространяться о нихъ не ловко; Писемскій же объ такихъ-то именно вещахъ и распространяется всего больше, и т. д. *).

Требованія современной критики, однако, вовсе не касаются въ данномъ случаѣ ни сюжета романа, ни того какъ

*) Подробнѣе см. Сравнительн. критик. Антоновича по поводу романа Писемскаго «Взбаломученное море», стр. 206 и пр.

и въ какихъ выраженіяхъ онъ изложенъ; для насъ важно одно, чтобы романистъ толково и достойнымъ образомъ выразилъ-бы въ своемъ произведеніи всю чистоту, силу и значеніе взятой имъ въ основу его произведенія идеи, заключающей въ себѣ интересъ общечеловѣческой такъ, что при первомъ же, бѣгломъ чтеніи сдѣлалась бы она занятой всякому человѣку, не смотря на различіе время и народностей; а выработанная при изложеніи идеи мораль, постоянно пробуждала бы въ человѣкѣ сочувствіе къ тому, чему онъ не можетъ не сочувствовать, не переставая быть человѣкомъ, и такимъ образомъ осталась бы на долго памятной міру. Судя по задачѣ и направленіямъ современнаго романа большая или меньшая доля такого успѣха несомнѣно выпадаетъ на долю всякаго талантливаго произведенія нашихъ современныхъ писателей, представляющихъ намъ не личныя свои правила, мнѣнія и убѣжденія, не поучительное доктринерство, а такія назиданія, которыя сами собою извлекаются изъ знакомства съ поэтическими идеалами съ ихъ образомъ дѣйствій и чувствованій, все равно, какъ бы изъ личнаго знакомства съ кѣмъ нибудь въ дѣйствительности. Если во всѣхъ этихъ назиданіяхъ находится не мало того, что достойно нашего вниманія, такъ это главнымъ образомъ потому, что поэтическіе вымыслы романиста, подобно самому лучшему волшебному зеркалу, отражаютъ живую дѣйствительность. Самыя уродливости жизни, заблужденія, какія мы замѣчаемъ въ этомъ отраженіи, тѣмъ интереснѣе являются для насъ, что въ недавнемъ прошломъ, мы сами не считали ихъ за уродливости, за заблужденія; мы вѣрили, на примѣръ, въ то, что жизнь извѣстнаго класса общества и не можетъ быть расположена иначе, по другой программѣ, потому что этотъ классъ слѣдовалъ извѣстнымъ, установленнымъ вѣками, традиціямъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что жизнь эта измѣнилась и постоянно измѣняется и главнымъ образомъ потому, что современная ей литература постоянно указываетъ на неточности въ ея собственныхъ-же расчетахъ между правомъ и обязанностью, предоставляя все это на судъ общественной совѣсти, которая и дѣлаетъ свое окончательное заключеніе въ томъ смыслѣ, — что отжило свой вѣкъ, то уже не при-

мѣнимо и не имѣетъ значенія по отношенію къ современной дѣйствительности.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что отсюда вовсе не слѣдуетъ того, что человѣческая жизнь слагается по какимъ-то литературнымъ теоріямъ,—нѣтъ, а литература, измѣняясь въ своемъ характерѣ сообразно съ направленіемъ жизни, отвѣчаетъ только на вопросы жизни тѣмъ, что находитъ въ самой-же жизни и тѣмъ самымъ помогаетъ ясности и сознательности стремленій общественной жизни и общественныхъ отношеній.

Жизнь, постоянно, съ каждымъ днемъ, идущая впередъ, представляетъ множество случаевъ столкновенія людей между собой, приводящихъ и къ добрымъ, и къ печальнымъ результатамъ, и въ этихъ-то столкновеніяхъ рѣзче чѣмъ гдѣ либо, обрисовываются современные нравы и характеры. Они настолько ясны и очевидны, что талантливому писателю достаточно только одной наблюдательности для того, чтобы создать хотя и вымышленные типы, но близкіе ихъ природѣ и ввести насъ—читателей его произведеній—въ кругъ совершенно знакомыхъ намъ личностей, не рѣдко очень схожихъ съ нашими или друзьями или врагами. Первымъ мы сочувствуемъ—радуемся ихъ радостями, скорбимъ ихъ неудачами, послѣднихъ или уклоняемся не обращая на нихъ вниманія, или же слѣдимъ за ихъ хитрыми продѣлками и тѣмъ самымъ умудряемся въ собственной жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы переживаемъ душевную борьбу фигурирующихъ предъ нами вымышленныхъ героевъ и ихъ поступки и дѣйствія передаемъ на судъ нашей совѣсти, которая и сопоставляетъ все накопившееся въ нашей душѣ съ высокими требованіями нравственнаго долга, самоотверженія, великодушія,—а это сопоставленіе приводитъ насъ къ самопознанію и такимъ образомъ совершенно незамѣтно для себя мы получаемъ назиданіе, великій нравственный урокъ для нашей собственной жизни, урокъ, помогающій намъ легче переносить достигающіяся на долю каждаго изъ насъ жизненныя испытанія. Урокъ получается легко, польза его очевидна. Переживая вмѣстѣ съ героемъ романа всѣ тѣ обстоятельства, въ которыя онъ поставленъ,

читатель невольно, подѣ часть, задумается о томъ: какія бы мысли заняли его голову при подобныхъ обстоятельствахъ? И ему невольно приходится подумать о томъ, къ чему прежде относился онъ совершенно индифферентно, а можетъ быть до настоящей минуты объ этомъ онъ никогда и недумалъ *).

Теперь должно быть совершенно ясно, что современный романъ совершенно незамѣтно ни для себя, ни для насъ—является какъ бы нашимъ наставникомъ и воспитателемъ, руководящимъ насъ въ жизни посредствомъ нашего же самонаблюденія, приобретаемаго нами при посредствѣ критическихъ отчетовъ нашей совѣсти по поводу дѣйствій и поступковъ вымышленныхъ героевъ романа современной жизни. Основаніемъ же критическихъ отчетовъ нашей совѣсти служитъ прирожденный человѣку нравственный законъ, который, при одинаковомъ устройствѣ человѣческой природы, при одинаковости душевныхъ силъ и ихъ развитія, несомнѣнно долженъ быть у всѣхъ одинаковъ. Что кажется одному хорошимъ, добрымъ, справедливымъ, то не можетъ показаться другому дурнымъ, безчестнымъ, несправедливымъ. Такимъ образомъ современный романъ, отдавая на судъ на-

*) Графъ Л. Н. Толстой, изображая, какъ пробуждается въ Левинѣ (герой романа Анна Каренина) сознание о великомъ значеніи брачнаго обряда въ то самое время, когда онъ стоитъ подѣ вѣнцомъ съ своею невестою, какъ будто говоритъ читателю: «а вы милостивый государь или милостивая государыня, что вы сами думали и какъ себя чувствовали, когда и надѣ вами совершался тотъ-же обрядъ, при вашемъ равнодушномъ, легкомъ взглядѣ на вопросы религіи,—или что вы будете думать и чувствовать сами, когда онъ будетъ надѣ вами совершаться? Оставались-ли вы или останетесь по прежнему индифферентны къ дѣлу религіозной совѣсти, или же въ эти рѣшительныя, роковыя минуты вашей судьбы, вашего великаго счастья или великаго бѣдствія—въ трепетѣ вашего собственнаго сердца, въ надеждѣ и опасеніи за будущее, въ любви къ драгоценному для васъ существу, съ которымъ въ этотъ самый моментъ вы навсегда соединяете нераздѣльно свою жизнь?» Лекція Бушлаева. Гл. V. стр. 41.

шей совѣсти, руководящейся нравственнымъ закономъ, поступки вымышленныхъ типовъ и ихъ дѣйствія среди вымышленныхъ же положеній, способствуетъ всестороннему, стройному и безпрепятственному, относительно, теченію нашей жизни, показывая намъ, что хорошо, что худо и тѣмъ самымъ направляя насъ къ добруму и отстраняя отъ дурнаго.

Отсюда слѣдуетъ, что психологическіе анализы поступковъ и страстей въ современномъ романѣ—это, по выраженію проф. Буслаева, „анатомія нашего собственнаго сердца“, представляемая на разсмотрѣніе нашей же совѣсти и приводящая тѣмъ самымъ насъ къ полному сознанію или же, по крайней мѣрѣ, заставляющая насъ глубоко задуматься и дать себѣ отчетъ о томъ, что дѣлалось до того времени совершенно безотчетно.

Въ каждомъ современномъ романѣ мы найдемъ не мало такихъ случаевъ и столкновеній между дѣйствующими лицами, въ которыхъ такъ и слышится голосъ автора: а что бы вы въ данномъ случаѣ сдѣлали читатель,—или какъ бы вы поступили въ подобныхъ обстоятельствахъ? Обсужденіе подобныхъ вопросовъ формируетъ и укрѣпляетъ волю и нравственное чувство человѣка, которыя и помогаютъ ему выбиваться изъ вѣчно волнующагося и повидимому безпредѣльнаго жизненнаго моря добра, зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій и достигать безмятежнаго берега относительнаго спокойствія, нравственной и счастливой жизни.

Д. Рисовъ.

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1.

По поводу замѣтки И. Желтова „неточность въ наименованіяхъ видовъ рус. глаголовъ“ („Фил. Зап.“ 1887; VI вып.)

Совершенно соглашаясь съ г. Желтовымъ въ томъ, что составители учебниковъ по рус. грамматикѣ не примѣняютъ къ дѣлу послѣднихъ выводовъ науки по своему предмету, мы позволимъ себѣ усумниться, чтобы извѣстные «Записки» пр. Потебни были «единственнымъ отраднымъ явленіемъ въ разработкѣ рус. грамматики за все время отъ Ломоносова и доселѣ. Намъ тѣмъ болѣе сомнительно слышать это, что авторъ затрогиваетъ въ своей замѣткѣ вопросъ о видахъ рус. глагола, т. е., именно, такой вопросъ, которому особенно посчастливилось «въ научной разработкѣ рус. грамматики» еще трудами Срезневскаго, Буслаева, Аксакова, Некрасова, Грота и др. На изслѣдованіе Н. П. Некрасова «О значеніи формъ рус. глагола» мы и обращаемъ здѣсь вниманіе г. Желтова.

Всестороннее, подкрѣпленное обильными наблюденіями надъ явленіями живого рус. яз., строго-научное изслѣдованіе предмета—дѣлаютъ эту книгу (давно уже изданную), и до сихъ поръ такимъ вкладомъ въ научную обработку рус. глагола, о которомъ, конечно, не простительно забывать ни преподавателямъ отечественнаго яз., ни составителямъ учебниковъ по этому предмету.

Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, далѣе и въ пригодности такихъ терминовъ, какъ «совокупительный видъ» въ классификаціи г. Желтова, а также и въ правильности нѣкоторыхъ частныхъ мнѣній, выраженныхъ въ замѣткѣ.

Кто будетъ оспаривать, что формы «читалъ», «говорилъ» могутъ обозначать и фактъ, уже совершившійся?

Но дѣло въ томъ, что не о времени совершенія факта (по отношенію къ моменту «говоренія») идетъ здѣсь рѣчь, а именно о видѣ, о томъ характерѣ, съ какимъ представляется дѣйствіе говорящему. А

ИЗЪЯВЛЕНІЕ ВИЗЪЯВЛЕНІА

разъ рѣчь идетъ о видѣ, дѣйствіе берется само по себѣ (не относительно другаго дѣйствія) и разсматривается въ отношеніи своей собственной качественности, а въ этомъ смыслѣ почему же и не назвать его длительнымъ (сколько бы сотенъ лѣтъ тому назадъ оно ни завершилось)? Такимъ, т. е. длительнымъ является оно въ представленіи говорящаго, и какимъ же образомъ, поэтому, «теряетъ всякое право на существованіе» терминъ—«длительный видъ»??

«Всякому безпристрастному изслѣдователю» придется, конечно, допустить, что «длительный видъ означаетъ иногда и дѣйствіе, завершившееся» въ дѣйствительности (прибавимъ мы), но придется такому изслѣдователю допустить также и то, что характеръ, качественность дѣйствія не то же, что «время» дѣйствія.

Далѣе авторъ говоритъ: «разница между предложеніями: «ты говоришь правду» и «ты сказалъ правду» заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ дѣйствіе разсматривается аористически, безъ всякаго отношенія ни (sic!) къ продолженію, ни къ окончанію его, а просто лишь какъ нѣчто бывшее во времени, какъ дѣло прошлое и т. д.

Едва ли могутъ вызвать сомнѣнія при граммат. разборѣ выраженія: «ты говоришь правду» и «ты сказалъ правду»: разница здѣсь не только видовая, но и временная, при этомъ не можемъ не прибавити, что выраженіе «аористически» употребляется обыкновенно о «времени» (когда идетъ рѣчь о дѣйствіи, просто совершившемся, безъ отношенія ко времени другаго дѣйствія), а не о «видѣ» (когда дѣйствіе берется само по себѣ, въ собственныхъ качествахъ повторяемости, непрерывности, мгновенности, длительности) здѣсь смѣшиваются именно тѣ понятія, которыя менѣе разграничить и точнѣе опредѣлить и задумалъ авторъ. Происходитъ это, по нашему мнѣнію, отъ той же причины, которая вообще вноситъ путаницу въ нашу грамматическую систему, это—смѣшеніе принциповъ, смѣшеніе «слова» съ «обозначаемымъ словомъ», грамматики

съ дѣйствительностью, съ жизнью. Съ точки зрѣнія дѣйствительности, возможно, напр., что «говоришь» = «сказалъ», «читалъ» = «прочиталъ», но съ грамматической точки зрѣнія, это—совершенно различныя понятія. Съ которой нибудь одной изъ этихъ точекъ, а отнюдь не съ обѣихъ вмѣстѣ, и слѣдуетъ приступить къ изслѣдуемымъ явленіямъ.

Въ заключеніе замѣтки мы скажемъ, что термины «длительный», «законченный» считаемъ вполне пригодными, но что терминъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, всегда будетъ нуждаться въ опредѣленіи, и что гораздо лучше поэтому «работать сообща» надъ составленіемъ ясныхъ, точныхъ опредѣленій, чѣмъ надъ придумываніемъ «новыхъ названій». Что—до всей глагольной системы, она представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Логическимъ основаніемъ дѣленія группы словъ, обозначающимъ признакъ во времени его возникновенія (дѣйствіе, состояніе), на классы является прежде всего качественность этого признака (отсюда дѣленіе на виды; «дѣятельность» берется здѣсь сама по себѣ, въ отношеніи собственнаго начала, повторяемости, мгновенности, длительности, законченности).

Раздѣленные по названному основанію глаголы распадаются потомъ на группы по основанію, которое мы выразимъ такъ: отношеніе «подлежащаго» къ его временному признаку (подлежащее или дѣйствуетъ, или подвергается дѣйствию и т. д.), это—дѣленіе на «залогі». Затѣмъ уже можетъ идти рѣчь объ «измѣненіяхъ» глаголовъ по временамъ (по отношенію къ минутъ рѣчи) и по наклоненіямъ (отношеніе выраженной дѣятельности къ дѣйствительности)—дѣятельность или происходитъ, или предполагается, желается, или же только называется (изъявительное, сослагательное, повелительное, неопредѣленное—поклоненія).

4-го Февр. 1888 г.

С. Воскресенскій.

2.

КЪ ВОПРОСУ ПРАВОПИСАНІЯ:

АГО ИЛИ ОГО? *)

Въ 1 выпускѣ Ф. З. за текущей годъ на стр. 153 г. Шарловскій говоритъ, что написаніе *аго* въ род. п. прилаг. на *ой* не имѣетъ этимологическаго основанія. Такое утвержденіе невѣрно.

Обращаясь къ церковнославянскому языку, мы видимъ, что *ого* есть окончаніе родит. п. ед. ч. мѣстоименій на *з*: *тъ*—*того*, *кто*—*кого*, *самъ*—*самого*, (*юд*)*ниъ*—(*юд*)*ниого* (въ мѣстоименіяхъ на *ь* и *и* окончаніе родит. п. его: *сь*—*сего*, *и*—*его*). Въ прилагательныхъ же формы краткой на *з* окончаніе родит. п. ед. ч. есть *а*: —*зълъ*—*зъла*, въ прилагательныхъ формы полной на *ый* —*ааго* или стяженное *аго*: *зълми*—*зълааго*, *зълааго* (въ

*) Хотя относительно употребленія въ род. пад. прилагат. на *ой* вм. *аго*—*ого* были помѣщены въ «Фил. Зап.» три отвѣта, но такъ-какъ многіе еще, какъ видно, не удовлетворяются данными отвѣтами, какъ и авторъ настоящей замѣтки,—то мы, помѣщая его замѣтку, надѣемся вызвать и другія разъясненія; подобное разъясненіе намъ было уже обѣщано. Но какъ бы то ни было, нововведеніе это стало теперь уже прививаться у насъ къ правописанію и можно полагать, что рано или поздно войдетъ во всеобщее употребленіе, какъ и правописаніе Владимиръ вм. Владиміръ, что мы видимъ уже и въ настоящее время въ ученыхъ трудахъ компетентныхъ лицъ. Въ только что вновь вышедшемъ «Учебникѣ Рус. Грамматики» Проф. и Академикъ А. П. Буслаева (седьмое переработанное изданіе, приготовленное имъ ко дню 50-лѣтняго своего юбилея) почтенный нашъ ветеранъ науки на 87 стр. въ § 78 положительно говоритъ, что «въ настоящее время принимается правило: когда прилагател. муж. р. или сред. въ им. пад. ед. числа оканчивается на *ой* съ удареніемъ, то въ род. пад. слѣдуетъ писать *ого*: *святого*, *второго*; потому же; *жаркое*—*жаркого*». А выше говоритъ, что *ого* и *аго* съ XIII в. съ формою *аго* постоянно смѣшиваются. Отсюда вѣроятно образовались и фамиліи: Благовѣд, Дурновѣд, Хитровѣд.

прилагательныхъ на *ъ* окончаніе родит. п. есть *я*, на *ій*—*яаго* или *яго*). Окончаніе *аго* не переходитъ въ *ого*, но *ого* переходитъ въ *аго* въ мѣстоименіяхъ полной формы на *ый*: самый—самаго, каждый—каждого и т. п.

Этимологія говоритъ противъ окончанія *ого* въ прилагательныхъ; и произношеніемъ оно не подтверждается: въ великорусскомъ говорѣ слышится преимущественно *аво* или *ова*. На чемъ же можетъ быть основано написаніе *ого*? Если бы это употребленіе было всеобщимъ въ силу обычая, то можно бы еще помириться съ нимъ; но до сихъ поръ въ серьезныхъ журналахъ и сочиненіяхъ написаніе *ого* попадалось рѣдко. Тотъ, кто привыкъ писать *ветчина*, можетъ согласиться писать *вдчина*, такъ какъ такое написаніе согласно съ этимологіей; но если ужъ необходимо отказаться отъ окончанія *аго*, скорѣе будетъ умѣстнѣе писать *аво* или *ова*, чѣмъ ни на чемъ не основанное *ого*. Только какая надобность отказываться отъ окончанія *аго*? если только та, что оно измѣняется въ произношеніи, то во многихъ словахъ мы должны, слѣдуя произношенію, измѣнить употребительное нынѣ правописаніе, иначе мы будемъ непослѣдовательны.

М. Петропавловскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ДЮКАНЖА

(по поводу 200 лѣтней годовщины со дня его смерти).

23-го Октября 1888 года исполнилось ровно 200 лѣтъ со дня смерти, одного изъ знаменитыхъ дѣятелей французской науки, Дюканжа.— Въ этомъ же году исполняются тѣ же двѣсти лѣтъ и одному изъ самыхъ замѣчательныхъ его трудовъ: «Glossarium ad Scriptores mediae et infimae Graecitatis». Имя Дюканжа хорошо извѣстно каждому, занимающемуся исторіей, и значеніе его трудовъ давно признано всѣми и вездѣ, и едва ли изслѣдователю средневѣковой жизни Европы, какихъ бы сторонъ ея онъ ни касался, можно обойтись безъ трудовъ Дюканжа.

Шарль Дюканжъ родился 10 декабря 1610 года въ Амьенѣ отъ очень образованныхъ и довольно достаточныхъ родителей *). О первыхъ годахъ его жизни извѣстно очень мало; онъ рано поступилъ въ Іезуитскую коллегію своего роднаго города, гдѣ и окончилъ курсъ 18 лѣтъ отъ роду. Отецъ желалъ, чтобы онъ былъ чиновникомъ и потому отправилъ его въ Орлеанъ изу-

*) Имя его по отцу Дю-Френь; Дюканжемъ (Du Cange) онъ названъ по имени одного изъ родовыхъ помѣстій. Жизнеописаній Дюканжа не много; лучшее изъ нихъ принадлежитъ Фежеру (Feugère, *Essais sur la vie et sur ouvrages de Du Cange* Paris 1852); свѣдѣнія о его жизни можно имѣть—въ статьѣ Pardessus въ *Journal de Savants* за 1847 г. (1 и 2) и Hardouin, *Notice sur la vie et les principaux ouvrages de Du Cange*. Paris. 1838. Очеркъ жизни Дюканжа даетъ проф. В. Г. Васильевскій въ своихъ статьяхъ: «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи»—*Ж. М. Нар.* Пр. 1887—1888 г.; этими статьями мы между прочимъ и пользовались въ настоящей замѣткѣ. Хронологическія даты и сжатый очеркъ о жизни и трудахъ Дюканжа—у Ersch und Gruber (*Encyclopedie*)—28, — 190. а также—Varegeau, — *Dictionnaire universel des littératures*.

чать право, но молодому Дю-Френю чиновничья карьера была не по душѣ и онъ скоро возвратился въ Амьенъ, гдѣ думалъ заняться наукой, къ которой еще въ школахъ обнаруживалъ склонность. Съ этого времени и начинаются его непрерывныя занятія исторіей (главн. образомъ византійской и французской); онъ сталъ заниматься не только изученіемъ фактовъ, но и вспомогательными науками, необходимыми для пониманія исторіи:—языками, филологіей, правомъ, философіей и богословіемъ. Работалъ онъ усердно, съ любовью, но долго не печаталъ своихъ трудовъ и лишь въ 1657 г. 47 лѣтъ отъ роду выпустилъ въ свѣтъ свой первый трудъ: «Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français»..., который сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе, но онъ не торопился опубликовать другія свои изслѣдованія и только въ 1665 году напечаталъ: «Traité Historique du Chef de Saint Jean Baptiste», гдѣ доказываетъ, что глава Іоанна Крестителя должна находиться въ Амьенѣ и что его родной городъ не напрасно гордится этою святынею. Черезъ три года онъ выпустилъ въ свѣтъ исторію Людовика святого; въ этомъ трудѣ онъ издалъ много неизвѣстныхъ еще до тѣхъ поръ источниковъ (напр. исторію этого короля, написанную стихами въ началѣ XIV в. Гильомъ Гиаромъ (Guillaume Cuiard). Въ этомъ же году (1668) Дюканжъ перевхалъ съ семействомъ въ Парижъ, гдѣ и поселился навсегда. Это помогло ему сблизиться съ столичными учеными и получить возможность пользоваться всѣми книгами и византійскими рукописями, которыми такъ богата была Королевская бібліотека въ Парижѣ. Съ этихъ поръ онъ занимается почти исключительно византійской исторіей и литературой и черезъ два года—(1670)—издаетъ Киннама византійскаго историка XII вѣка, кратко описавшаго царствованіе Іоанна II Комнина (1118—1143); къ тексту онъ относится не столько съ филологической, сколько съ исторической точки зрѣнія; въ издаваемомъ сочиненіи онъ цѣнилъ прежде всего новый историческій матеріалъ, и при томъ не только по отношенію къ от-

дѣльнымъ какимъ либо фактамъ, а по отношенію къ цѣлому ряду ихъ, объединяемому одною общою идеей—взаимодѣйствія между востокомъ и западомъ. На этомъ изданіи Дюканжъ не остановился и, въ виду полной неудовлетворительности того, что было до сихъ поръ сдѣлано для разъясненія и облегченія повиманія исторіи Комвиновъ, рѣшилъ прокомментировать Киннама и его предшественниковъ—Анну Комвину и кесаря Вриеннія. Комментаріи Дюканжа очень обширны и имѣютъ вполне однородный и цѣльный характеръ и цѣль ихъ заключается въ разрѣшеніи темныхъ и загадочныхъ мѣстъ въ разсказахъ о вѣдшихъ событіяхъ. Нужна была громадная начитанность и небывалая эрудиція для того, чтобы исполнить задачу общаго сличенія и повѣрки византійскихъ историковъ; проф. В. Г. Васильевскій называетъ изумительною легкость, съ которой Дюканжъ припоминаетъ все напечатанное тогда и многое не напечатанное изъ хроникъ французскихъ, южно-итальянскихъ, германскихъ, славянскихъ и проч... Кажется, что Дюканжъ зналъ все, кромѣ русскихъ лѣтописей, которыхъ, впрочемъ, тогда и нельзя было знать. Примѣчанія его къ этимъ византійскимъ писателямъ перепечатаны въ боннскомъ изданіи (*Corpus Scriptorum historiae Byzantinae*) и ими пользуются до сихъ поръ, какъ не потерявшими своего значенія.

Съ особенной же яркостью обнаружилась ученость и поразительныя знанія Дюканжа въ вышедшемъ въ 1678 году трудѣ: «*Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis* (3 voll. in folio)» *). Въ этомъ «безпримѣрномъ» трудѣ заключается исторія нѣсколькихъ вѣковъ (преимущественно феодальной эпохи) и форма

*). Этотъ словарь нѣсколько разъ переиздавался въ дополненномъ и исправленномъ видѣ. Въ новѣйшее время право изданія пріобрѣтено было книгопродавцемъ Фавромъ, который обращался къ ученымъ съ приглашеніемъ принять участіе въ пополненіи и въ исправленіи драгоцѣннаго труда Дюканжа; это изданіе, выходящее съ 1883 г., кажется, далеко еще не окончено.

Глоссарія только служить для облегченія справокъ. До тѣхъ поръ никто и нигдѣ не собиралъ такой массы греческихъ, латинскихъ, итальянскихъ и др. текстовъ, и изданіемъ этого словаря Дюканжъ воздвигъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ того вѣка.

Дюканжа не утомили ни усилія, ни труды, потраченные на этотъ Глоссарій, его не опьянила и та слава, которую онъ стяжалъ уже себѣ: у него, кажется, не изсякала энергія, и въ продолженіе слѣдующихъ 10 лѣтъ онъ продолжалъ работать надъ изученіемъ византійской исторіи. — Въ 1680 году онъ издалъ новый обширный трудъ, состоящій изъ двухъ частей: *De familiis Byzantinis* и *Constantinopolis Christiana*, которые на второмъ заглавномъ листѣ имѣютъ одно общее заглавіе: — *Historia Byzantina duplici commentario illustrata*. Здѣсь изложена генеалогія византійскихъ императоровъ отъ Константина Великаго до Палеологовъ и Кантакузиновъ и представлено весьма точное и подробное описаніе Цареграда до покоренія его турками; — въ 1687 году онъ выпускаетъ въ свѣтъ *Аналы Зонары* (*Joannis Zonaris Annales*) съ примѣчаніями, извлеченными по большей части изъ неизданныхъ византійскихъ источниковъ.

Наконецъ въ послѣдній годъ своей жизни (1688) — Дюканжъ издаетъ и *Glossarium mediae et infimae Graesitatis* — трудъ пережившій уже двѣсти лѣтъ и до сихъ поръ сохранившій всю свою глубокую научную цѣну.

Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія византіологъ Муллахъ выступилъ съ проэктомъ о переизданіи Глоссарія съ дополненіями, но не имѣлъ успѣха ни въ Берлинской, ни въ Вѣнской академіяхъ наукъ. Ту же мысль дѣлалъ и нашъ высокозаслуженный академикъ А. А. Куникъ. Его докладъ помѣщенъ въ Учен. Зап. Акад. Наукъ по 1 и 3 отд. т. III, 1855 г. Здѣсь подробно изложены идеи Муллаха.

Дюканжъ имѣлъ въ виду дать въ своемъ словарѣ объясненіе неологизмовъ и рѣдкихъ или иностранныхъ

словъ и реченій, употреблявшихся въ Византіи, кромѣ того—техническихъ терминовъ придворныхъ, церковныхъ, юридическихъ военныхъ, медицинскихъ и проч., представить происхожденіе ихъ и, слѣдовательно, разъяснить учрежденія, обычаи, нравы, т. е. весь политическій, религіозный и социальный бытъ Византійской имперіи.

Дюканжъ пользовался массой матеріала и, дѣйствительно, выполнилъ трудъ, надъ которымъ, казалось должно было бы работать цѣлое ученое общество. Въ предисловіи къ Глоссарію Дюканжъ говоритъ о причинахъ порчи греческаго языка (*de causis corruptae graecitatis*), среди которыхъ онъ одною изъ главныхъ считаетъ колоніи въ Египтѣ, Сиріи, Сициліи и проч., гдѣ языкъ находился подъ вліяніемъ варварскихъ нарѣчій. Неблагопріятно сказалось на языкѣ и вліяніе Рима, внесшаго много своихъ терминовъ. Послѣ предисловія перепечатана грамматика Порція (*Simonis Portii Romani, Doctoris Theologiae grammatica linguae graecae vulgaris*), гдѣ объясняются отличія древнегреческаго языка отъ новаго и народнаго. Въ Глоссаріи выступаютъ наружу въ алфавитномъ порядкѣ матеріалы, собранные авторомъ въ теченіи всей его ученой дѣятельности. Подъ отдѣльными словами, напримѣръ, *διάκων*, *ἔλαιον*, *ἐκκλησία*, *ἐπαρχος*, *λειτουργεῖν*, *λειτουργία*, *ἐπαρχία*, *ἐξάρχαι*, *προσκομιδή* и др. авторомъ написаны цѣлыя обширныя диссертациі *), при этомъ слѣдуетъ отмѣтить ту объективность, съ которой авторъ—этотъ ученикъ

*) Для насъ русскихъ особенно интересны славянскіе глоссы, напр : Βογομίλοι, названіе которыхъ онъ производитъ такъ: Βογοmilus—«qui Dei misericordiam implorat». Нельзя при этомъ не вспомнить древнѣйшаго термина въ яз. св. Кирилла для понятія о молитвѣ: **МНАЪ СЛ ДѢТН**. Прибавимъ и его любопытное, прямое объясненіе французскаго—*Во u gres*: «Bulgari, inde haeretici sic dicti ex Bulgaria orti». Интересно сопоставить это объясненіе съ тѣмъ, которое даетъ Littré въ *Dictionnaire de la Langue française*.

іезуитовъ, говорить о различныхъ религіозныхъ вопросахъ. Въ концѣ среди различныхъ appendix'овъ, дополненій и исправленій приложенъ «Index auctorum graecorum ineditorum ac editorum, qui in hocce glossario laudantur et illustrantur»; достаточно сказать, что въ числѣ неизданныхъ источниковъ (inediti) отмѣчено болѣе 400 названій, — изданныхъ же пособій Дюканжъ изучилъ 650, — чтобы отнестись съ величайшимъ благоговѣніемъ къ труду, оставшемуся намъ въ наслѣдіе отъ столь давно прошедшаго времени.

И изъ нашей бѣглой и краткой замѣтки о трудахъ Дюканжа, надѣемся, можно заключать о великихъ заслугахъ этого скромнаго человѣка предъ исторической наукой по изученію Европы. — И теперь чрезъ 200 лѣтъ послѣ его смерти заслуги эти нисколько не уменьшились и среди людей занимавшихся и занимающихся византійской исторіей первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ Шарлю Дюканжу. Его можно смѣло поставитъ во главѣ того общества ученыхъ, которые помимо Боссюэта, Расина, Мольера, Фенелона и др. дѣлаютъ блестящимъ вѣкъ Людовика XIV.

Дюканжъ удостоился рѣдкой для ученаго чести: въ Амьенѣ, его родномъ городѣ, въ 1849 г. ему воздвигнуть былъ памятникъ; 200-лѣтній же юбилей его не пройдетъ, конечно, безслѣдно и вызоветъ, можетъ быть, у современныхъ византистовъ не одно изслѣдованіе о жизни и трудахъ ихъ великаго учителя.

М. Попруженко.

Одесса.

НАШИ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЯЗЫЧЕСКИХ БОГАХЪ РУССКОЙ МИФЛОГИИ *).

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ собрана несмѣтная масса разнородныхъ матеріаловъ и указаній по части общеславянской мифологіи, сваленныхъ въ одну общую хаотическую груду обрядовъ, повѣрій и собственныхъ именъ, въ которой и разобраться трудно. Невольно приходится намъ на умъ, при этой кучѣ матеріаловъ, лавка антикваріевъ: здѣсь, возлѣ обломка древней греческой статуи, стоитъ средневѣковой рыцарь въ своемъ панцирѣ и шлемѣ, возлѣ молота, доисторическаго каменнаго вѣка, лежитъ турецкая сабля или черкесскій ятаганъ, а возлѣ стараго саксонскаго фарфора--новѣйшая поддѣлка серамидческаго искусства. Конечно, намъ могутъ возразить, что всѣ эти предметы принадлежать къ исторіи общечеловѣческой культуры, но тѣмъ не менѣе они все же ничего цѣлаго собой представлять не могутъ. Точно тоже можно сказать и о грудѣ скопленныхъ передъ нами свѣдѣній и фактовъ, часто ничего общаго между собой не имѣющихъ, но все же касающихся общеславянской мифологіи. Прежде чѣмъ выводить системы и теоріи изъ данныхъ, иногда совершенно разнородныхъ, слѣдовало бы заняться критической оцѣнкой самыхъ матеріаловъ, ихъ источниковъ и ихъ большей или меньшей достовѣрности. Пора бы отказаться пока и отъ общеславянскихъ языческихъ воззрѣній, причиняющихъ у насъ нерѣдко много путаницы. Различныя вѣтви славянскаго племени развивались неодновременно и не подъ одинаковыми бытовыми и климатическими условіями, почему при всемъ родственномъ тождествѣ основныхъ началъ, языка и вѣрованій всѣхъ Славянъ, нельзя однако-жь возводить повѣрье какой нибудь отдѣльной вѣтви въ общеславянской культъ и навязывать русской или сербской на-

*.) Статья, служащая отвѣтомъ на 235 вопросъ, предложенный Московскимъ Археологическимъ Обществомъ на разработку для 8 Археологическаго съѣзда.

родности чисто — мѣстное сказаніе Болгарь, Чеховъ, или кумирслуженіе балтійскаго поморья. Одна и таже религіозная идея принимается у различныхъ племенъ различныя имена и формы проявленія, а иногда, по корню своему, сходныя названія получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ и разныя значенія; часто заносятся религіозныя воззрѣнія другихъ народностей къ ихъ ближайшимъ славянскимъ сосѣдямъ и большое вліяніе имѣютъ на мѣстное развитіе отдѣльныхъ вѣрованій — географическое положеніе и климатическія условія.

Если обратимся мы теперь къ источникамъ много-различныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, мы вездѣ встрѣтимся съ двумя, постоянно отдѣльными, группами источниковъ: изустной народной передачи и свѣдѣній, дошедшихъ путемъ письменности, свѣдѣній, непременно прошедшихъ черезъ горнило монашеской нетерпимости духовныхъ писателей, какъ католической, такъ и православной церкви. Но нигдѣ это различіе не высказывается такъ рѣзко, какъ въ нашихъ туземныхъ русскихъ преданіяхъ. Повѣрье о домовыхъ, лѣшихъ и русалкахъ еще и до нынѣ живетъ въ каждомъ изъ нашихъ селеній; другія же божества язычества, если и исчезли изъ суевѣрнаго воображенія простого народа, сохранились для насъ или въ обрядныхъ празднествахъ и играхъ, какъ Ярило, Турица или Навій день, или звучатъ еще въ нашихъ пѣсняхъ и поговоркахъ какъ: Лядо, Чуръ или Карачунъ. Вообще всѣ эти имена чисто — русскія и для cadaго осмысленныя и всякому понятныя безъ помощи иранскихъ и санскритскихъ словопроизводствъ. Имена же книжнаго источника, всѣ безъ исключенія, нынѣ совершенно чужды русскому народу и непонятны, такъ какъ не оставили по себѣ ни малѣйшаго отголоска, ни въ бытовыхъ обрядахъ, ни въ лингвистической связи этихъ именъ съ олицетворяемыми ими явленіями природы, — такъ что положительно можно сказать, что если бы не дошли до насъ лѣтописи, повѣствующія о сооруженіи кумира въ Кіевѣ и о договорныхъ клятвахъ Игоря и Олега, мы

бы не имѣли ни малѣйшаго понятія о Перунѣ, Хорсѣ, Дажбогѣ и Мокоши.

Духовенство наше, въ первые вѣка христіанства на Руси, далеко держалось отъ бытовой жизни народа и не только не интересовалось ею, но съ омерзениемъ отворачивалось отъ всего, что духовнымъ отцамъ казалось богомерзкими остатками прежняго идолопоклонства. Понятно, что суевѣрія и языческія преданія народа трудно проникали сквозь стѣны монастырей, гдѣ въ своихъ уединенныхъ келіяхъ наши ученые монахи писали свои лѣтописи, поученія, требники и прочія духовныя сочиненія, поэтому естественно, что монахи знали о нашемъ язычествѣ также только изъ древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ. Эти письменныя свѣдѣнія раздѣляются на двѣ категоріи. Первая категорія—это лѣтописи, въ которыхъ почти буквально переписывались слова Нестора о Владимировыхъ кумирахъ, сохраняя даже въ перечисленіи ихъ порядокъ Лаврентіевской лѣтописи. Такъ напр., въ Степеной книгѣ, лѣтописяхъ—Никоновской, Архангелогородской, Софійской, Ипатьевской, Густинской и пр. Въ двухъ послѣднихъ находятся кромѣ того еще вставки съ именами новыхъ кумировъ, явно заимствованныхъ, въ Ипатьевской изъ болгарскаго хронографа, а въ Густинской изъ Польско-Германскихъ хроникъ и историковъ. Вторая категорія состоитъ изъ поученій, посланій и другихъ сочиненій духовной литературы нашей старины XII до XVI вѣка, въ которой подъ влияніемъ византійскаго просвѣщенія, кромѣ Несторовскихъ кумировъ, встрѣчаются и новыя имена югославянскаго происхожденія и классической греческой міеологіи, такъ напр. появляются у насъ вслѣдъ за Перуномъ и Хорсомъ имена Аполлона и Артемиды или же болгарскаго сказочнаго вѣра Трояна, сербскихъ виль и дивъ. Относительно языческихъ обрядовъ свѣдѣнія этихъ писателей чрезвычайно скудны и кажутся не подмѣченными изъ дѣйствительной жизни народа, но почерпнутыми книжнымъ путемъ изъ другихъ источниковъ и только искусственно навязанными русскимъ Славянамъ.

Наконецъ изобилуютъ эти поученія общими мѣстами противъ всякаго проявленія свѣтскихъ увеселеній и народныхъ празднованій внѣ церкви и молитвы: «Сходятся мужи, и жены, и дѣвицы на nocturne плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла»..

«Того ради не подобаеъ христіанамъ игръ бѣсовскія играти еже есть: плясаніе, гуденіе, пѣсни мірскія, идольскія жертвы. Каковы-же христіане, а поганыхъ образъ носяще обезображивая лице, творя неистовые крики, плясанія, сатанинскія рукоплесканія, или женскіе уборы надѣваемые мужами»... «Ибо той и зрѣлице придумалъ и научилъ смѣхотворца и кощунника и играца, да и злыми дѣлами ихъ погубить и зрящихъ»... Первое извѣстіе о языческихъ богахъ встрѣчается въ лѣтописи при клятвенныхъ договорахъ Олега, Игоря и Святослава съ Греками. По русскому закону клялись оружіемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ, Волосомъ скотымъ богомъ: «Да будетъ клять отъ бога и отъ Перуна и да кладемъ клятву отъ бога въ его же вѣруемъ — въ Перуна и Волоса бога скотьяго».

Много лѣтъ тому назадъ высказали мы предположеніе, что каждое племя, въ составѣ княжеской дружины, клятву приносило по своему закону своимъ народнымъ божествомъ: Варяги Перуномъ, а Славяне — Волосомъ. Въ клятвѣ Олега къ имени Перуна добавлены слова: «богомъ своимъ», прямо относящіяся къ самому Олегу; въ договорѣ Святослава еще яснѣе выражается таже мысль, — здѣсь клятва дается отъ бога, въ котораго вѣруемъ и какъ бы нами на выборъ называются два божества: Перунъ и Волосъ. Кумиръ перваго изъ нихъ существовалъ уже въ Кіевѣ гораздо раньше другихъ идоловъ при Олегѣ или Игорѣ: «за утро призва Игорь слы и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ». Но всѣтаки, какъ кумиролуженіе, такъ и самое имя Перуна и другихъ кіевскихъ божествъ явленія, чуждыя языку и вѣрованіямъ туземцевъ, занесены къ намъ въ историческую эпоху первыхъ кіевскихъ князей. Въ кратковре-

менномъ своемъ существованіи на берегахъ Днѣпра эти божества не успѣли войти въ народъ и проникнуть въ его бытовую жизнь, почему они и исчезаютъ у насъ почти безслѣдно съ самаго момента уничтоженія ихъ.

До Перуна едвали наши русскіе Славяне имѣли идоловъ и кумировъ; съ появленіемъ послѣднихъ появились и кровавыя жертвы, которыми «осквернишася земля русская и холм отъ», какъ выражается Несторъ, прямо указываетъ этими словами на новизну требъ. На эту новизну культуса громовержца и связаннаго съ нимъ кумиропослуженія, указываютъ намъ еще другія свидѣтельства, въ особенности слова Св. Григорія: «начаша требы класти роду и рожаницамъ, прежде Перуна бога ихъ (иныхъ) и переже того клали требы упиремъ и берегинемъ».

Со стороны князей едвали не связывалась съ введеніемъ на Руси общественныхъ торжествъ кумиропослуженія, правительственная мѣра, стремящаяся укрѣпить политическое владычество духовною властію. Въ особенности проглядываетъ это стремленіе въ поступкахъ Владиміра, который, не найдя и здѣсь достиженія своей цѣли, начинаетъ замышлять о новой вѣрѣ, для чего разсылаетъ повсюду пословъ изучать религіи другихъ народовъ; самъ вникаетъ въ законы и обряды христіанъ, евреевъ и магометанъ и, пораженный торжественностію богослуженія греческой церкви, принимаетъ святое крещеніе и вызываетъ въ Кіевъ священниковъ изъ Царьграда для крещенія своего народа.

Появленіе кумировъ въ Кіевѣ положительно можно считать исторической случайностію, не имѣющей ничего общаго съ развитіемъ туземныхъ вѣрованій языческаго народа. Самое первенство, приписываемое Перуну нынѣ въ нашей миѳологіи, кажется намъ также искусственнымъ выводомъ нашей современной науки. Изящная словесность создала слово перуны, а миѳологія связала съ именемъ Перуна всѣ примѣты и повѣрья, относящіяся къ физическому явленію грома или первоначальному божеству грозовыхъ тучъ, если нѣтъ сомнѣ-

нія, что Ілія пророкъ, по сказанію народныхъ легендъ и суевѣрій, замѣнилъ у насъ древнѣйшее божество грома языческаго періода, изъ этого еще не слѣдуетъ, что совершенно во всемъ можно отождествлять Ілію съ Перуномъ. Подобныя безцеремонныя извращенія народныхъ преданій, переходя изъ одного ученаго сочиненія въ другія болѣе популярныя книги и учебники, совершенно искажаютъ самое преданіе *).

У насъ на Руси положительно имя Перуна не сохранилось ни въ одномъ выраженіи языка, ни въ одномъ собственномъ имени, ни въ сказкахъ, ни въ суевѣрныхъ обрядахъ народа, тогда когда въ Польшѣ и Литвѣ, какъ у латышей его имя донынѣ служитъ названіемъ грома, и Перкунъ еще живетъ въ сказкахъ и легендахъ литвина и латыша **). У Бѣлоруссовъ же и Карпатскихъ Словаковъ имя громовержца въ поговоркахъ служитъ синонимомъ діавола, «Кабъ цябе Перунъ узявъ», «Паромъ те грѣскуль забилъ». И такъ имя Перуна, будь оно и чисто славянскаго происхожденія, все же у насъ на Руси не туземно и дошло до насъ письменнымъ путемъ лѣто-

*) Часто грѣшитъ Аванасьевъ въ этомъ своевольномъ перенесеніи фактовъ отъ одного лица на другое, но гораздо дальше идетъ Квашнинъ-Самаринъ, рассказывая болгарскую легенду о кражѣ солнца сатаной, онъ ставитъ вмѣсто христіанскаго Бога—Бѣлбога, вмѣсто сатаны—Чернабога, а вмѣсто Архангела—Перуна, какъ будто эти имена встрѣчаются и въ народной передачѣ (Русская бѣсѣда 72 г. книга 4, страница 233). Дальше онъ описываетъ Перуна слѣдующими словами. Ему вручилъ Бѣлбогъ мелотъ небесный, ему поручилъ вѣчную войну противъ злаго начала. На огненной колесницѣ, запряженной огнедышащими конями носится громовникъ въ небесныхъ пространствахъ, сопровождаемый Стрибогомъ и вѣтрами, натягиваетъ свой гремящій лукъ—радугу, пускаетъ стрѣлу молнію и сокрушаетъ темныя полчища враговъ. Всѣ эти подробности заимствованы у германскаго Тора или у Ильи громовника, а Перуну приписывается все это въ воображеніи автора статьи.

**) См. сборникъ матеріаловъ по этнографіи выпускъ 2-й, Литвинскія миеологическія сказки, стр. 5—7; Вуслаева, Народная Рус. поэзія, 1 т. 333 стр.

писи, откуда оно проникло въ требники и духовныя поученія XV в.

Остальные кумиры, воздвигнутые въ Кіевѣ Владиміромъ: Хорсъ, Дажьбогъ, Стрибогъ, Симаргла или Сима и Ръгла и Мокоша.

Хорсъ (Хърсъ) и Дажьбогъ были оба богами солнца; въ Лаврентіевскомъ текстѣ они не отдѣлены другъ отъ друга, какъ прочія имена частичкой і, почему Бодянский и считаетъ послѣдняго объяснительнымъ русскимъ переводомъ иноземнаго Хорса. Въ послѣднее время, новѣйшіе наши лингвисты *) стали рѣшительно отрицать зендское словопроизводство Хорса отъ персидскаго Хуршитъ (осетинскій Хуръ, дезгорское Хорсъ т. е. солнце). Какъ Ягичъ относительно Дажьбога отрицаетъ производство его имени Срезневскимъ отъ санскритскаго Dañ горѣть и возвращается къ повелительному наклоненію глагола дать. Въ нашей книгѣ, Русская народность, мы высказали свой взглядъ на Хорса, какъ на солнце въ его зловредномъ зимнемъ полугодіи, что и подтверждается его сближеніемъ съ чешскимъ Сатурномъ Krt. **). В. С. Миллеръ видитъ въ ореографической разницѣ Лаврентіевскаго Хърса и Дажьбога съ Хръсомъ и Дажьбогомъ «Слова о полку Игоревѣ» вліяніе на его сочинителя югославянскихъ литературныхъ источниковъ. Замѣчательно, что Хорсъ названъ жидовиномъ въ Бесѣдѣ трехъ Святителей Погодинскаго списка: «два аггела кромѣшніе суть—олимпійскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ». Въ нашихъ былинахъ богатырь-жидовинъ считается Безсоновымъ за Хозарина или волжскаго болгара:—

«Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ той-ли земли изъ жидовскія
Проѣзжалъ жидовинъ могучь-богатырь
На эти степи Цысарскія!»

*) Jagić, Archiv für Slav. Philologie, 5 ч. 1 кн. Mythol.

**) Письмо Эрбена къ Гильфердингу о славянской мифологіи.

Такъ какъ оба эти племена въ VIII в. приняли еврейство раньше, чѣмъ перешли въ магометанство *), къ югославянскому происхожденію этого мнѣнія склоняется и Ягичъ, въ виду приведенной имъ сербской сказки о Дабогѣ: «Био Дабогъ цар на земль и Господ Бог на небесима **), въ которой Дабогъ разыгрываетъ роль побѣжденной Богомъ нечистой силы. Случайное же названіе какой-то деревни Дацбоги и областное выраженіе даждьбогъ вмѣсто дайбогъ представляются въ нашихъ глазахъ весьма сомнительными памятниками кіевскаго кумира. Что касается звуковъ *кз*, *хз*, то они у всѣхъ арійскихъ племенъ сохранились въ языкѣ и собственныхъ именахъ въ такомъ множествѣ различныхъ корней и созвучій, что въ этомъ филологическомъ лабиринтѣ легко нашимъ доморощинскимъ лингвистамъ заплутаться и заблудиться, нисколько не доказывая туземность Хорса своими сближеніями съ прозвищемъ гончихъ собакъ (хорты) или аглицкимъ названіемъ лошадей.

Стрибогъ по корню своего имени безсомнѣнно славянскаго происхожденія, отъ *стри* по моравски вѣтеръ, созвучное съ нашими быстрый, стремительный, стрѣла; «въ словѣ о Полку Игоревѣ» вѣтры названы Стрибожьими внуками. Указываютъ у насъ на озеро Стрибожь, сюда же относится чешское и болгарское вѣдма-Стрига, собственно моравая язва, повѣтріе и Tribess; у западныхъ Славянъ богъ повѣтрій, падежа, у Вацерада переводится латинскимъ Lues, все это указываетъ намъ скорѣе на божество западныхъ Славянъ, во всякомъ случаѣ не русское.

Загадочная Симаргла или Сѣма и Рѣгла, по чтенію Архангелогородской лѣтописи, божество очевидно иноземное и намъ совершенно чуждое. Занесено ли оно въ Кіевъ съ Кимеритійскихъ береговъ Чернаго моря

*) См. пѣсни Кирѣвскаго, 4 т. прил. СXXXIV стр. Барсова Вѣст. Евр. 1879 г. Апр. стр. 808 и Риттиха, Этногр. Россіи, Казанской губер. отр. 31.

**) Jagić, Archiv für Slav. Philologie 5 ч., 1 кн. Mythol.

или съ Македонскаго побережья, нынѣ столь богатаго греческими воспоминаніями классическаго міаа *). Одни стараются отыскивать въ Реглѣ семиритійскаго Нергала **), восторскаго Анерга, одной надписи царицы Комоссоры, сообщенной Ашикомъ въ его Восторскомъ царствѣ, когда Ягичъ видитъ въ Реглѣ Семь Ираклиса, грекоегипетскаго міаа, при чемъ замѣчаетъ, что именно Иракль былъ въ большомъ почтеніи въ Македоніи, гдѣ имѣлъ храмы. Пытались нѣкоторые изслѣдователи Регла отождествить съ Ерылой (регла-ергла-ера Ерыла) нашихъ русскихъ повѣрій, но попытка эта оказывается столь же несостоятельной, какъ поддѣлка польскими и нѣмецкими учеными Симарглы въ Зимстерглу, для объясненія ея значенія богиней весны, стирающей слѣды зимнихъ морозовъ.

Послѣдній кумирь Несторовскаго списка, Мокошь или Мокоша, признается многими по своему окончанію за божество женскаго рода; замѣчательно, что въ «Словѣ о Св. Евангеліи» ***) имя Мокоши упоминается въ ряду отрѣченныхъ книгъ: «И вѣровати въ лживыя писанія и еллинскія книги, въ баснотворья, и въ встрѣчу, и въ Мокошь, и въ сновидѣніе, чары птицъ, въ громникъ и колядникъ и въ весь мартолой проклятый». Ягичъ полагаетъ слово Мокошь за испорченное еврейское Малакія: «і Мокашь чтуть і Малакію велми почитаютъ рѣкущи буыкини». Прежніе нѣмецкіе ученые сравнивали Мокошу съ симирийскимъ грознымъ Молохомъ, но въ послѣднее время являются нѣкоторые признаки русской туземности этого божества, принятаго, можетъ быть, въ видѣ уступки народнымъ вѣрованіямъ

*) Напр. пѣсни объ Орфеѣ, изданныя Верховичемъ, сказаніе объ ослиныхъ ухахъ Мидаса, перешедшее на краля Трояна и сказанія о взятіи Трои и походахъ Александра Македонскаго.

**) Собственно ассирійское названіе Сиріуса, благовѣстителя восхода солища, почему пѣтель его атрибутъ, а въ Талмудѣ Нергалъ изображается деревяннымъ пѣтухомъ.

***) Лѣтопись русской литературы, 4 т. 106 стр.

въ пантеонъ Кіевскихъ кумировъ, гдѣ оно занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Даль въ своихъ пословицахъ приводитъ поговорку: «Богъ не Мокешъ чѣмъ нибудь и утѣшь». Макуша смотритъ за пряжей, подобно германской Перхтѣ и нашей Пятницѣ, то сама прядетъ у заснувшей пряхи, то развиваетъ веретено у работающихъ въ праздникъ. Макушѣ подлежитъ не одна пряжа, но и шерсть, когда овцы стираютъ другъ у друга и съѣдаютъ свою шерсть, то говорятъ, что Макуша отстригла этотъ блокъ у овцы, а въ ножницахъ, которыми стригутъ овецъ, оставляютъ клочки шерсти для Макуши *).

Послѣ Кіевскихъ кумировъ занимаютъ видное мѣсто въ нашей теогоніи по значенію, приданному новѣйшими учеными, богъ небснаго свода Сварогъ (Саворогъ), хотя онъ и не встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ, за исключеніемъ Ипатіевской, и то лишь въ помѣщенномъ въ ней отрывкѣ болгарскаго хронографа, который въ свою очередь оказывается переводомъ византійскаго писателя Малалы. Вотъ это мѣсто: «И бысть по потопѣ и по раздѣленіи языкъ, поча царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Θεоста, иже и Соварога нарекоша Егуптяне; царствующю сему Θεостѣ въ Егуптѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, преже бо того палицами и каменіемъ бяхуса. Тѣи же Θεоста законъ женамъ устави за единъ мужъ посягати и ходити говѣючи, а иже прелюбы дѣючи, казнити повелѣваше, сего ради прозвашася богъ Сварогъ; Θεостъ же сій законъ разсыпа и встави единому мужю жену едину имѣти, и женѣ за единъ мужъ посягати, аще ли кто переступитъ, да ввергнуть въ печь огнену. Сего ради прозваша его Сварогомъ и блажиша его Егуптяне. И посемъ царствова сынъ его, именовъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ, семъ тысящъ и 400 и семьдесятъ дній, яко быти лѣтома двѣмъдесятьма по лунѣ, видяху бо Егуптяне иніи чисти, ови по лунѣ чтаху, а

*) В. Евр. 10 кн. 805 стр.

друзіи... деньми лѣтъ чтаху, двою бо надесять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, отнелѣ же начаша человекѣи давь давати царемъ». Въ Словѣ же о суевѣрїи, напечатанномъ въ описанїи рукописей Румянцевскаго музея, и на которую мы еще будемъ имѣть случай ссылаться, читаемъ между прочимъ: «Огневи молятся, зовутъ его Сварожицемъ». Наконецъ, въ латинской хроникѣ Дитмара, епископа Мерзбургскаго, при описанїи капища Редерянскаго города, названнаго имъ Радегастомъ, упоминаетъ онъ главнаго идола сего храма именемъ Zuarasici, Svarazi же имя встрѣчается также въ посланїи Св. Бруно своему брату императору Генриху II, въ квинтлинской сагѣ божество это названо Svaraviz.

Знатокъ языка и древности славянской, знаменитый Шафарикъ, не преминулъ признать Сварога Ипатіевской лѣтописи и Суаразица Дитмара за одно и тоже божество неба или небеснаго свода отъ санскритскаго корня var—обнимать и svar—небо; въ славянскихъ нарѣчіяхъ отыскивается одно единственное выраженіе, соотвѣтствующее этой формѣ, въ старо-чешскомъ Suog—своръ по Mater Verborum—Зодїй.

Въ русской ученой литературѣ появленіе Сварога породило цѣлую новую систему генеалогїи славянскихъ боговъ, которая при авторитетѣ именъ Срезневскаго и Соловьева, перешла нынѣ и въ наши учебники, какъ неоспоримая аксіома, что Дажьбогъ и западный Радегастъ и Перунъ, какъ богъ небеснаго огня-молніи, всѣ трое дѣти небеснаго свода Сварога и носили общее прозваніе Сварожичей. Шаткость всей этой системы очевидна. Семейные узы возможны только при свободной индивидуальной жизни боговъ, до которой никогда не успѣла развиваться славянская миѳологія, почему выраженіе: отецъ, сынъ, мать или сестра являются въ нашихъ миѳахъ чисто риторическими тропами, къ которымъ относятся и всѣ подобныя метафорическія выраженія, такъ часто употребляемыя авторомъ Слова о полку Игоревѣ; если обратимся къ главной основѣ всей системы, т. е. къ греческому тексту Малалы, то увидимъ, что

туть дѣло идетъ собственно о Египтѣ, гдѣ изобрѣтателемъ земнаго огня считается Фта, слившійся въ греческой мифологіи съ небеснымъ ковачемъ Гефестомъ, сковавшій молные для Зевса. Ни Фта, ни греческій Гефестъ, ни Вулканъ латинскаго текста Малалы не были отцами Sol Гелиоса или Аполлона и никто не вздумаетъ доказывать подобное предположеніе по словамъ Малалы: «Post mortem Vulcani regnavit ad Aegyptum filius ejus Sol (по гречески Гелиосъ), Sol vero Vulcani filius». Теорія о Сварожичахъ возбуждаетъ еще любопытный вопросъ: существовало ли въ дохристіанской Руси патронимальное названіе сына по отцу—отчество? Рюрикъ, Олегъ, Аскольдъ и Диръ встрѣчаются въ лѣтописяхъ безъ всякаго отчества; не происходитъ ли поэтому такой обычай отъ высокаго христіанскаго значенія имени, даннаго въ честь ангела хранителя при крещеніи? Этотъ обычай встрѣчается на западѣ въ первые вѣка христіанства и даже первые римскіе папы вмѣсто фамильныхъ прозвищъ позднѣйшихъ временъ, обозначаются только крестнымъ именемъ отца такого-то *filius*. В. С. Миллеръ, а до него князь Оболенскій, въ Введеніи его къ Періяславско-Суздальской лѣтописи *), приписываютъ вставки къ чужеземнымъ именамъ греческаго текста при переводѣ славянскихъ объяснительныхъ именъ Сварога и Джьбога болгарскому хронографу, изъ котораго почерпнуты свѣдѣнія русскаго лѣтописца. Ягичъ **) напротивъ полагаетъ, что эти имена приписаны сѣверной Россіи, какому-нибудь ученому новгородскому монаху, къ которому прямо относить изобрѣтеніе имени Сварога, какъ объяснительное прозвище Феоста по его дѣяніямъ. Дѣйствительно, 2 раза въ текстѣ говорится, что онъ былъ названъ Сварогомъ во 1-хъ за то, что началъ ковать оружіе, а во 2-хъ за то, что установилъ законъ о бракѣ. Сварить, сваривать употребляется у насъ

*) В. С. Миллера взглядъ на Слово о полку Игоревѣ 73 ст. и Временникъ 51 года.

**) Iagic Archiv Slav. Philologie 4 ч. 3 кн. 412 стр.

въ смыслѣ ковать, а сварщикъ въ смыслѣ кузнеца, а свадьбы, какъ нравственные цѣпи, связывающія супруговъ между собою, куются по нашимъ народнымъ воззрѣніямъ мифическимъ ковачемъ Козьма—Демьяномъ, какъ говорится у насъ—сковать свадьбу, а въ бѣлорусской пѣснѣ прямо поется: «А святы Кузьма и Дзиманъ, скуй намъ свадзибку!» *) Отсюда и областныя выраженія (новгородскія) сварьба, сваребный, вмѣсто свадьба и свадебный, почему Ягичъ и въ Сварогѣ видитъ только синонимъ сварщика, кузнеца. Если допустить подобную гипотезу, то не трудно будетъ въ прозваніи огня Сварожичемъ видѣть простую метафору духовнаго проповѣдника, знакомаго и съ русскимъ текстомъ Малалы и съ общимъ значеніемъ Вулкана, какъ ковальщика и бога огня. Такимъ образомъ изъ всей теоріи о Сварогѣ и его сыновьяхъ остается намъ только одно положительное свѣдѣніе Дитмара и Св. Бруно о существованіи у балтійскихъ Славянъ кумира Суаразица, не имѣющаго ничего общаго съ нашими русскими преданіями. Переходя теперь къ духовнымъ поученіямъ, упоминающимъ о языческихъ вѣрованіяхъ, мы приведемъ здѣсь сначала самый отрывочный текстъ этихъ поученій, означая ихъ номерами, чтобы въ послѣдствіи ссылаясь на нихъ, не повторять заглавій помянутыхъ источниковъ.

Главные подробности находятся въ особенности въ 3-хъ поученіяхъ: 2-хъ апокрифахъ Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и въ Словѣ нѣкоего Христолюбца, найденныя въ нѣсколькихъ спискахъ. Эти поученія написаны какъ-будто однимъ перомъ, по сходству повторяющихся въ нихъ именъ и свѣдѣній, что ясно указываетъ на какой-то древнѣйшій, имъ всѣмъ общій, но намъ еще неизвѣстный, источникъ. Отъ всѣхъ этихъ текстовъ вѣетъ одинакій духъ не русской народности, а совсѣмъ чуждой ученой начитанности. Самыя историческія данныя нашихъ лѣтописей имѣли весьма слабое вліяніе на это сочиненіе, вліяніе, ограничивающееся внесеніемъ именъ

*) Очерки арійской мифологіи, В. Миллера 244—280.

півескихъ боговъ, въ заранніе готовые текеты, безъ всякихъ особыхъ къ нимъ комментаріевъ. Какъ позднѣйшія вставки эти имена вездѣ неразлучно упоминаются вмѣстѣ одинъ за другимъ въ началѣ или концѣ исчисленія кумировъ. Дажьбогъ и Стрибогъ обыкновенно выкидываются изъ этихъ списковъ, вѣроятно изъ благоговѣйнаго страха всеу употреблять настоящее имя Господне при прозвищахъ поганныхъ идоловъ, единственное исключеніе составляетъ слово Іоанна Златоуста, гдѣ эти божества названы Дажба и Стриба и такимъ сокращеніемъ избѣгнута напрасныя упоминанія истиннаго Бога.

Про Волоса, которымъ клялись наши княжескія дружины, ничего не знаютъ наши духовныя поученія, что еще болѣе утверждаетъ насъ въ туземности русскаго скотьяго бога. Перунъ въ одномъ изъ текстовъ (№ 2) принимаетъ югославянскую форму Перена, Хорсъ встрѣчается съ ореографіею Хоурса (№ 2), еще болѣе сближающей его съ иранскими названіями солнца. Симаргла пишется постоянно въ два слова, по писанію Архангелогородской лѣтописи, а Мокоша встрѣчается въ формѣ Макоша. Сколько можемъ судить объ общемъ взглядѣ нашихъ духовныхъ проповѣдниковъ на повѣрья, обычаи и увеселенія нашего народа, они все языческое и богомерзское считали завесеннымъ къ намъ Халдеями, Египтянами и окаянными Еллинами. Судя по многимъ упомянутымъ подробностямъ въ этихъ текстахъ въ особенности по тѣмъ, которыя, по своей гнусности, мы здѣсь совершенно пропускаемъ, принадлежатъ большею частью къ обрядамъ и вѣрованіямъ симитійскимъ, съ которыми наши духовные писатели чаще сталкивались въ Ветхомъ Завѣтѣ, почему всѣ эти подробности принадлежатъ скорѣе ученіямъ Талмуда и халдейской астрологіи, впрочемъ путанница въ міеологическихъ познаніяхъ нашихъ духовныхъ писателей очевидна, когда финикійскаго Ваала сближаютъ съ египетскимъ Озирисомъ, а Дію (Зевсъ) критскому окаянному учителю въ параллель ставятъ Магомета, проклятаго срацинскаго жреца.

I. Слово Св. Григорія Богослова, заимствованное изъ толкованій его о томъ, како прежде язычницы, погани суще, кланялися идоломъ и жертвы приносили имъ, иже и нынѣ мнози творять. (Лѣтопись Рус. Лит. Тихонравова. Т. IV. Слова и поученія направленные противъ идолопоклонства). «Видите ли сію окаянную и скверную службу, устраиваемую скверными язычниками! Окаяннїи елины, изобрѣтенныя наученіемъ діавола и ввученіемъ темнаго бѣса (приносяще) блудныя жертвы, кощунамъ злымъ владомыя требы; зловѣрнїи, почитая суету истинною, служатъ и кланяются идоломъ, исполняя нѣкое бѣсовское ухищреніе. Мы же, чада, сихъ нечестивыхъ жертвъ отмещемся: служенія Дію и принесенія жертвъ ему, критскаго окаяннаго учителя, и Магомета проклятаго срацынскаго жреца, еллинскія любви бубеннаго игранія, свирѣльныхъ звуковъ, плясанія сатавина, фряжскихъ собраній, гуслей, музыки, праздника Ирѣ, егда человѣцы бѣсятся принося жертвы матери бѣсовстей Афротидѣ богинѣ, Корунѣ (Коруна же будетъ и Антихриста мати) и Артемидѣ, проклятой Діониссїи, и (Діонису), почитаютъ яко бога фивейское безумное пїанство, и Семелино жертвоприношеніе грому и молонїи и Вилу богу вавилонскому, его же разби пророкъ Даниилъ, тѣмъ же богамъ поклоняются и жертвы приносятъ: 1) Словенскїи же языкъ (жертвы приносятъ) Виламъ и Мокоши, Дивѣ, Перуну, Хорсу, роду и рожаницамъ, упыремъ и берегинямъ, и переплуту, и вертящися пїютъ ему въ розѣхъ и огневи — скварожичу поклоненіе и молитву творять, изъ тѣста дѣлають мосты и иныя многія суевѣрїя; таврская отъ первенець дѣторѣзанія на жертву идоломъ, лаконская идоложертвенная кровь источается ранами, тою окропляются и мажутъ ею богиню Екатию и почитаютъ её дѣвою, также почитаютъ Мокошь и кылу.... пелопова темное мясотворенье, насыщающее алчныхъ боговъ, волхвованіе Дельфійскаго трипода, кастальское питье почитая божественнымъ; вѣрятъ волхвованію и волшебнымъ заговорамъ въ наузы смрадныя (талисмань) и халдейской астрономїи, родопо-

читанію, фряжскіе сны и чары, встрѣчи и орфеновы свѣрныя басни къ сему же и кощуну, митрофа мука почитается праведною и рожденіе проклятаго Осиріда, мати бо его рождаючи сотворила богомъ себѣ и начаша приносить ему окаянніи, сильныя требы; отъ тѣхъ же древле научишися Халдеи, по примѣру того проклятаго Осиріда начаша поклонитися и жертвы приносить роду и рожаницѣ; отсюда Еллины научишася жертвы приносить Артемиду и Артемидѣ, роду и рожаницамъ, а также Египтяне (такъ же Римляне) и даже и до Словенъ дойде; и Славяни начаша требы класти прежде еще Перуна бога, роду и рожаницамъ, а до того приносили жертвы ушыремъ и берегинямъ (русалкамъ). По святомъ крещеніи, отринувши Перуна увѣровали въ Христа Бога, но и нынѣ по окраинамъ молятся еще проклятому богу Перуну, Хорсу, Мокоши и Виламъ, но то творять тайно, и доселѣ не могутъ лишиться проклятаго обычая принесенія трапезъ, нарицаемыхъ роду и рожаницамъ, на великую прелесть вѣрнымъ христіаномъ, на хулу св. крещенію и на гнѣвъ Божій. По св. крещеніи попове, работая чреву, уставиша употреблять тропарь Богородицы при трапезѣ въ честь рожаницы, собирая оклады; таковыи нарицаются кармогузцы, а не раби Божіи. Паки же еще египтяне чтуть и жертвы приносятъ рѣцѣ Нилѣ и огневи, рекуще, яко Нилъ есть податель плодовъ и раститель класовъ, а огонь, при созрѣваніи класовъ приноситъ спорыню; того ради, окаянніи чтуть полнолуніе и кланяются обратившись на западъ. Повѣсть о сихъ (зablужденіяхъ) велика есть, мы же, лѣности ради, мало написахомъ.

II. Слово Св. Отца нашего Іоанна Златоустаго (Тамъ же).

Человѣци забывше по небрежности страхъ Божій и отвергошася крещенія, приступиша къ идоломъ и начаша поклонитися молніи и грому, солнцу и лунѣ. А другіи: Перуну, Хорсу, Виламъ и Мокоши, ушыремъ и берегинямъ, ихъ же нарицають тридесять сестреницъ; а инии въ Свварожица вѣрують и въ Артемиду и имъ

невѣжды челоуѣцы молятся и курь имъ рѣжутъ, а инымъ потопляются въ водѣ, друзіи же молятся ко кладяземъ приходяще и въ воду мечуть, приносяще жертву Велиару; а друзіи огню, камнямъ, источникамъ, рѣкамъ, берегивямъ и дровамъ....

Мнящеса христіане, а погански дѣла творять, и различныя суевѣрія; мосты и просвѣты и бдѣльники и черезъ огнь скачуть. Въ баняхъ чары творять и пепель посредѣ сыплють и наговариваютъ надъ мясомъ и молокомъ, масломъ и яйцами и вся потребная бѣсомъ; льютъ въ баняхъ на печь и велятъ имъ мыться и вѣшаютъ рубашки и полотенца въ мыльницѣ.... А друзіи вѣрують въ Сгрибога и Дажьбога, и Переплута и вертась піють ему въ розѣхъ....

Каковы же христіане, егда слушають еллинскія шутки, жидовскія басни, почитаютъ рожденіе и вліаніе звѣздъ, голоса птицъ и волхвованія, значеніе дней, лѣтъ и словъ и надъ источниками вжигаютъ свѣщи и ядятъ: идоложертвенное, кровь и удавленину и заѣденное звѣрями и закланное птицами.

III. Слово нѣкоего Христолюбца. (Тамъ же и въ Описаніи Румянцевскаго музея 228 стр.)

Тако ли не мога терпѣти крестьянъ во двоувѣрныхъ живущими, иже суть крестьянѣ вѣрующе вперуна и вхорса и въ мокошь и въ сима и въ рѣгла и въ вилы иже числомъ тридевятъ сестрениць, глаголятъ окаянныи невѣгласы то всё мнать боги и богынями и тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломятъ и куры имъ рѣжутъ и огневи молятся, зовутъ его сварожищемъ, и чесновитокъ богомъ же творять, егда же будто у кого пирь, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и тако піють о долѣхъ своихъ.... Ставятъ трапезу рожаницамъ, молятся короваемъ, виламъ и огневи и прочее ихъ проклятство....

Неподобаеть крестьяномъ игоръ бесовскихъ, играти иже есть плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскія и жертва идольская, иже огневи молятся подъ овиномъ и Виламъ

и Мокоши и Симу и Реглу и Перуну и (Хорсу) и Роду и Рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ иже суть имъ подобна....

Не тако же зъло створимъ просто, не смѣшаемъ чистыя молитвы съ проклятымъ моленіемъ идольскимъ иже ставятъ лише кумирамъ трапезы котѣйныя и законнаго обѣда, иже нарицается беззаконная трапеза мѣнная Роду и Рожаницамъ.

IV. Слово Св. Іоанна Златоустаго. (Изъ сборника Болотова):

Уклоняйся молящихъ человекъ Роду и Рожаницамъ порену и аполиву, и мокоши, и берегини, и всякимъ богамъ и требамъ мерзкимъ не приближайся....

V. Изъ Вопрошаній Кирикъ.

А же се Роду и Рожаницѣмъ кроять хлѣбы и сыры и медъ (пьютъ) Борояше вельма: горе пьющемъ Рожаницѣ.

VI. Изъ Парамейника. (Ст. Срезневскаго „О рожаницѣ“ Архивъ Калачева. кн. 2).

Готовяще роду трапезу и исполняюще рожаницамъ питіе смѣшно.

VII. Изъ Цвѣтника Востокова.

Съ робять первыя волосы стригутъ и бабы кашни варятъ на собраніе рожаницамъ.

VIII. Вставка XI вѣка къ Слову Григорія Бого- слова.

Овъ Дыю жьретъ, а други Дивии; требу кладуть.... Дивъ (жен. форм.), Перуну, Хорсу.

IX. Апокрифическая рукопись XII вѣка. Хожденіе по мукамъ (см. Афанасьева, Поэт. Возвр. томъ 2-й, стр. 642).

Но забыша Бога и... юже ны тварь Богъ на работу сотворилъ—то ови все боги прозваша: солнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады.... отъ камня ту устроая Трояна, Хърса, Велеса, Перуна.

X. Толстовскій сборникъ XVI вѣка.

И да быша разумѣли мнози чѣловѣци, и въ прѣльсть велику не видятъ, мняще боги многи: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна.

Къ этимъ выпискамъ изъ духовныхъ поученій слѣдуетъ еще прибавить извѣстныя мѣста изъ Слова о полку Игоревѣ, мѣста, касающіяся славянскихъ боговъ: Хорса, Дажьбога, Трояна, Дива и Велеса.

Родъ и Рожаницы.—Всего болѣе всѣ эти тексты указываютъ на божества: Рода и Рожаницъ. Слово св. Григорія № 1-й ведетъ поклоненіе этимъ божествамъ отъ матери Озириса, которому она принесла жертвы, какъ богу. По примѣру проклятаго Озириса научились и Халдеи поклоняться Роду и Рожаницъ; отсюда Еллины научились жертвы приносить Артемиду и Артемидѣ т. е. Роду и Рожаницамъ, а также и Египтяне и Римляне и до Словянъ дошло и Словяне начали требы класть, еще прежде Перуна, Роду и Рожаницъ.

Очевидно, что въ глазахъ нашихъ писателей, Родъ представляетъ собой элементъ мужскаго оплодотворенія, а Рожаница соотвѣтствовала женской производительности, на что бѣзъ сомнѣнія указываетъ смыслъ этихъ самыхъ именъ. Тѣмъ не менѣе можно почти положительно сказать, что эти имена заимствованы не изъ народныхъ русскихъ источниковъ. Всѣ наши тексты главнымъ образомъ указываютъ на столь глубоко по видимому вкоренившійся въ народѣ обычай дѣлать трапезы въ честь Рода и Рожаницъ, а между тѣмъ, ни въ одномъ праздничномъ обрядѣ или суевѣрномъ причтаніи, не сохранились до насъ ихъ имена. У хорутанскихъ словянъ до сихъ поръ существуетъ повѣріе, что каждый человекъ при рожденіи получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу (духа хранителя). Такъ дѣвы, въ числѣ двухъ или трехъ, входятъ въ избу къ родившемуся младенцу и опредѣляютъ его судьбу.

У Хорутанъ верхнекрайскихъ зовутся онѣ деками или бѣлыми, чистыми женами или дѣвами, у Болгаръ—орисвицами, въ другихъ же мѣстностяхъ югославянской окраины онѣ извѣстны подъ именами—живицъ и содицъ или судицъ.

Въ Македоніи родильницы рассказываютъ, какъ

видѣли ихъ у своей постели,—одна изъ нихъ мѣрила нить, другая её рѣзала. (Отголосокъ древнихъ Паркъ).
 Всему человѣчеству присуща вѣра въ генія-хранителя, счастливую звѣзду, фортуна, судьбу или долю и связанная съ этими попятіями обычныя гаданья, ворожбы, предсказанія, пожеланія и поздравленія. Мифологическія представленія этой общей идеи—судьбы до того у всѣхъ народовъ развѣтвлены, и между собой перепутаны въ своихъ мѣстныхъ отбѣнкахъ, что конечно не по силамъ было нашимъ духовнымъ писателямъ старины разобратъ между столькими различными повѣртіями и преданіями. Гораздо проще оказалось взять изъ какихъ нибудь книжныхъ источниковъ одинъ фактъ трапезъ въ честь Рожаницъ, а все, что доходило до нихъ изъ народныхъ обрядовъ, подходящаго или напоминающаго эти трапезы, прямо подводитъ подъ общій знаменатель Рода—Рожаницъ, ни мало не заботясь о томъ, какое названіе и значеніе самъ народъ придаетъ своимъ суевѣрїямъ.

Инокіи, писавшіе наши поученія, не допускали никакихъ праздниковъ, кромѣ церковныхъ и проводили ихъ въ богослужебныхъ молитвахъ, веселья же, гульбища и пиршества мірянъ клеймили они беззаконными, вторыми трапезами Рода и Рожаницы, считая первой и единственной трапезой безкровную жертву православной обѣдни (сравни слово обѣдъ) и сѣтовали на то, что поминальные (кутейные) обѣды также часто переходили въ тѣ же беззаконныя трапезы, на которыя заготовлялись разные хлѣба, короваи, сыры и медъ. «Рѣжутъ куры, короваи ломаютъ и пьютъ о долѣ своей». Здѣсь очевидно дѣло идетъ о здравицахъ и поздравленіяхъ, которыя почитались монахами въ ихъ духовномъ рвеніи за великій грѣхъ, почему восклицаютъ, сѣтуя на эти мірскія пирушки: «горе пьющему рожаницѣ»!

О Рожаницахъ встрѣчаемъ мы въ нашихъ старыхъ Азбуковникахъ нѣсколько любопытныхъ объясненій, очевидно иноземнаго происхожденія, средневѣковыхъ суевѣрій—о вліяніи планетъ и дня рожденія на судьбу и

характеръ человѣка *). «Рожаницы—кумиры еллистіи, ихъ же погани омовеніемъ рожденія нарицаху быти, въ кой же день кто родится, той нравъ и осудъ прие- деть», или еще: «Рожаницами еллистіе наричуть «звѣз- дословцы седмъ звѣздъ, глаголемыхъ планиты».

Здѣсь Азбуковники нисколько даже не думаютъ на- вязывать эти средневѣковыя суевѣрія Славянамъ; правда, еще по нашимъ народнымъ повѣрьямъ существуетъ кни- га рожаника, гдѣ записана судьба каждаго родившагося и рождественныя волхвованія, имѣющія почти тотъ же смыслъ **), но все наше чарнокнижіе принадлежитъ го- раздо позднѣйшей чисто-христіанской эпохѣ и до тузем- ной міеологіи вовсе не касается.

Остается еще упомянуть довольно загадочный текстъ о Родѣ, давшій право г. Буслаеву отождествить его съ Перуномъ. Родъ представляется міеическимъ су- ществомъ: «сида на воздусъ (онъ) мечеть на землю груди, а въ томъ рождаются дѣти». Въ словѣ же Да- нила Заточника говорится, что дѣти бѣгають Рода, что даетъ поводъ проф. Соловьеву, видя въ Родѣ привидѣ- ніе, сравнить его съ домовымъ, какъ предка родона- чальника семьи.

Упыри, Берегини и Вилы. — Составитель Слова Св. Григорія Богослова № 1, дѣлитъ славянское язычество на три эпохи, древнѣйшую, изъ которыхъ онъ обозна- чаетъ поклоненіемъ Упыремъ и Берегинемъ, т. е. иначе говоря—туземнымъ народнымъ божествамъ. Не медлен- но за этими именами указываетъ онъ и на мѣстность украины: «и поныиѣ по украинамъ молятся прокля- тому и пр....» И дѣйствительно въ настоящее время въ Бѣлоруссіи и Украинѣ болѣе всего распространены по- вѣрья объ Упырехъ, какъ мертвецовъ, вставающихъ по- ночамъ изъ гроба и высасывающихъ кровь у спящихъ людей, но у Сербовъ и другихъ южныхъ Славянъ

*) Сахарова, Сказанія 2 ч. Азбуковника и Словарь Алек- сѣева ч. 4 стр. 33.

***) Архивъ Калачева 2 кн. статья Срезневскаго.

это существо называется Вампиромъ. Это единственно исключеніе, въ которомъ наши духовные тексты касаются мѣстныхъ народныхъ повѣрій, почему мы въ правѣ также причестъ Берегинь къ туземнымъ украинскимъ суевѣріямъ. Берегини, по коренному смыслу своему, *) горныя и водяныя Нимфы, подобны нашимъ русалкамъ и сербскимъ Виламъ. Тождество послѣднихъ съ Берегинями доказывается въ нашихъ текстахъ еще тѣмъ, что во второмъ текстѣ авторъ прибавляетъ о нихъ объясненіе: «ихъ же нарицають тридесять сестрениць». Когда въ Словѣ нѣкоего Христолюбца (№ 3) встрѣчается тоже объясненіе относительно виль: «ихъ же числомъ тридесять **) сестрениць, глаголять окаянныя невегласы». Упомянутіе сербскихъ Виль въ нашихъ текстахъ вслѣдъ за кievскими кумирами, прямо указываетъ на непосредственное вліяніе югославянской письменности.

Въ Словѣ св. Григорія въ одномъ мѣстѣ слово Виль употреблено въ единственномъ числѣ (Перуну, Хорсу, Мокоши, и Вилу), когда нѣсколько строчекъ выше сказано: «славянскій же языкъ жертвы приносить Виламъ Мокоши, Дивѣ, Перуну и пр.», такъ что это вѣроятно можно считать за простую ошибку переписчиковъ. Хотя съ другой стороны въ томъ же текстѣ подъ словомъ Виль (въ един. числѣ) понимается симитійскій Вааль: «бога вавилонскаго его же разби пророкъ Даніиль», что подтверждается Памвдой-Берындой: «Виль—стародавній, стекачій, летячій болванъ вавилонскій.»

Огонь.—Три первые текста единодушно указываютъ на какое-то стихійное поклоненіе огню, напоминающее послѣдователей Зороастра и огнепоклонниковъ храма въ городѣ Баку и, конечно, можно смѣло сказать, что у Славянъ никогда подобнаго обоготворенія

*) Брегъ—берегъ, нѣмецкое Berg (гора) и областное выраженіе ѣхать горой въ смыслѣ ѣхать по берегу рѣки; берегъ всегда представляетъ возвышенность сравнительно съ поверхностью воды.

**) Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается тридевятъ.

огня не существовало и они даже не имѣли особаго божества огня, подобно индійскому Агнисъ. Что же касается моленія огню подь овиномъ, если согласиться съ объясненіемъ проф. Буслаева, что овиень, не что иное, какъ простая домашняя печь (ср. нѣмецкое *ofen*). Въ этихъ словахъ можно видѣть намекъ на сербскіе и югославянскіе обряды бодняго вечера (канунъ Р. Х.), гдѣ на горящаго въ печи деревяннаго бодняка льють масло, вино и осыпають его хлѣбными зернами. Названіе же огня Сварожичемъ и Скварожичемъ, возвращаетъ насъ на Феоста—Сварога Малаловскаго перевода и Египетскаго Фта. Въ славянскомъ же переводѣ Амартола читаемъ: «Боги Египтени первѣе солнце и луна нарекоша убо солнце—Осиринь, луну же Изинь и огонь убо Ифеста», а въ текстѣ № 1 читаемъ: «Егуптяне клали требы Нилу и Огневи». Не слышится ли во всемъ этомъ одно общее византійское сказаніе о священномъ значеніи огня у Египтянь, случайно занесенное нашими духовными писателями въ область славянскихъ вѣрованій.

Въ 4 текстѣ вѣдетъ какъ-то латиногерманскимъ вліяніемъ: вмѣсто Перуна является болѣе западная форма Порена, напоминающая Поренуча и Перевита балтійскихъ племенъ. Вмѣсто Хорса оставлено имя Аполлона (Аполина) латинскаго источника, а чисто славянское имя Берегинь переводится подь нѣмецкимъ перомъ въ Перегинь.

Артемидъ и Переплуть.—Въ нашемъ 2 текстѣ между славянскими богами замѣшалось, вѣроятно ошибочно, заимствованное изъ текста № 1, мужское божество Артемидъ, божество впрочемъ отдѣльное отъ кievскихъ кумировъ: «а иніи въ Скварожица вѣрують и въ Артемида»; но трудноѣ объяснить появленіе въ нашихъ текстахъ (№№ 1 и 2) божества Переплута: «иже вертячеся ему пють въ розѣхъ». Наши ученые изслѣдователи болшею частію старались обойти его молчаніемъ, не умѣя объяснить его значенія и мы по ихъ приѣру удержимся отъ всякаго личнаго предположенія о

немъ, только едва-ли можно видѣть въ Переплутѣ шуточное прозвище, данное нашими духовными писателями какому нибудь языческому божеству, такъ какъ они слишкомъ гнѣвно относились ко всемъ остаткамъ язычества, какъ къ проявленіямъ нечистой силы сатаны, чтобы просто глумиться надъ ними.

Дій, Дый и Дивъ, встрѣчающіеся въ текстахъ № 1, 8, 9, 10 и въ Словѣ о полку Игоревѣ, считаются за одно и тоже мифическое существо, но не смотря на ихъ общее коренное значеніе, они все же въ нашихъ текстахъ имѣютъ различный смыслъ: Дый или Дій, собственно говоря, прозваніе верховнаго божества и бога вообще, Deos, Θεος и Zeus (зевсъ) латышскій Девсъ, литовскій Девасъ, богъ и германскій Teut, по Азбуковникамъ, Дій Еллинскій богъ, у Берынды Dios Zeus, въ нашемъ 1-мъ текстѣ служеніе Дію, въ смыслѣ Юпитера, а дальше Виламъ, Мокошѣ, Дявѣ, Перуну, въ смыслѣ славянскаго божества, которое встрѣчается въ текстахъ 8 и 10, гдѣ Дый, Дивіи и Дивъ (жен. фор.), какъ будто носятъ на себѣ отдѣльный смыслъ, первое, какъ верховное божество, которому жертвы приносятъ, а Дивъ на ряду съ Перуномъ и Хорсомъ. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «Дивъ кличетъ вѣрху древа велитъ послушати земли не знаемъ». «Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, ужъ вѣржесе Дивъ на землю». Здѣсь очевидно Дявъ принимаетъ мифологическій зловѣщій характеръ, проявляющійся, можетъ быть, въ зооморфической формѣ ночной птицы удода, какъ объяснилъ его Дубевскій. У Сербовъ и южныхъ Славянъ встрѣчаются злые духи Дивы, живущіе на Дивской горѣ, съ ними часто бьются богатыри и болгарская загадка объясняетъ бурные вихри дракой Дивъ между собой. Самодивы же существа въ родѣ Вилъ, но съ зловреднымъ челоуѣку характеромъ; Дивіи люди безобразныя чудовища, покоренныя Ал. Македонскимъ и у насъ на русскомъ языкѣ самое слово диво, какъ чудо, имѣетъ иногда значеніе совершенно обратное дивному, чудному, какъ чудовище морское, диво, чудо-юдо, диво-юдо.

Троянъ.—Колыбель славянскаго Трояна безспорно берега Дуная, гдѣ на сотню верстъ тянется извѣстный трояновскій валъ. Къ имени града Трояна и приурочиваютъ Болгары легенду о змѣбитвѣ св. Георгія; въ Македоніи сказка о кралѣ Троянѣ съ козлиными ушами прямой отголосокъ греческаго царя Мидаса, извѣстнаго своими ослиными ушами, а въ сербской сказкѣ царь Троянъ, боясь солнца, совершалъ свои поѣздки только ночью, но однажды застигнутый нечаянно солнцемъ, стаилъ отъ его горячихъ лучей. Въ румын. нарѣчіяхъ имя Трояна до сихъ поръ сохранилось во многихъ выраженіяхъ: млечный путь зовется путемъ Трояна, зимніе сугробы—снѣгами Трояна, широкое необъятное поле—полемъ Трояна, древніе насыпи и курганы—могилами Трояна *). Подобныя выраженія по своей формации совершенно тождественны съ Трояновой Тропой, землей и вѣкомъ Трояна, упомянутыхъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и возбудившихъ въ нашей ученой литературѣ столько различныхъ догадокъ, толковъ и пререканій, все же въ концѣ концовъ ничего не разъяснившихъ. Самое имя Трояна князь Вяземскій производитъ отъ древней Трои, воспѣтой Гомеромъ; проф. Дриновъ съ большимъ основаніемъ видитъ въ немъ память римскаго императора Трояна, побѣдителя славянскаго населенія Дакии и перебросившаго первый мостъ чрезъ Дунай. Подъ римскимъ игомъ Славяне должны были воздавать божескія почести статуѣ императора Трояна. Другіе же ученые признаютъ за именемъ Трояна самостоятельное славянское происхожденіе отъ его тройственности, троичности, почему Эрбенъ сравниваетъ и отождествляетъ его съ кумиромъ Штетинскаго Трехлава балтійскихъ Славянъ, а Забелинъ видитъ въ немъ представителя трехбратняго рода нашихъ сказокъ и легендъ. Дѣйствительно, замѣчательную роль играетъ въ нашихъ сказкахъ цифра 3, каждое дѣйствіе повторяется трижды и вездѣ встрѣчаются: 3 брата, 3 сестры, 3 змѣи, 3 бабы-Яги, 3 подземныхъ царства

*) В. Евр. 78 г. кн. 11 стр. 355.

и проч., но изъ этого еще нельзя возводить цифру 3 въ божество, тѣмъ болѣе, что эта тройственность встрѣчается и въ нѣмецкихъ сказкахъ и ничѣмъ еще не доказано, что народная любовь къ этой цифрѣ не результатъ христіанскаго вліянія высокаго значенія ея. Впрочемъ югославянскаго Трояна, какъ божество, мы нигдѣ не встрѣчали, кромѣ какъ въ вышеприведенныхъ нашихъ текстахъ 9 и 10.

Велеса привыкли мы считать простымъ варьяномъ скотьяго бога Волоса; В. Миллеръ почитаетъ его болгарской формой этого божества, но такая существенная разница въ значеніяхъ, приписываемая двумъ этимъ формамъ, едва-ли ихъ можно считать однимъ божествомъ, хотя бы въ зародышѣ своемъ онѣ имѣли одно солярное происхожденіе.

Велесъ богъ солнца и какъ Аполлонъ покровитель поэзіи и пѣснопѣнія, почему и понятна метафора, называющая вѣщаго Бояна его внукомъ. Въ чешской поговоркѣ о смерти «Zaletel nemum za more u Welessu» указывается намъ на страну солнца и вѣчнаго лѣта, лежащую за моремъ за океаномъ, откуда идутъ сѣмена всего живущаго, словомъ царство солнца и блаженства, извѣстное у насъ подъ именемъ Вирія, Ирія, или острова Буяна нашихъ заговоровъ. Итакъ Велесъ одно изъ многихъ именъ солнца у Славянъ, когда Волосъ является у насъ постоянно лишь скотымъ богомъ перешедшимъ при осѣдлой жизни въ покровителя хлѣбопашества. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай оставлять при концѣ жатвы кустикъ не срѣзанныхъ колосьевъ Волосу или Волоту (отнюдь не Велесу) на бородку *). Слово Волосъ сокращается въ власъ (какъ голось—гласъ, городъ—градъ), почему въ эпоху христіанства отъ языческаго божества Волоса на св. Власія перешло покровительство домашней скотины. Въ Никоновской лѣтописи скотій богъ Волосъ прямо названъ Власіемъ, на образахъ св. Власій пишется окруженный овца-

*) Афанасьева, Поэтическія Воззрѣнія 1 стр. 697.

ми и коровами, день его празднуется 13 февраля, на югъ выгоняется въ первый разъ скотина и окропляется, какъ и у насъ въ Егорьевъ день, св. водой. Въ Новгородской губерніи существуетъ обычай—въ день св. Власія приносить въ церковь свѣжее коровье масло, называющееся волоснымъ, по областнымъ выраженіямъ—волочай, чѣмъ приправляется кушанье напр. масло, сало, сметана; волочно значитъ жирно, маслено, волоха—шкура или кожа, волосатый лохматый, наконецъ волокно, войлокъ, волосъ и нѣмецкое Wolle шерсть и самыя имена вола и волоха--всѣ слова, возвращающія насъ къ значенію и названію скотьяго бога Волоса. Въ Новгородѣ церковь св. Власія стояла на Волосовской улицѣ и въ нашихъ лѣтописяхъ самое имя Волоса нѣрѣдко встрѣчается еще въ XIII вѣкѣ вмѣсто Власія **). Можно также почти утвердительно сказать, что хотя Несторомъ и не упомянуть кумиръ Волоса, онъ вѣроятно находился на кievскомъ холмѣ между другими, такъ какъ Мнихъ Яковъ прямо упоминаетъ о его низверженіи: «А Волоса идола его же имяноваху скотья бога веле (Владимиръ) въ Почайну рѣку въвреци».

Имя же Велеса встрѣчается у насъ единственно въ предпоследнемъ текстѣ № 9 болгарскаго происхожденія, въ Словѣ о полку Игоревѣ, да еще въ житіи Авраамія Ростовскаго, сокрушившаго въ Ростовѣ идола Велеса, но здѣсь можно подозрѣвать книжное вліяніе на сочинителя житія, замѣнившее Волоса Велесомъ. Защитники русской туземности нашихъ боговъ въ особенности любятъ ссылаться на случайныя названія селеній и урочищъ, совпадающихъ по звуку своему съ именемъ того или другаго божества, но подобные одиночные случаи едва-ли могутъ служить доказательствами народной памяти о его древнѣйшихъ вѣрованіяхъ. Происхожденіе названій населенныхъ мѣстъ, даже городовъ, вопросъ очень

**) Въ 1229 году встрѣчается имя Волоса Блужинца; одеренъ Волосъ упоминается также въ древней грамотѣ, приведенной въ Исторіи Русской Іерархіи ч. 3 стр. 125.

сложный и еще не затронутый наукой, кромѣ разныхъ бытовыхъ случайностей. Мѣстный выговоръ и удареніе, областныя выраженія и прозвища до того иногда измѣняютъ первоначальное имя, что нѣтъ возможности добраться до причины и смысла его названія. Но и при первомъ взглядѣ имена селеній: Хорошково, Хороши и Хорошее озеро отнюдь нельзя отнести къ воспоминаніямъ о Хорсѣ точно также, какъ Вельшино, Велешино, Велеши и Вележка, кромѣ трехъ первоначальныхъ буквъ ничего общаго не имѣютъ съ Велесомъ. «Наконецъ, говорить защитникъ туземности Велеса: стоитъ только заглянуть «въ Областной Академическій Словарь» и тамъ можно видѣть, что имя «Велеса» до нынѣ слышится въ живой народной рѣчи. Въ Рязанской губерніи иронически именемъ Велеса называютъ того, кто распоряжается и повелѣваетъ, не имѣя на то права: вишь какой Велесь!» Но стоитъ также раскрыть второй томъ того же словаря (собственно дополненіе къ нему) и на стр. 19 мы встрѣтимъ слово «велець, вельца», въ томъ же смыслѣ, какъ Велесь (срав. дѣлецъ) и это выраженіе всякому станетъ понятно безъ всякой миѣологической подмоги. Точно тоже можетъ случиться и съ собственными именами селеній при болѣе тщательномъ и обширномъ сравненіи цѣлой группы близкихъ по звуку другъ отъ друга именъ.

Нельзя намъ, наконецъ, не упомянуть имена кумировъ, исчисленныхъ между Перуномъ и Ахметомъ въ сказаніи о Мамаевскомъ побойщѣ въ Рус. Нар. Сказан. Сахарова, напечатанномъ съ рукописи XVI вѣка: «Мамай же царь... нача призывати боги своя—Перуна, Савана, Тамакоша, Раклія, Гурса и великаго своего помощника Ахмета». Гурса почитаетъ г. Соколовъ за Хорса на томъ основаніи, что Гурко собственно Курхо или Куркосъ литовское божество зимняго солнца, по Нарбуту, отождествляемое чехонѣмцами миѣологами съ русскимъ Хорсомъ.

Ракли—видимое сокращеніе греческаго Гераклія или Ираклія—поставлено, пожалуй, тутъ вмѣсто Реглы,

а Тамакоша вмѣсто Мокочи Несторовскаго списка. Остается еще вслѣдъ за Перуномъ имя Саваны, какъ бы заявшаго въ этомъ перечнѣ мѣсто нашего Дажьбога. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ сказанія о побойщѣ не имѣлъ никакого понятія, ни о санскритѣ, ни объ индѣйской мѣологіи, откуда взялъ онъ своего Савана, намъ рѣшительно неизвѣстно, а между тѣмъ по странной случайности Сава и Савана синонимы санскритскаго бога Савитара. *Savitar soliel avec ses synonimes sava, savana, sura* *).

Мы, конечно, изъ этого совпаденія не будемъ выводить никакаго заключенія, но не можемъ не припомнить, что и знакомство наше съ Сварогомъ основано на одномъ только переводѣ болгарскаго хронографа и подтверждается и объясняется единственно нашими мѣологами его санскритскимъ словопроизводствомъ. Будь Слово о Мамаевомъ побойщѣ болѣе древняго происхожденія, то и Савану приняли бы въ число нашихъ солярныхъ боговъ на основаніи его санскритскаго словопроизводства.

Ѥда—идоложертвенное и крови и удушеннаго, задушеннаго звѣремъ и задушеннаго птицами.—Смѣшанныя питія съ чеснокомъ, котораго клали въ ведра и чаши.—Постройка мостовъ изъ тѣста.—Обрѣзаніе съ ребячьихъ первыхъ волосъ въ честь роженицы. Просвѣты и бдѣльники.—Зажиганіе свѣчей надъ источниками. Развѣшиваніе рубахъ и полотенецъ въ мыльницѣ и посыпка бани пепломъ.—Наговоры надъ мясомъ, молокомъ и яйцами. Метаніе въ воду въ честь Велиара.

Вотъ почти всѣ скудныя свѣдѣнія нашихъ проповѣдниковъ о суевѣрныхъ обрядахъ нашей народной старины, а между тѣмъ ни одного изъ этихъ указаній нельзя отыскать въ обычаяхъ и предразсудкахъ живущимъ до нынѣ въ нашемъ сельскомъ населеніи, такъ что невольно приходишь къ убѣжденію, что эти немногія по-

*) Pictet Orig. Indo-Europ. III стр. 433.

дробности нашихъ текстовъ, взяты не изъ фактической дѣйствительности русскаго быта, но изъ иноземныхъ книжныхъ разсказовъ. Существуетъ у насъ, правда, святочное гаданье, называемое мостами: дѣвушки, ложась спать, ставятъ подъ кровать тарелку съ водой и сверхъ тарелки кладется щепка или соломенка въ видѣ моста, чрезъ который долженъ проѣхать суженый-ражесый и явиться дѣвушкѣ во снѣ, но въ текстахъ сказано, что мосты дѣлаются изъ тѣста и не можетъ быть, чтобы изъ всѣхъ святочныхъ гаданій только это одно поразило такъ нашихъ духовныхъ отцовъ своимъ языческимъ характеромъ. Весьма любопытно было бы изслѣдовать, откуда заимствованы и у какихъ народовъ встрѣчаются различные обычаи и суевѣрія, описанные нашими текстами, что вѣроятно и указало бы намъ, гдѣ именно искать первобытный источникъ всѣхъ нашихъ словъ и поученій, направленныхъ противъ остатковъ язычества въ Россіи. Со вставкой въ Густинской лѣтописи, разсужденія, подъ заглавіемъ о идолахъ Руссовъ, начинается псевдонаучное толкованіе русской міеологіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Запада, польскихъ хрониковъ и нѣмецкихъ ученыхъ. Полное незнаніе и игнорированіе всего роднаго съ безусловнымъ довѣріемъ ко всему печатному на нѣмецкомъ языкѣ, вотъ главный характеръ этой грустной эпохи нашихъ первыхъ шаговъ на почвѣ міеологическихъ изслѣдованій. И не стоило бы говорить объ этой давно забытой міеологіи нѣмецкихъ фоліантовъ двухъ прошлыхъ столѣтій, если бы не представлялся здѣсь самый наглядный примѣръ, какъ легко прививались у насъ безъ всякой критической оцѣнки самыя нелѣпыя чужеземныя выдумки и фальсификаціи. Даже имена Несторовскихъ кумировъ, побывавъ за границей, возвращались къ намъ въ неузнаваемыхъ онѣмеченныхъ формахъ, Корша вмѣсто Хорса и Дашубы вмѣсто Дажьбога. И если люди, какъ Гизель, Димитрій Ростовскій, Ломоносовъ и отчасти даже нашъ исторіографъ Карамзинъ, непрекословно, рабски подчинялись авторитету польскихъ и нѣмецкихъ источниковъ, не свѣ-

рая ихъ съ дѣйствительностію быта и преданій народной старины, то возможно-ли упрекать иноковъ XIV вѣка, если они внесли въ нашу русскую мифологию имена и повѣрія намъ чуждыя, но заимствованныя ими отъ другихъ родственныхъ для насъ славянскихъ племенъ.

Мы далеки отъ мысли въ этомъ бѣгломъ обзорѣ свѣдѣній, доставленныхъ намъ древней нашей письменностію, положить окончательный приговоръ ихъ чуждаго, нерусскаго происхожденія въ виду того, что этотъ важный вопросъ требуетъ усидчивой, осмотрительной разработки и большихъ историческихъ и лингвистическихъ познаній, и мы сочли бы нашу цѣль вполне достигнутой, если бы этой самой статьёй выдвинули впередъ на арену ученой критики вопросъ, лишь косвенно затронутый до нынѣ г. Миллеромъ и Ягичемъ и ожидающій еще всестороннихъ критическихъ его изслѣдованій.

Д. Шеппигъ.

...и в том, что в настоящее время в России не только не существует, но и не было никогда, в смысле закона, никакого права собственности на землю. Земля принадлежала государству, и всякое пользование ею было только по воле государя. Это положение вещей не изменилось до тех пор, пока не появились частные владения, т. е. пока не возникло право собственности на землю. Это право возникло в России в начале XVIII века, когда Петр I начал реформы, в том числе и в области земледелия. Он ввел обязательную посессию, т. е. обязательное владение землей, и разрешил частную торговлю землей. Это привело к тому, что земля стала рассматриваться как вещь, которую можно продать, подарить, завещать и т. д. Таким образом, в России появилось право собственности на землю, которое до этого времени отсутствовало.

Д. Шпильман

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и угія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Пси, Исторія литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлыя курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и жмъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія—разныя методы и программы;—указанія на недостатки и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ родствѣ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Исслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и новостямъ.

V. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разсужденія о содержаніи статей филологическаго содержания, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебниковъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, главныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выразительности и красоты языка какъ въ словахъ, такъ и въ оцѣнѣ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщаемыхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

VI. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся вопроса о разговорномъ языкѣ, въ особенности народномъ, — о народной словесности, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о лингвистическомъ письмѣ, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержания, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или занимательныхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) переводы вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній современныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по вопросу о общій сравнительной филологіи и лингвистикѣ, о языкахъ и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной мифологіи и народной психологіи.